

LE MESSAGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

172

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 172

III - 1995

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

172

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

Н001550

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 172

III - 1995

АНТИХРИСТ В МОСКВЕ ?

*Не должно ниже гнати по стремнинам отчаяния,
ниже отпускати бразды к расслаблению жизни.*

101 правило Шестого Вселенского Собора.

Перед нашими глазами брошюра с диким названием «Антихрист в Москве».¹ Под этим семантически и богословски безграмотным лозунгом-заклинанием (действие Антихриста может быть только всемирным и окончательным) кроется законное беспокойство о нравственном состоянии общества, но почему-то это беспокойство касается исключительно эротики и половой распущенности. Ни слова не сказано о пьянстве (не потому ли, что оно искони разъедало Русь?) и лишь вскользь упоминается наркомания, самый страшный из бичей современности.

Грех и зло не с 1993 года появились в Москве, и не в одной эротике они проявились. В русской истории (как впрочем и во всякой) греха было немало (вспомним хотя бы обличения Хомякова). Наивысшего сгущения зло достигло — вне всякой эротики — в ленинско-сталинское время, когда, вынужденно или нет, брат шел на брата, детей заставляли доносить на родителей, истреблялись миллионы (на одном только петербургском кладбище лежат 40 000 (сорок тысяч!) невинно убиенных за один 1937 год!). Как, зная это, рука подымается писать, что «Россия никогда не знала таких преступлений, которые терзают сегодня (т.е. в 1995 г.) наше общество»! Ведь сегодня убийства, в основном среди мафиози, насчитываются сотнями отдельных случаев и становятся достоянием гласности, тогда как в то лютое время уничтожались втихомолку сотни тысяч душ. В 20-е, 30-е, 40-е годы с неизмеримо большим основанием можно было говорить об Антихристе в Москве, поскольку массовые убийства сопровождались небывалым в мире богоборчеством, обожествлением власти и волей к всемирному владычеству. Но даже это близкое подобие Антихриста в итоге развеялось как дым, успев, правда, обес-

Отпечатано в Христианском издательстве
117192 Москва, Мичуринский проспект, 1

Copyright © Le Messager. Paris 1995

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

¹ Москва 1995, изд. Общественного комитета «За нравственное возрождение отечества», возглавляемого прот. А. Шаргуновым, подкреплено рядом подписей, в том числе известных писателей (В. Распутин, В. Белов, В. Крупин и др.), правда в богословии не слишком сведущих.

кровить и опустошить народ. Но об этом забывают авторы брошюры, инсинуируя, что зло пришло на Русь со свободой (а свобода — ведь это дар Божий), с демократией (наименее худшей из политических систем) и с плюрализмом (естественным законом природы).

В праведном гневе против «бесстыдства» некоторой прессы (но ее можно и не читать) или телевизионных передач (но сознательный христианин может их и не смотреть), прот. А. Шаргунов смешивает разные понятия, сгущает краски (даже в неправильном понимании «отлучения» как окончательного отвержения-анафемы), сбивается на политику и тем самым обесценивает свои же доводы и призывы. С эротоманией, принимающей угрожающие размеры, несомненно нужно бороться, но не столько запугиванием и прещеннями, сколько примером и творческими инициативами.

Попутно в брошюре упрощаются семейно-жизненные проблемы огромной сложности, требующие осторожного и милосердного подхода, дабы «не налагать на людей бремена неудобноносимые» (Лука, XI, 46). В духе ватиканских постановлений осуждается какое бы то ни было регулирование деторождаемости. Но ведь всем известно, что, до всякой перестройки, аборт (а аборт тяжелейший грех) в католической Польше исчислялись ежегодно миллионами случаев (а в России, естественно, еще больше). Рядом с такой нравственной и биологической катастрофой, ограничение рождаемости (естественным, химическим или механическим способом) неизмеримо меньшее зло.

Еще возмутительнее в брошюре чудовищное, почти кощунственное определение экуменизма как «пути к растлению и сатанизму» наравне с порнографией и эротикой! Кстати, противореча себе самой, брошюра призывает, чтобы остановить растление народа, «верующих других традиционных религий объединить усилия». Чем это не экуменизм, да еще в расширенном понимании, идущем куда дальше ненавистного авторам Мирового Совета (Христианских) Церквей, которым экуменизм, как благое стремление христиан сближаться в главном, отнюдь не исчерпывается.

Христос призывает к совершенству во всех областях жизни, и прежде всего в смирении и неосуждении. Московским Савонаролам следовало бы помнить, что в Евангелии обличения всегда оттеняются милосердием и всепрощением. В проповеди Христа ни разу не говорится «горе вам прелюбодееи и блудницы», но неоднократно повторяется «горе вам книжники и фарисеи», «и вам законникам горе, ... что взяли ключи разумения» (Лука, XI, 44, 46, 56).

Никита Струве

БОГОСЛОВИЕ — ФИЛОСОФИЯ

Митрополит ИОАНН (Зизюлас)

ОБЩНОСТЬ И «ИНАКОВОСТЬ»*

Читателю предлагается доклад митрополита Иоанна, епископа Пергамского, сделанный им 30 октября 1993 года на 8-ом Православном съезде Западной Европы в Бланкенберге (Бельгия). Митрополит Иоанн — профессор Королевского Колледжа в Лондоне и богословского факультета в Фессалониках, его труды в области экклезиологии и литургического богословия пользуются большим авторитетом. Этот доклад является продолжением другого — «Церковь как общность», прочитанного автором в августе того же года в Сен-Жак-де-Компостель на 5-ой Всемирной конференции «Вера и Церковное Устройство».

...Присутствие Православной Церкви в Западной Европе является одним из важнейших свидетельств действия Божественного Промысла в нашу эпоху, это историческая реальность, призванная решительным образом повлиять на жизнь как внутри Христианской Церкви, так и вне ее.

Неисповедимы пути Господни! В результате различных потрясений человеческой истории возникают новые исторические реальности, и Господь использует их для того, чтобы освятить этот мир, принадлежащий Ему. События, которые потрясли Россию в 1917 году, вынудили

* *Altérité* — от лат. *alter* (другой, иной, инаковый) — неологизм митрополита Иоанна, который часто встречается в его трудах и который мы передаем по-русски как «инаковость». В качестве же прилагательного в зависимости от контекста употребляем все три слова — другой, иной, инаковый. Смысл, который владыка Иоанн вкладывает в эти понятия, выясняется в ходе изложения темы.

многих выдающихся церковных деятелей и крупнейших богословов эмигрировать в Западную Европу. Благодаря им с Православием здесь не просто познакомились, но глубоко оценили его. Бедствия, которые постигли народы Греции и Южной Европы во время Второй мировой войны, сразу же привели к увеличению, причем в пропорциях дотоле неизвестных, числа православных в Западной Европе.

Каким может быть вклад православных в Европе?

Сегодня присутствие Православия в Западной Европе очень заметно, и это налагает на него огромную ответственность. Ведь это Божие благословение Православие получило не только ради Европы, но и ради человечества в целом, ради всей вселенной.

Какой вклад могут внести православные Западной Европы в современный мир? Для некоторых миссия православных в Европе состоит в том, чтобы обратить в Православие как можно больше западных христиан. Это суженная и ограниченная перспектива. Миссия Православной Церкви шире и на деле намного важнее; в ней можно выделить два аспекта: с одной стороны, Православие должно свидетельствовать перед западным христианством и его культурой о самобытных ценностях православной традиции, с другой стороны — объяснить православным ту ментальность, которую можно назвать «западной».

Эту задачу могут выполнить только православные Западной Европы. Они могут стать своего рода «паромщиками», наладив со временем настоящий мост между историческим Православием и западной культурой. Никакой другой православный не сможет этого сделать.

Важность этой миссии в достаточной мере никогда не подчеркивается. Западная культура сейчас доминирует в мире. Превосходство западных держав в политике и экономике делает их образцом для остального мира. Православие на этом фоне не должно стать экзотической религией, предлагая убежище для людей, ищущих мистики и необычной религиозной практики, подобно

тому, как это делают самые разные восточные культы и религии. Необходимо бороться против такого понимания миссии Православия: совсем не то завещало нашей Церкви великое святоотеческое Предание.

Великие Святые Отцы, включая удалившихся в пустыню, ответили на вызов культуры своего времени. Вместо того, чтобы проповедовать экзотическую религию, они постарались преобразить греко-римскую культуру той эпохи, и это им удалось замечательным образом.

Ныне то же самое призвано совершить западное Православие, причем, более, чем какая-либо другая часть Православной Церкви, оно призвано увязать Предание и проблемы современного западного человека, которые, впрочем, все в большей мере становятся проблемами человечества в его глобальном измерении. Именно по этой причине западное Православие приобретает сегодня огромное значение; важность его Вселенский Патриархат, от имени которого я выступаю, осознает и очень высоко ставит.

Общность и «инаковость» в падшем состоянии

В свете этих предварительных замечаний перейдем теперь к главной теме выступления. «Общность» и «инаковость»: как согласовать эти понятия? не исключают ли они взаимно друг друга по причине несовместимости? Не правда ли, что «другой» — по существу своему мой враг, мой «первородный грех», как выражается один французский философ нашего времени (J.-P. Sartre. *L'être et le néant*, 1949, p. 251).

Наша западная культура, так, как она есть, сформированная индивидуализмом, кажется, разными способами подписалась под этим утверждением. С тех пор, как Бозций в V веке нашей эры отождествил личность и индивида («личность» — это индивидуальная субстанция разумной природы), и с тех пор, как Августин Блаженный, примерно в то же время, настоял на важности сознания и самосознания для понимания того, что делает существо личностью, западная мысль не перестает строить свою культуру на этом принципе. Счастье инди-

вида стало составной частью американской Конституции, как и «права человека», защищенные ныне многими международными хартиями и документами. Все это предполагает, что защита от «другого» в нашей культуре является фундаментальной необходимостью. В присутствии «другого» мы все острее чувствуем себя под угрозой.

Нас вынуждают и даже поощряют рассматривать «другого» как нашего врага еще прежде, чем мы получаем возможность расположиться к нему или к ней как к другу. Общность с «другим» возникает не непосредственно, нет, — она должна формироваться поверх тех барьеров, которые воздвигнуты, чтобы защитить нас от опасностей, связанных с присутствием «другого». Мы принимаем «другого» только в той мере, в какой он не угрожает нашему душевному комфорту и в какой способствует нашему индивидуальному счастью.

Это, без всяких сомнений, прямо проистекает из того, что на богословском языке мы называем «грехопадением человека». Существует некая патология, которая коренится в самих основах нашего существования и которую мы наследуем с рождения: страх перед другим.

Этот страх происходит из отказа первого человека, Адама, — а до него сатанинских сил, которые восстали против Бога, — от того Другого *par excellence*, Который является нашим Творцом. Сущность греха — это страх перед Другим, страх, происходящий от этого отказа. Но с тех пор как утверждение своего «я» идет через отказ, а не принятие Другого — именно это выбрал Адам, воспользовавшись своей свободой, — становится естественным и неизбежным, что Другой воспринимается как враг и угроза. Примирение с «другим», кем бы он ни был, предполагает примирение с Богом.

Из того факта, что страх перед другим стал патологией, неотделимой от нашего существования, вытекает и то, что это страх не просто перед «другим», но также перед любой формой «инаковости». Речь идет о деликатном вопросе, который заслуживает серьезного рассмотрения; здесь перед нами открывается широта и глубина этого страха перед другим: мы испытываем страх не

просто перед другим или другими; случается, что мы даже принимаем некоторых других, но принимаем их по причине некоторого сходства с нами. Радикальная же «инаковость» подобна анафеме. Отличие другого уже само по себе представляет угрозу. Для всеобщности и патологического характера этого явления симптоматично следующее: *даже если отличие не представляет для нас на деле никакой реальной угрозы* (курсив автора), мы отвергаем его просто потому, что оно нам не нравится.

Приведем пример. Даже если человек с черной кожей не угрожает нам никоим образом, мы его отвергаем единственно из-за его отличия от нас. Это крайний случай, и тут мы будем почти все согласны друг с другом; но существуют и другие случаи, более тонкие, которые показывают, в какой степени страх перед «другим» в своей глубине не что иное, как страх перед тем, что отличается от нас. Тем или иным способом мы стремимся наложить на другого модель нас самих, что выявляет степень укорененности страха перед «другим» в нашем существовании.

Когда страх перед «другим» проявляется как страх перед «инаковостью», мы склонны *отождествлять различие и разделение* (курсив автора). Это опасным образом усложняет и затемняет мысль и поведение человека. Нравственные последствия из этого могут быть очень серьезными. Мы *разделяем* (курс. авт.) наши жизни и человеческие существа *на основе их отличий друг от друга* (курс. авт.). Мы организуем государства, клубы, братства и даже Церкви, основываясь на различиях.

Когда различие становится разделением, тогда общность не более, чем договор о мирном сосуществовании, который продолжается до тех пор, пока не утрачены общие интересы, и который может легко смениться конфликтом или конфронтацией, как только эти интересы перестанут совпадать. Наше общество и ситуация в мире в общем плане полностью подтверждают это.

Если бы это смешение различия и разделения было лишь нравственной проблемой, достаточно было бы этики для ее разрешения, но это не тот случай. Св. Максим Исповедник выделяет здесь наряду с другими косми-

ческое измерение проблемы. Космос в целом оказался разделен фактом различия, и он различен в своих составных частях по причине разделений.

Это, естественным образом, увязывает проблему общности и «инаковости» с проблемой смерти. Смерть существует потому, что в творении общность и «инаковость» не могут быть согласованы. Различные существа становятся существами удаленными: по мере того как различие становится разделением, различие становится удалением. Именно такие термины употребляет св. Максим Исповедник, чтобы определить это всеобщее и космическое состояние. Различие (*diaphora*) надо поддерживать, т.к. оно добро. Разделение (*diairesis*) — это извращение различия (*diaphora*), и оно — зло. В дальнейшем речь может идти об удаленности (*diastasis*), которая приводит к разложению (*diaspasis*) и, следовательно, к смерти.

Все это обязано своим существованием, как заметил еще св. Григорий Нисский, «отдаленности» (*diastema* — отдаленность во времени и пространстве), которая характерна для сотворенного из ничего, (*ex nihilo*). Смертность неотделима от сотворенности из ничего, и именно к этому приводит отказ от Другого — Бога — или «другого» в любом значении этого слова. Через отказ от другого мы превращаем различие в разделение и умираем. Ад, вечная смерть — не что другое как изолированность, отчужденность от другого, как учат св. Отцы. Этически эта проблема не решается. Мы должны родиться вновь. Это приводит нас к экклезиологии.

Общность и «инаковость» в церковной жизни

Каким образом устанавливаются отношения между общим и «инаковым» в Церкви? Каково место «иногo» в церковной общности? Именно к этому вопросу мы должны теперь перейти.

Церковь есть община, которая живет в истории, и, как следствие этого, в условиях падшего существования. Все наши наблюдения относительно трудностей в деле согласования общности и «инаковости» в равной мере

приложимы и к жизни Церкви. Грех, как страх перед другим и неприятие его, есть реальность, имеющая место и внутри Церкви. Церковь состоит из грешников, она полностью разделяет онтологическое и космическое измерение греховности, которая есть не что иное, как смерть, разрыв общения и окончательный *diaspasis* (разложение и распад) существ.

Однако, мы настаиваем на том, что Церковь свята и безгрешна. В этом пункте мы, православные, отличаемся от других христиан, в частности от тех, которые принадлежат к протестантской семье. Какое отношение имеет все это к теме нашего выступления: общности и «инаковости»?

Учение, отстаиваемое православными, предполагает в первую очередь, что смысл христианского существования в Церкви есть *metanoia* (покаяние). Самим фактом того, что мы его отталкиваем или боимся, другой влечет нас и подталкивает к покаянию. Даже существование страдания и смерти в природном мире, причиной которого никто из нас лично не является, должно приводить нас к покаянию, так как мы все причастны к грехопадению Адама и мы все должны почувствовать боль перед лицом нашей неспособности вернуть творение к общению с Богом и победе над смертью. Святость в Церкви проходит через искреннее и глубокое покаяние. Все святые плакали, потому что они чувствовали некоторым образом личную ответственность за грехопадение Адама и его последствия для невинного творения.

Учение, отстаиваемое православными, во вторую очередь, предполагает, что покаяние может быть искренним и подлинным только в том случае, если Церковь и ее члены имеют правильное понимание *истинной природы* (курсив авт.) Церкви. Нам необходима модель, с помощью которой мы могли бы оценивать наше существование. И чем более возвышена модель, тем более глубоким должно быть покаяние. По этой причине нам необходима максималистская экклезиология, а также максималистская антропология и даже космология, которые вытекали бы из этой модели. Православная экклезиология, настаивая на святости Церкви, не поощря-

ет и не должна поощрять триумфализма, но побуждает к углублению сострадания и покаяния.

Какова модель такой максималистской экклезиологии, которая позволила бы жить адекватным образом в общении с другим? Кто может нас вести к этому, откуда может придти к нам необходимое просветление, чтобы мы смогли жить в общении с Другим и с другими в Церкви? [...]

Наша вера в троичного Бога

Чтобы быть действительным руководством для Церкви и для человека в их поисках адекватных отношений между общим и инаковым, нет другой модели, кроме троичного Бога. Если Церковь хочет оставаться верной своей истинной сущности, она должна стремиться отразить в себе то общее и инаковое, которые существуют в триедином Боге. Речь идет также о человеческом существе как «образе Божиим». Отношения между общностью и «инаковостью», существующие в Боге, являются моделью одновременно и для экклезиологии, и для антропологии. Чему учит нас догмат о Святой Троице относительно общности и «инаковости»?

Анализ учения о Троице, во-первых, выявляет тот факт, что «инаковость» является конститутивным элементом единства, а не следует за ним. Бог не есть сначала «один», затем «три»: Он в одно и то же время и Единица и Троица. Его «единообразие» и единство обеспечивается не единой природой, как полагал Августин Блаженный и другие западные богословы, но «монархией» Отца, который Сам есть Лицо Святой Троицы. «Единоеобразие» и единство Бога выражается также через ненарушимое общение (*κοινωνία*), которое существует между тремя лицами и которое свидетельствует, что «инаковость» не только не угрожает единству, но наоборот — она является его условием *sine qua non* (т.е. неизменным).

Во-вторых, постижение догмата о Троице выявляет тот факт, что «инаковость» абсолютна. Отец, Сын и Дух абсолютно отличны (*diaphora*) друг от друга, никто из них не смешивается с двумя другими.

В-третьих, знаменательным образом выявляется, что «инаковость» носит не нравственный или психологический характер, а онтологический: мы не можем сказать, что есть каждое Лицо, мы знаем только, что оно есть. Каждое Лицо в Троице отлично от другого не в силу различных качеств, но на основании того факта, что каждое Лицо именно таково, каково Оно есть.

Наконец, как следствие, «инаковость» неотделима от взаимных отношений Лиц во Святой Троице. Отец, Сын, Дух — это все имена, указывающие на отношения между ними. Никакое Лицо не может быть отличным, если Оно не находится в отношениях с Другими. Общее не угрожает иному, оно его порождает.

Наша вера во Христа

Мы не можем быть «по образу Божьему», будь то в плане экклезиологии или в плане антропологии, не восстановив в себе первообраз (единственно аутентичный) Отца, который есть не что другое, как воплотившийся Сын Божий. Отсюда вытекают два следствия, которые прямо относятся к нашей теме.

Прежде всего, общность с другим делает необходимым опыт Креста. Если мы не пожертвуем своей собственной волей, чтобы подчинить ее воле другого, воспроизводя в нас самих то, что совершил наш Господь в Гефсимании по отношению к воле Отца, тогда мы не сможем истинно выразить в истории общность и «инаковость», которые мы видим в триедином Боге. Поскольку Сын Божий пошел навстречу «инаковому», т.е. своему творению, истощив себя в кенозисе Боговоплощения, путь кенозиса стал единственным для христианина в его общении с другим, будь этот другой Богом или ближним.

Далее, в этом «кенотическом» образе сближения с другим общение ни в коем случае не определяется теми качествами, которыми этот «другой» может обладать или не обладать. Принимая грешника, Христос приложил к общности тринитарную модель, ту, которую мы описали выше: «другой» должен быть таковым не по

своим качествам, а просто по тому факту, что он или она есть, и он есть он сам, или она есть она сама. Мы не должны были бы делать выбор между теми, кто «достойн», которых мы принимаем, и теми, которые недостойны. Именно этому учит нас христологическая модель общности с другим.

Наша вера в Святого Духа

Святой Дух вместе со всем прочим вовлечен также и в кинонию (2 Кор. 13:13) и в пришествие последних времен (Деян. 2:17-18), т.е. в эсхатологию. Там, где дышит Святой Дух, Он не творит христиан или святых, взятых порознь, но творит саму общность, которая преображает всякого, кого касается Дух, в существо, погруженное во взаимоотношения. В этом случае «другой» онтологически становится составной частью нашей собственной личности. Св. Дух деиндивидуализирует и вместе с тем персонифицирует существа всюду, где Он дышит.

С другой стороны, это эсхатологическое измерение присутствия и действия Духа оказывает глубокое влияние на личность другого. Мы должны относиться к нему и принимать его не в зависимости от его прошлого или настоящего, но в ракурсе его будущего. Поскольку будущее находится в руках Божиих, мы должны подходить к «другому» не судя его. Всякий «другой» в Духе есть потенциально святой, даже если внешне он остается грешником.

Наша вера в Церковь

Все, что мы до сих пор сказали о нашей вере в Троицу, Христа и Духа, приобретает конкретность в Церкви. Именно в ней общение с другим полностью отражает отношения между общностью и «инаковостью» во Святой Троице, в Христе и в Духе. Посмотрим, в каких конкретных формах выражает все это церковное общение.

Крещение

Таинство Крещения связано с оставлением грехов. Всякий крещеный человек фактом оставления грехов перестает отождествляться со своим прошлым, чтобы стать гражданином будущего града, т.е. Царства Небесного. То, что мы сказали перед тем об оставлении грехов, находит через Крещение свое конкретное приложение в Церкви.

Евхаристия

Евхаристия — это само сердце Церкви, где преимущественно реализуются общность и «инаковость». Если Евхаристия не совершается надлежащим образом, Церковь перестает быть Церковью.

Не случайно Церковь называет Евхаристию приобщением (communion). В Евхаристии сходятся все измерения общности. Бог со-общается с нами, а мы входим в общение с ним; так же, как и причастники в таинстве входят в общение друг с другом, и творение целиком входит, благодаря человеку, в общение с Богом. Все это имеет место во Христе и в Духе, который вводит в историю последние времена и предлагает миру предчувствие Царства.

Тем не менее Евхаристия не ограничивается подтверждением и освящением общности, она освящает также и «инаковость». Именно в Евхаристии действительно различия перестают быть источником разделения и становятся добром. Различие (diaphora) не ведет к разделению (diairesis), и единство или общение, вместо того, чтобы разрушать, на деле утверждают разнообразие и «инаковость». И каждый раз, когда это отсутствует, Евхаристия искажается и даже становится недействительной, даже в том случае, если налицо все остальные условия ее «действительности».

Вследствие этого Евхаристия, которая исключала бы тем или иным образом того, кто «иной» по своей расе, полу, возрасту, профессии, была бы псевдоевхаристией. Евхаристия *должна* (курсив авт.) включать всех, так как

именно в ней может быть преодолена природная и социальная «инаковость». Церковь, которая не совершает Евхаристию подобным образом, рискует утратить свою вселенскость.

Но разве нет никаких ограничений для «инаковости» в евхаристическом общении? Разве Евхаристия не является некоторым образом «закрытым» объединением? разве нет какого-нибудь исключения в евхаристическом общении? На все эти вопросы следует ответить утвердительно. Действительно, в Евхаристии, в общности существует исключение, и «двери» собрания общины (*synaxe*) в определенный момент Литургии закрываются. Как следует понимать это исключение «иногое»?

Ответ на этот вопрос состоит в том, что евхаристическая общность признает лишь один тип исключения: речь идет об исключении исключения, т.е. всего, что содержит в себе неприятие или разделение. Такого все, что в своих основах и в акте веры (а не по неспособности остаться верным истинной вере) приводит к такой форме общности, которая искажает тринитарную, христологическую веру, таковую, какой мы описали ее выше.

Таким образом, ересь содержит в себе искаженную веру, что не может не вызвать практических последствий в том, что касается общности и «инаковости». Если, например, отрицается троичное бытие Бога, тем самым отрицаются экзистенциальные следствия, касающиеся общения и «инаковости». То же самое касается христологии, пневматологии и экклезиологии. Еретические взгляды в этих вопросах влекут за собой разные экзистенциальные позиции по отношению к «иному».

Схизма — также является исключением. Когда возникает схизма, евхаристическое общение неизбежно исключается. Касается это ереси или схизмы, мы в любом случае не можем делать вид, что мы пребываем в общении с другим, если в действительности такового общения нет. Здесь имеется в виду знаменитое «интеркоммюнион». Если мы не принимаем его, то это не значит, что тем самым мы проповедуем свою исключительность или исключаем «другого». Просто-напросто

мы констатируем, что такое исключение существует, и поскольку его причины не устранены, общение с этим «другим» недопустимо.

Служения в Церкви

Ни в какой другой области жизни Церкви общность и «инаковость» не сосуществуют так глубоко, как в различных служениях. Всякое служение предполагает харизмы Духа, а харизмы в свою очередь предполагают *разновидности* и *разнообразие* (курсив авт.). «Все ли Апостолы? все ли пророки? все ли учителя? все ли чудотворцы?» (I Кор. 12:29). На эти вопросы, которые ставит апостол Павел, он же отвечает строго отрицательно. Гело Христово состоит из многих членов, и эти члены являются собой различные дары и служения. Ни один член не может сказать другому: «Ты мне не надобен» (I Кор. 12:21). Между разными членами существует абсолютная взаимозависимость и, следовательно, она существует между служениями в Церкви: никакое служение не может быть изолировано и рассматриваемо отдельно от «другого». «Инаковость» относится к самой общности служения.

К этому следует добавить, что «инаковость» приемлема только в том случае, если она приводит к общности и единству, а не к разделению. Как только различие (*diaphora*) становится разделением (*diairesis*), используя терминологию св. Максима Исповедника, к которой мы обращались выше, мы незамедлительно становимся лицом к лицу с «падшим» состоянием. Чтобы избежать этого, Церковь нуждается в особом служении, обеспечивающем единство, нуждается в ком-то, кто, имея нужду «других», был бы способен сделать так, чтобы различия не приводили к разделениям. Это ноша или служение *епископа* (курсив авт.)

Не случаен тот факт, что невозможна Церковь без епископа. Не случайно также и то, что в одной Церкви может быть лишь один епископ (8-е правило канонического Никейского Собора). Церковь без епископа рискует превратить различия в разделения; так же, как наличие

нескольких епископов в Церкви ведет к тому, что различия превращаются в фактор разделения.

В настоящее время состояние православной диаспоры представляется неблагоприятным, опасным и совершенно неприемлемым; оно позволяет этническим и культурным различиям становиться основой формирования отдельных церковных общин, объединения вокруг разных епископов. Епископ же, который не преодолевает своим служением этнические и культурные различия, становится служителем разделения, а не единства. Эту проблему православные должны очень серьезно рассмотреть, если мы хотим избежать искажений самой природы Церкви.

Все эти наблюдения приводят к важным антропологическим выводам. Богословие и жизнь Церкви включает в себя определенную концепцию человеческого существа. Эта концепция может быть выражена одним словом: личностность (быть личностью). Это общепринятое понятие, в узком смысле обозначающее отношение с самой сущностью Бога и Христа, имеет такие богатые возможности для нашей темы, что об этом надо хотя бы кратко поразмыслить.

Личность и «инаковость» в общности и общность в «инаковости» (курсив авт.) Личность — это подлинность, которая выявляется в отношениях (или *schesis*, как говорят греческие Отцы); это «Я», которое существует постольку, поскольку оно связано с неким «Ты», которое подтверждает одновременно и само существование личности, и ее «инаковость». Если мы изолируем «Я» от «Ты», мы потеряем не только «инаковость» «Я», но также и само его бытие. «Я» просто не может *быть* (курсив авт.) без другого. Именно тут и выражается *личность* (курсив авт.) человека.

Православное понимание Пресвятой Троицы — единственный путь, который ведет нас к этому представлению о *личностности* (курсив авт.). Невозможно даже на мгновение представить себе Отца без Сына и Св. Духа, и то же самое приложимо к двум другим Лицам в их отношении к Отцу и в их взаимоотношениях между собой. И однако, каждое Лицо настолько единственно в

своем роде, что его ипостасные особенности как Лица никоим образом не передаются другому.

Свобода быть другим

Как в своем антропологическом, так и богословском значении личностность неотделима от свободы — *свободы быть другим* (курсив авт.). Мне бы не хотелось заменять слово «другой» термином «отличающийся», так как слову «отличающийся» можно придать качественный смысл (как например, «умный», «красивый», «святой» и т.д.); ведь все это не характеризует личность как таковую. Замечательно, что в Боге все качества такого рода общи всем трем Лицам. Личность включает в себя не только свободу иметь отличные от других качества, но также и прежде всего свободу *быть собой* (курсив авт.); это означает, что личность не может быть подчинена нормам и стереотипам или подвергнута классификации какого бы то ни было вида: ее единственность абсолютна. Значит, только личность может быть свободна в истинном значении этого слова.

Однако, как мы это уже заметили, личность ради нее самой еще не есть личность, ее свобода — это свобода не *по отношению* к «другому», а *для* «другого». Свобода становится здесь синонимом любви. Бог — Любовь, потому что Он — Троица. Мы можем любить, только если мы личности, т.е. если мы позволяем другому оставаться действительно другим, вместе с тем пребывая в общении с ним. Если мы любим другого не *несмотря* на то, что он отличается от нас, а именно *потому*, что он отличен от нас или, скорей, *другой*, то тогда переживаем свободу как любовь и любовь как свободу.

Личностность — источник созидательности

Бытие личности есть источник созидательности. Это приложимо к человеческой личности и вытекает из понимания свободы как любви и любви как свободы. Мы свободны не по отношению к кому-либо, а для кого-либо другого, не такого, как мы. Это делает личность

экстатичной (ek-statique), т.е. такой, которая выходит из своих «собственных» границ и превосходит их. Этот «выход» не должен быть понимаем как движение к неизвестному или бесконечному; это движение — *утверждение иного* (курсив авт.).

Этот порыв личности к утверждению «инакового» настолько силен, что он не ограничивается иным, которое уже существует, но имеет целью также утвердить «иное», которое было бы проявлением чистой благости личности. Как Бог сотворил мир по своей благости, так и личность хочет сотворить *свое собственное иное* (курсив авт.). Все это — предмет искусства. Только Личность может быть художником в истинном значении этого слова, т.е. творцом, который в акте свободы и общения формирует совершенно иное. Жить в Церкви в общении с другим означает вследствие этого — творить культуру. Православная Церковь всегда была созидательна в культурном плане.

Это приводит нас к теме, которая, как может показаться, не имеет прямого отношения к предмету нашего выступления. И, однако, она здесь совершенно уместна, и было бы непростительно исключить ее из наших размышлений об общности и «инаковости». Я хотел бы сказать об экологической проблеме. Какое же отношение, она имеет к нашей теме?

Вкратце, ибо мы не можем говорить здесь об этом подробно, экологическая проблема, которая становится угрозой для всего творения Божия, обязана своим появлением кризису в отношениях между человеком и «инаковостью» *остальной части творения* (курсив авт.). Человек не уважает «инаковости» того, что не относится прямо к области человеческого, он стремится поглотить это собой. Таково происхождение экологической проблемы.

Эта проблема трагична, так как в своей безнадежной попытке корректировать этот процесс человек легко может сегодня впасть в язычество: человек будет поглощен природой. Мы должны быть бдительны. Православие особенно хорошо подготовлено к тому, чтобы дать христианское решение этой проблемы, исходя из своего Предания. Природа — это то «иное», которое человек

своей личной творческой деятельностью призван привести в общение с самим собой, провозгласив, что речь здесь идет о том, что «хорошо весьма».

Именно это имеет место в Евхаристии, где природные вещества — хлеб и вино — рассматриваются как приобретающие личностные качества (Тело и Кровь Христа) в событии общения во Св. Духе. Так же, подобно евхаристии, все подлинные формы культуры и искусства суть разные способы претворения природы в иное качество и это единственное противоядие от греховного отношения человека к природе.

Когда другого отбрасывают, свидетельство уничтожается

Вот перед вами лишь некоторые размышления на обширную тему. Они со смирением предлагаются вам от имени того, кто стремится постичь экзистенциальное значение нашей веры и нашего православного богословия. Мы живем в эпоху, когда общение с другим стало крайне затруднительно не только вне, но и внутри Церкви.

Православие имеет правильное видение общения и «инаковости» в своей вере и в своем евхаристическом церковном бытии. Именно об этом оно должно свидетельствовать в гуще западной культуры, но чтобы в этом преуспеть, оно должно стремиться приложить это видение к своему «способу бытия». Отдельные православные христиане могут этим пренебречь, но Церковь в целом так делать не имеет права. Вот почему Православная Церковь должна внимательно блюсти свой «способ бытия». Когда «другой» отвергается по соображениям природных, половых, расовых, этнических или даже моральных различий, православное свидетельство сводится на нет.

В заключение я хотел бы напомнить то, что я уже сказал в начале своего выступления. Православие находится здесь, в Западной Европе, не для того, чтобы заниматься прозелитизмом, чтобы произвести впечатление или «очаровать» своей «экзотичностью»; оно пребывает

здесь как семя, как саженец, который должен быть посажен на почву западной культуры, чтобы стать ее составной частью и помочь Западной Европе найти истинную общность и жить в общности с «иными» личностными установками на основе тринитарного, христологического и евхаристического видения существования.

Это может происходить только медленными, спокойными темпами через кенозис и реальное вращение. Это может происходить только в рамках тесного и созидательного сотрудничества, в соединении с подлинным диалогом с западным христианством и его культурой.

Господь наш Иисус Христос, иже отказавшись от вечных славы, дабы внести в наше падшее состояние свой образ бытия, да благословит, да укрепит, да поправит Духом Святым Православную Церковь в Западной Европе в ее жизни и свидетельствовании славы Божией, Отца и Сына и Святого Духа.

Перевел Костерин

Митр. Георгий ХОДР (Ливан)

ХРИСТИАНСТВО В ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОМ МИРЕ. СМОТРЕНИЕ СВЯТОГО ДУХА.*

После Первой мировой войны люди стали понимать, что мир един. С окончанием Второй мировой начался процесс планетаризации, который наталкивается на многообразие религий как на серьезное препятствие. Но чем нужнее единство, тем настоятельнее требуется диалог, без которого не миновать погрязнуть в фактическом синкретизме возрождающихся религий, потому что каждая из них претендует на универсальность. Перед лицом этой лавины и многообразий, которые, судя по всему, не собираются уступать Евангелию, следует задуматься — действительно ли христианство, по самой природе своей, так исключительно в сравнении с другими религиями, как это в общем считалось до сих пор.

От ответа зависят не только формы христианской проповеди, но и сохранение мира. Однако ранее практических вопросов и прежде всего встает вопрос о самом существе истины. Либо истина Христова заключена в ограду исторической церкви, либо, «эллинам безумие», она рассеяна по всему свету, и это совершенно меняет характер нашей духовной жизни. Христианство либо эксклюзивно, либо инклюзивно, и от этого понимание любви, содержание любви становится другим.

Проблема, как она нам представляется, не есть проблема чисто богословская. Она возникла в связи с тем, что стали развиваться феноменология религий, их сравнительное изучение, изучение их психологии и социологии. Эти науки поколебали долгое время господствовавший в христианских странах своего рода догматический юридизм, который опирался на невежество профессиональных богословов в отношении иноверья. Однако наличие истинно духовной жизни у некрещеных во всем объеме ставит вопрос о присутствии Христа среди

* Irénikon. N° 2, 1971. Chevotogne.

этих последних. И значит, абсолютно неприемлемы богословские рассуждения *ex professo* об отношении христианства к другим религиям, если в них обнаруживается неумение авторов творчески и критически освоить внехристианские данные. Богословствование, чтобы не быть пустым, должно оставаться непрерывно возобновляемой связью между библейским откровением и живой жизнью. А раз преданность Господу требует от нас следования по стопам Его, нам придется отправиться на поиски духовности среди некрещеных, что ставит вопрос о присутствии Христовом за пределами христианской истории.

Исключительные нравственные качества многих не-христиан заставляют строить такую экклезиологию и такие представления о христианской миссии, в которых первенствующее место отводится Святому Духу.

Нужно обратиться к Деяниям, этой первой книге по экклезиологии, чтобы понять, какое место отводится в ней язычникам. В повествовании о Корнилии нам открывается ценность «во всяком народе боящегося Его и поступающего по правде» (Д.А. 10; 35). Бог «в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями» (14; 16, 17). Язычникам присуще стремление к «неведомому Богу» (16; 23), поиски Бога, который «недалеко от каждого из нас», которым «мы живем и движемся и существуем» (16; 27, 28). Однако эта непредвзятость в отношении языческого мира не сообщает ему никакого богословского статуса, ибо идолы — не боги (19; 26). Апостол Павел категоричен: «идол в мире ничто» (I Кор. 8; 4). В Откровении, книге экклезиологической по преимуществу, язычество отождествляется с ложью (21; 8-22; 15). Новый Завет не дает здесь ничего отличного от Ветхого, ибо и пророки почитают язычество мерзостью. Не стоит, однако, упускать из вида, что, по мысли Апостола, высказанной в Ареопаге, афиняне почитают истинного Бога, но не знают, что Он Бог-Творец. Лицо Его скрыто от них. Иными словами, они — бессознательные христиане. Имя этого Бога Павел им и

назвал. В раскрытии Имени и присущих ему атрибутов и содержится откровение. Здесь заключен зародыш положительного отношения к язычеству, сосуществующий с тотальным отрицанием, унаследованным от иудаизма. Вот почему христианская апологетика с самого начала двойственна. Та линия, для которой языческие боги тождественны каменным и деревянным рукотворным идолам, считает их взбунтовавшимися против Бога бесами, другая обнаруживает большее понимание. Оборонительная, или агрессивная, позиция христианской апологетики становилась все более жесткой по мере того, как догматы приобретали черты свода законов, по мере того, как укреплялась церковь, и западная, и восточная, по мере того, как борьба с ересями порождала в душах апологетов всех эпох смешанное с ненавистью отталкивание от заблуждения. Нетерпимость христиан друг к другу наложила отпечаток на их отношение к нехристианским религиям. Ближнего надо было непременно либо спасти, либо убить. Странное понятие об истине, посторонней любви.

Другое апологетическое направление пробовало исходить из обращения Павла к афинянам. Эти попытки можно проследить начиная с Иустина-философа с его знаменитой идеей о *logos spermatikos*, т.е. о семенах Логоса, рассеянных в мире еще до воплощения Бога-Слова. Все те, кто жил в согласии с Логосом, — христиане. Для этой линии апологетики и святоотеческой письменности нет истины, не зависящей от прямого Божественного действия. Для наиболее типичного представителя этого течения, Климента Александрийского, человечество едино и любимо Богом. Утверждая, что Господь «множественно и многообразно» обращался не только к Израилю, но и ко всему человеческому роду, он опирался на Послание к евреям (1; 1). Человечество есть объект Божественной педагогики (напомним, что наставником для Павла был Закон, а учеником — Израиль). И речь тут идет не о естественном законе или законах разума, ибо «Божественный Логос [...] через Духа Святого устроил наш мир и в особенности тот микрокосм, каковым является человек» (*Protreptique* 1; 5). В этом Божественном

посещении философия снискала особые привилегии. Александрийский ученый не только без колебаний усматривает в нем толчок для развития христианской философии, он прямо утверждает, что философия «дана была грекам как подходящая для них заповедь» (Стр. V; 8,3). Философия варваров и философия греков суть разрозненные звенья того Единого, каковым является Слово.

Большое значение философии как форме Богопознания придавал также Ориген. По его мнению, некоторые аспекты христианства ничем не отличаются от греческих учений, хотя последние имеют меньшую притягательность и силу. Новизна Оригена состоит в том, что он отметил отпечаток божественного в языческих религиях и греческой мифологии.

Античную мудрость, несмотря на отчетливо выраженный дух дискриминации, продолжали почитать и отцы церкви. Григорий Назианзин полагал, что некоторые философы, например Платон и Аристотель, «имели предчувствие о Святом Духе» (Or. 31,5; P.G. 36, 137 BC). Сурово обличая идолопоклонство, он в то же время без колебаний усматривал в религиозной жизни человечества «десницу Божию, которая ведет людей к познанию истинного Бога». Не продолжая перечислений, отметим, что и по мысли Блаженного Августина, богослова Западной церкви, с самого начала человеческой истории, как среди народа Израиля, так и в среде других народов, встречались люди, причастные тайне спасения, и то, что было им открыто, представляло собой самое что ни на есть истинное христианство до Писания. Короче, патристическую мысль, исключая незначительные оттенки, можно выразить следующей фразой св. Иринея Лионского: «Один и тот же Единый Бог, с начала и до конца, разными путями приходит на помощь человеческому роду» (Adv. Haer. III, 12, 13).

Здесь не место даже кратко излагать историю отношения христианства к другим религиям. Ограничимся напоминанием, что на византийском Востоке, во всяком случае в греческой традиции, отношение к исламу после св. Иоанна Дамаскина было скорее негативным. То же можно сказать и о Западе, если не считать нескольких

редких исключений, как Абельяр или Николай Кузанский.

Конечно, отрицание других религий связано с тем церковным сознанием, которое вырабатывалось на основании пережитых исторических событий и в связи с определенным видением истории. Не подлежит сомнению, что учение об истреблении неверных, которое обосновывал Фома Аквинский и проповедовал сначала Бернард Клервоский, лежит в непосредственной связи с Крестовыми походами, закрепившими резкий разрыв между христианством и исламом, а также между христианским Востоком и христианским Западом. Не лишне было бы к тому же установить, в какой степени войны между арабами и Византией способствовали тому, что на Востоке понятия *церковь* и *эйкумена* наложились одно на другое. Я хочу сказать, что церковное сознание, вследствие войн, которые вело как латинское, так и византийское средневековое христианство, стало сознанием геополитическим и состав и границы церкви стали определяться составом и границами христианских наций. Христианский мир (как западный, так и восточный) — это оплот мира и просвещения. Нехристианский — мрака и насилия. То есть пункт за пунктом усваивалось мусульманское разграничение между *dar* и *islam*, *dar* и *kufr*, между областью ислама и областью неверных. А церковь начинала восприниматься как «ума», т.е. нумерически и социологически определенное сообщество. И путем миссионерства, прозелитизма, культурного колониализма, поскольку захват и насилие оказывались непригодны, все это внецерковное пространство, всех этих неверных, еретиков и схизматиков надо было водворить в лоно церкви, дабы утвердился «един пастырь и едино стадо». Прочно утвердившаяся, иерархически законченная структура церкви — вот центр мироздания. История христианского мира — вот история. Западный опыт — вот образец исторического опыта. А весь остальной мир, пока не переймет опыт Запада, обретается где-то в подыстории, да и в будущем, по неумолимой логике и исходя из технического превосходства, Западу суждено править миром. Такая историософия определила мировосприятие и приемы поведения, не-

избежно налагавшие свой отпечаток и на богословие. Поэтому религии развивающихся стран, не затронутые, как считается, динамикой творческой цивилизации, например, индуизм, буддизм, ислам, да даже и восточное христианство, помещаются на исторически низшую ступень, им еще только предстоит добраться до высшей стадии, встать на путь исторического развития, усвоив христианство высшего иерархического типа. Им надо войти в летосчисление церкви, а этот спасительный акт возможен только при распространении по всему миру христианства, в основе которого лежит авторитет Запада. Подобная трактовка связана с тем пониманием истории спасения, которое век назад выработал протестантизм и которое со времен последней войны усвоил весь христианский Запад. В нем слишком много внимания уделяется событийной последовательности евангельского повествования и Христос представляется не только завершающим Ветхий Завет, но и завершающим историю человечества.

Таким образом, однако, затушевывается эсхатологическое измерение веры и бытия церкви. Божье участие в истории несомненно, но нельзя забывать, что тайна в событии лишь приоткрывается. Ниже мы будем говорить об этом обстоятельнее. Здесь же хотелось бы указать, что такое линейное понимание истории связано с эклизиологическим монолитизмом, который, справедливо отвергая греко-азиатские представления о цикличности, вечном возвращении, невнимателен к идее о том, что вечность трансцендентна истории, и следовательно невнимателен к тому пониманию церкви, для которого Христос является «не только в хронологии, но по преимуществу в онтологии».

Подобная эклизиология, само собой разумеется, и подобная прямолинейность в понимании спасения влечет за собой совершенно определенные приемы миссионерства. Деятельность церкви почти исключительно направляется либо на благотворительность и гуманитарную помощь, либо на конфессиональное присоединение тех, кто пока что пребывает вне церковного организма. Истина — внутри него, заблуждение — за его преде-

лами. Дело, однако, вовсе не в том, чтобы изыскивать новые методы, посвящать черных епископов, а также ассимилировать фольклор и обычаи разных народов. Все это будет восприниматься как более тонкая форма духовного империализма. Важно само богословское толкование миссии. Совершенно особняком стоит миссионерская деятельность несторианской церкви, которая, чуть не единственная, способствует духовному развитию религий, с которыми соприкасается, «улучшая» их изнутри (тибетский буддизм, Китай), не покушаясь их «присоединить». Миссионер берет на себя бремя духовной ответственности за все творение в целом. Отважные попытки найти общий язык с исламом можно обнаружить в Месопотамии, в персидской церкви. Если в несторианских текстах обсуждается пророческий статус Мухаммеда, то анализ опирается на его учение. При этом нисколько не умаляется ни логическая центральность, ни онтологическая единственность Христа Спасителя.

Иными словами, современное богословие должно стать выше идеи «истории спасения», чтобы вспомнить о божественной *икономии*. Спасение не сводится к событиям земной жизни Христа, спасение делает нас участниками Божественной жизни. Вот откуда возникает соотношение с вечностью и действием Святого Духа. Само понятие *икономии* (домостроительства Божия) возводит к тайне. Но тайна подразумевает силу, а сила — явление в событии. И — Божью свободу, которая в своем промыслительном и искупительном действии не привязана ни к какому событию. Церковь — это орган Тайны спасения человеческого рода. Она есть знак любви Божьей к человеку. Она не противостоит остальному миру, будучи, в определенном смысле, его частью. Церковь — это само дыхание человечества, образ человечества будущего, ибо ей уже дано было просвещение. Церковь — сама живая жизнь человечества, даже если последнее об этом не подозревает, «мироздание мироздания», как говорит Ориген. И если Сын, согласно тому же Оригену, пребывает вечным «космосом церкви», то ее задача состоит, конечно, в том, чтобы, будучи знаком тайны и следуя этой тайне, распознать все те знаки, которые Бог рассеял во

времени, между прочим и в других религиях, дабы явить свою Божественность, предвосхищая окончательное и полное раскрытие Тайны.

Божественная икономия уходит в древность. С момента творения она обнаруживается в Божественном кенозисе. Мироздание отмечено Божеством — как Иаков, который боролся с Ангелом. В еще не знающем Закона мире Бог заключает завет с Ноем. Тут начинается диалог с человеческим родом во всей его совокупности и продолжается тот, что был начат при сотворении мира. Перед нами — завет космический, которого не прерывает обетование, данное Аврааму. В недрах этого завета живут народы, которые не слышали слова, обращенного к праотцам. Хранить их указано ангелам, говорится в Писании. Ориген, упоминая об этих ангелах-хранителях, замечает, что именно они возвестили пастухам Рождество Спасителя и что таким образом завершилось их дело. Да, скажем мы, но только в том смысле, что сам Христос становится теперь исполнителем заключенного с Ноем спасительного завета, ибо Он есть истинный Посредник между Богом и миром. Миссионерский Архетип прообразуется в Ветхом Завете, который есть лишь «образ и тень небесного».

В избрании Авраама яснее открывается избрание, уготованное всем народам земли. В нем они становятся уже объектом этого избрания. Авраам, выйдя из земли своей, совершил первый Исход, вторым стал переход через пустыню на пути в Ханаан, и так до того дня, когда Иисус был пригвожден ко Кресту как чужестранец. Здесь Израиль прообразовательно переживает тайну икономии, Божественного смотрения. Избавленный от вод Чермного моря на пути к Земле Обетованной, Израиль являет собой образ спасенного рода человеческого. Это образ церкви, спасенной Христом. Избрание особо постольку, поскольку икономия тайны раскрывается в нем как благорасположение ко всему человечеству в целом. Израиль прообразовательно спасен как представитель и ходатай всего человеческого рода. Кроме того, Ветхий Завет настаивает на том, что во всяком спасительном действии спасение Исхода повторяется как архетип. Для

евреев не столько важна линейная последовательность событий, сколько то, что все они повторяют первособытие, а связь между ними — одно лишь непреложное обетование Божье. Израиль, как земля Откровения и как народ, созданный покорностью воле Божьей, единственно поэтому, связан общностью с другими народами, которым Бог являлся «многократно и многообразно», к которым Он обращался через праотцев и пророков и которые отцы церкви почитают праведными и святыми среди язычников. Важно то, что деяния Авраама, Моисея и Давида духовно насыщены ощущением присутствия Божия. Как именно они нанизываются одно на другое — имеет мало значения. Ветхозаветных писателей, как и Матфея в его генеалогии, занимает лишь духовно значительное, относящееся к чаемому или обетованному явлению Спасителя.

Эта знаменательная смысловая соотнесенность со Христом проявляет себя не только по отношению к Израилю, но и тогда, когда тому или иному народу так или иначе даются собственные образцы евангельской истины (*réalité christique*), иногда — через гениальную личность, иногда — через учение. Неважно, об исторической или неисторической религии идет речь. Неважно, считает себя эта религия совместимой или несовместимой с Евангелием. Христос в тайне своего уничтожения скрыт повсюду. Всякое прочтение религий есть прочтение во Христе. Один лишь Христос просвещает, когда благодать посетит брамина, буддиста или мусульманина, читающего писание своей религии. Ко Христу приобщаясь умирают все мученики за правду, все преследуемые борцы за справедливость. Сопричастились единой вечери Иоанновой те великие свидетели распинающейся Любви, какими были мистики стран ислама. Ибо если дерево познается по плодам, то и тени сомнения быть не может, что на одного лишь Бога уповающие нищие и неученые всех народов получают благодать, которую Господь подает любящим Его (Лк. 2; 14).

Спасение, совершающееся вне телесного Израиля и исторической церкви, есть следствие Воскресения, кото-

рое все пронизывает Христовой благодатью. Явление Христа, которым «все стоит» (Кол., 1; 17), вывело человеческий род к истинной жизни и служит причиной таких духовных сдвигов, таких накоплений, что хватит для попечения о человеческой душе до нового Его пришествия. За церковью полностью сохраняется ее посредническая миссия. Но Бог абсолютно не ограничен в своей свободе и может воздвигнуть пророков за социологическими пределами Нового Израиля, как воздвигал их за пределами Ветхого. Однако пророческое или учительное призвание, пребывающее вне храма, находится в таинственной связи с Воскресением и нисколько не противоречит уникальности домостроительства Христова. В истории всеобъемлющую полноту Христовой благодати могут заслонить человеческие грехи. И церковь может не восприниматься как носительница славы и всемогущества Господа своего. То, что мы видим, часто совсем не похоже на образ Царства. Но тем, кому не дано было увидеть торжествующей славы Божией в истерзанном нашими грехами лике Христовом и разодранном нашими разделениями хитоне Его, Бог может послать свидетелей и такую силу дерзновения, которой нельзя как будто ждать от внебиблейских учений. Истинную полноту явит Второе Пришествие. И икономия спасения совершается применительно к концу, к последнему выявлению смысла вещей. Домостроительство Христово непостижимо без домостроительства Святого Духа.

«И будет в последние дни, говорит Бог: излию от Духа Моего на всякую плоть» (Д. 2; 17). Это следует толковать как универсальную Пятидесятницу со времен явления Христа. И действительно, в Книге Деяний читаем: «дар Святого Духа излился и на язычников» (Д. 10; 45). Дух Святой дышит повсюду и наполняет собою все, но иначе, чем Сын. Св. Ириней называет Слово и Дух «двумя руками Божьими». Здесь речь идет не только об утверждении ипостасного различия, но и о том, что сошествие Святого Духа не подчинено Сыну, не есть функция Слова. «Пятидесятница, — говорит Вл. Лосский, — не есть «продолжение» Воплощения, она — его следствие, распространение: тварь стала способна вос-

принять Духа».* В икономии Духа и икономии Слова есть согласие и обоюдность. Святой Дух — это другой Утешитель. Святым Духом образуется в нас Христос. И, начиная с Пятидесятницы, Святым Духом Христос пребывает в мире. Святой Дух сообщает Христа то здесь, то там, по прекрасному слову Ириinea, — «где Дух, там и церковь».** Энергии Святого Духа действуют соответственно его собственному устройению, и в этой перспективе нехристианские религии можно рассматривать как место приложения его действия.

Все, кого посещает Дух Святой, — народ Божий. Церковь — это первенец призванного ко спасению человечества. «Во Христе все оживут» (I Кор. 15; 22) — благодаря тому приобщению, которое есть Церковь. Уже теперь церковь освящает то будущее единение, которое составит из крещенных ею и тех, кого избрал Жених, по прекрасному выражению Николая Кавасилы. Причащаясь Тела Христова, мы соединяемся со всеми, кого Господь привлек в своей животворящей любви. В ожидании Парусии, все они заключены в евхаристической чаше, чтобы стать преславным Телом Христовым, когда иссякнут знамена «перед престолом Бога и Агнца» (Отк. 22; 3).

Если принять приведенные богословские построения, то как определить миссию христианства и конкретное отношение христианского сообщества к сообществу нехристианскому?

1. Верующего, который знает, что все великие религии назначены Промыслом учить милосердию, отличает глубокий мир и смирение. Тут есть покорность предначертанию, которое Святой Дух осуществляет, ожидание Парусии, упование вкусить нетленной Пасхи и сокровенный момент единения со всеми людьми в домостроительстве Тайны, которым мы постепенно подводимся к конечному исполнению, когда Христос станет «всяческая во всем».

* V. Lossky. *Théologie mystique de l'Église d'Orient*. Aubier, Paris, 1944, p. 156.

** Adv. Haeres. III, 24, P.G., t. 7, col. 966 C.

2. Существует универсальное религиозное сообщество, познание которого обогатит наш христианский опыт. Тут важно не столько историческое и буквально объективное значение нехристианских учений, сколько прочтение их во Христе. Ибо, как мы не можем без Духа Святого разглядеть Откровение в еврейском Писании, тогда как Христос есть ключ ко всему Ветхому Завету, так и при чисто критическом и сухо-научном подходе мы либо не увидим в религиях ничего, кроме истории и социологии, либо различим в них истину, согласную с дыханием того же Духа.

3. В тех же религиях есть избранники, которые не нуждаются в таинствах, как духовная жизнь не нуждается в Законе, хотя кое-где законничество торжествует. Речь идет о том, чтобы понять, помимо исторических форм и символов, глубинную направленность духовных исканий и связать чужое богомыслие с предметом нашего христианского упования. То есть, апофатический метод следует применять не только в христианском богопознании, ибо всякий концепт — идол, но и распространить его на наши рассуждения о Боге нехристианских учений. То же — для нашего понимания человека другой религии, и тут менее всего речь идет об описании, которое выявит его особость; ведь в другом для нас явлен образ Божий и он есть для нас источник поучения.

4. Общение — это условие *sine qua non* взаимопонимания. Вот почему никакие поползновения с христианской стороны ни к чему не приведут, пока не произойдет обращения, которое устранил всякую конфессиональную гордыню, всякое чувство культурного превосходства. Смирение требует, чтобы мы усовершенствовались во Христе через другого. Христианская община, очищенная пламенем Духа, святая о Господе, нищая ради Господа, может дерзнуть, во всей евангельской незащищенности, брать и давать с одинаковой простотой. Для нее речь идет о том, чтобы принять вызов как братскую укоризну и выявить, даже в неверии, мужественный отказ от фальши, которую не сумела или не захотела обличить христианская история.

5. При таком подходе взаимопонимание станет возможно. Христос предстанет в своем уничижении, в своей исторической реальности, в своем слове. Тут меньше всего речь идет о том, чтобы присоединить всех к церкви. Если люди увидят в ней Дом Отчий, то придут сами. Речь идет прежде всего о том, чтобы выявить христианские ценности в других религиях, чтобы показать, что Христос объединяет их все, продолжает их в своей любви. Истинной проповеди нет дела до проповедничества. Единственная наша задача состоит в том, чтобы искать Христа в туманностях религий.

На ложе моем ночью

искала я того, которого любит душа моя,
искала его

и не нашла его.

Встану же я, пойду по городу,

по улицам и площадям,

и буду искать того, которого любит душа моя;

искала я его и не нашла его.

Встретили меня стражи,

обходящие город:

«не видели ли вы того, которого любит душа моя?»

Песнь Песней. 3; 1-3.

Свидетельствующий среди нехристиан должен называть того, кто будет признан ими Возлюбленным. Когда они станут друзьями Жениха, сделать это будет нетрудно. Вся миссионерская акция Церкви будет состоять в том, чтобы показать Христа, дремлющего в ночи религий. Одному Господу известно, смогут ли люди соединиться в истинной радости до явления Небесного Иерусалима. Одно мы знаем — знаменующийся на нас свет лица Его есть залог нашего конечного примирения.

(перевод с французского Н. Артамоновой)

ЛЮБОВЬ ТВОРИТ МЕНЯ БОГОМ, А ТЕБЯ, БОЖЕ, ЧЕЛОВЕКОМ

Где один — там нет любви. Где двое — там тень любви. Где единение троих, там — Любовь. Господи, имя Тебе — Любовь, ибо имя Твое — Троиединство.

Будь Ты один, ты не был бы ни любовью, ни ненавистью.

Будь Ты двоичен, Ты оставался бы неизменным в любви и ненависти. Но Ты — Троица, и потому Ты — Любовь, и нет в Тебе ни тени перемены.

Любовь не ведаёт ни времени и ни пространства. Она вне времени и вне пространства. Для неё один день как тысяча лет, и тысяча лет, как один день.

Когда Любовь единит меня с Тобой, — нет неба и земли, но пребывает только Бог; не существуют «я» и «ты», но пребывает только Бог.

В любви три ипостаси: целомудрие, ведение, святость. Любовь без целомудрия не милосердие, а земное себялюбие и страсть. Любовь без ведения не мудрость, а безумие. Любовь без святости не сила, а слабость. Когда объединяются они: страсть и безумие и слабость, то порождают пекло ада, которое лукавый зовет своей любовью.

Если же душа моя — чистая дева, и веденье мое — прозрение и мудрость, и дух мой — животворная святость, тогда сам я — любовь, которая осеняется Твоей Любовью. В любви я вижу Тебя как себя, и Ты меня зришь как Себя.

В любви я не смотрю на себя, но лишь на Тебя. В любви Ты не смотришь в Себя, но лишь на меня.

Любовь приносит себя в жертву так, как будто принимает, а не даёт...

Есть ли земная любовь, — вопрошают меня соседи. — Точно так же как и земной бог, — отвечаю. Земная любовь, как все земное, лишь сон и сказка о любви. Она столь же похожа на Любовь, сколько идол походит на Бога. Как дым похож на пламя, так земная любовь походит на Божественную Любовь.

Разменяв золотой на медные гроши, вы уже не говорите «золотой», но «гроши». Почему же тогда Божественную Любовь, размельченную, растертую в пыль временем и пространством, вы называете любовью, а не пеплом?

Господи, удостой меня Любви, ею же Ты живешь, ею же и Жизнь даруешь.

Удостой меня Любви Твоей, Господи, и войду в свободу ото всех законов.

Всели в меня Любовь Твою, и она вселит меня в Тебя.

ВЕРА МОЯ ЗРИТ ТЯ, ГОСПОДИ

Она свет и прозрение очей моих.

Вера моя — ведение всеприсутствия Твоего. Она преклоняет колена мои к земле и воздевает руки мои к небесам.

Вера моя — прикосновение души моей к Тебе. Она подвигает сердце мое на веселие и голос мой на песнопение.

Когда ласточка приближается ко гнезду, птенцы тревожатся. Ведь они и на расстоянии чувствуют прилет матери.

Вера моя — тревога моя, ведь Ты приближаешься, Мати моя.

Когда друг пишет мне письмо в далеком городе, думая обо мне, тогда я оставляю другие мысли и думаю только о друге.

Вера моя — дума моя о Тебе, она побуждает Тебя вспоминать обо мне.

Когда льва разлучают со львицей, мутнеют очи его от печали по ней.

Вера моя — печаль моя по Тебе, когда Ты далеко от меня, Красото моя.

Когда нет солнца, страшные бури волнуют море. Вера моя — стихновение бури в душе моей, Твой свет заливает меня и умирят.

Очи мои говорят мне: не видим Его. А я успокоил их такими словами: да, это так, ведь вы сотворены видеть художество Его, а не Его самого.

Слух мой говорит мне: не слышу Его. А я вразумил его такими словами: да, это так, ведь ты сотворен, чтоб слышать то, что во власти Его, а не Его самого.

Ничто тварное не может видеть и слышать Его самого, но лишь то, что Он сотворил. Тварное видит и слышит тварное. Только рожденное Им может видеть Его. И только рожденное Им может слышать Его. Не может картина видеть художника, но сын художника — видит. Не может звон слышать звонаря, но дочь звонаря — слышит.

Око не может видеть Его, ибо так сотворено, чтобы Его не видеть. Ухо не может слышать Его, ибо так сотворено, чтобы Его не слышать.

Вера моя видит Тебя, Господи, как рожденный видит родителя своего. Вера моя слышит Тебя, Господи, как рожденное слышит родителя своего.

Бог во мне видит и слышит Бога в Тебе. А Бог не сотворен, а рождается.

Вера моя — погружение во глубины души моей и всплытие вместе с Тобой.

Вера моя — единственно важное знание мое. Все остальное — собирание округлых камешков детьми на берегу озера.

Вера моя — единственно серьезное дело в жизни моей. Воистину, остальное — комедия чувств.

Когда говорю: подай мне веру, я думаю: подай мне Себя, Отче мой и Боже мой.

ПОЭЗИЯ ДОГМАТИКИ

Много в нашей православной Церкви святых, и всех мы поминаем, указывая вместе с именем и звание, чин святого: мученик, благоверный царь, святитель, преподобный, блаженный, страстотерпец... Но существует только трое святых, которые заслужили прозвание «Богослова». Причем это их звание как бы затмило все остальные их достоинства, все их остальные деяния во славу Церкви Христовой. Эти трое — св. Иоанн Богослов (а его апостольский подвиг разве менее значителен?!), св. Григорий Богослов (святительский подвиг нес в трудные времена и в труднейших условиях), св. Симеон Новый Богослов (монашеский подвиг свершил так, что немногих можно поставить рядом с ним). И все трое прежде всего — Богословы. Церковь выбрала, утвердила для них это звание. Как бы новый чин святых! Спросим себя, почему св. Григорий Назианзин, а не его друг и сподвижник, составитель Божественной Литургии (это ли не богословие!) Василий Великий заслужил это почетное уникальное звание. Или почему именно св. Симеон Новый Богослов, а не св. Дионисий Ареопагит, которого св. отцы называли «великим» и «божественным», не св. Иоанн Дамаскин или св. Максим Исповедник ранее, а позже св. Григорий Палама? И даже: почему св. Иоанн Богослов, а не св. апостол Лука или св. апостол богодухновенный Павел? Разве их вклад в богословие меньше? И что же единит между собой трех Богословов?

Иногда можно найти упрощенный ответ: некоторые главы Евангелия от Иоанна, многие богословские произведения св. Григория и преп. Симеона написаны в стихотворной форме. Бесспорно, они были поэтами. Но это только внешнее. Главное же то, что кроется под поэтической формой: три Богослова подняли богословие на уровень богодухновенного поэтического творчества, а поэзии указали ее истинное предназначение — в порыве вдохновения свыше стать богословием. Ибо от Бога все: и вдохновение, и ритмика, и форма, и слова. Все от Него, и все к Нему. Если же не так, — поэзия не исполняет своего призвания. Поэзия не только не чужда богословию, но именно в богословии поэзия и находит себя.

Личный опыт Богообщения ищет себе выражения в слове; опыт же этот так головокружительно высок, что «простой» язык не способен выразить его. Апостол Павел, восхитенный до третьего неба, пишет коринфянам, что он «слышал неизреченные слова, которые человеку нельзя пересказать» (II Кор. 12, 4).

Поэзия помогает богослову выразить себя, а читателю если не подняться на недостижимую высоту церковных догматов, то хотя бы приобщиться к непостижимой тайне Троицкого Бога, прикоснуться к тайне совпадения высоты и глубины.

Все это сказано не к тому, чтобы причислить епископа Николая к великой триаде Богословов. Поэзия и богословие состоят в сложных отношениях, как душа и тело. На этом пути много опасностей, а провалы поджидают на каждом шагу. Богословие епископа Николая напоминает нам, что попытки воссоединения в Боге богословия и поэзии никогда не прекращались, они продолжаются и сейчас. А это свидетельствует о том, что между богословием и поэзией есть органическая связь, и о том, что выявить эту взаимосвязь чрезвычайно трудно: удалось только трем великим святым. Оценить же два маленьких произведения епископа Николая читатель сможет сам.

Василий Костерин

Архимандрит ПЛАКИДА (Дессей)

ПРОБЛЕМА ЗЛА

Как примирить присутствие зла в мире с существованием всемогущего и всеблагого Бога?

Эта проблема существовала во все времена, но особенно мучительна она в наши дни, после кошмаров сталинского и постсталинского Гулага, нацизма с его лагерями смерти, после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, ужасающих бедствий стран третьего мира.

Проблема, или скорее даже *соблазн*, зла всегда была одним из источников атеизма. Уже в первые века нашей эры эпикурейцы так искусно подавали ее, что желательный для них вывод — что Бога нет — казался неизбежным. Вот как христианский писатель IV-го века (и противник эпикурейцев) Лактанций передавал их философскую позицию: «Или Бог хочет удалить от нас зло и не может, или может и не хочет, или не хочет и не может, или хочет и может. Если хочет и не может, то это слабость, не свойственная Богу. Если может и не хочет, то это зависть, которая не свойственна Богу столько же, как и слабость. Если не может и не хочет, то это вместе и слабость, и зависть. Если хочет и может, то почему не удаляет его от нас, и зачем столько зла в мире?» (см.: Лактанций, «О гневе Божьем», гл. 13, с. 243, СПб., 1848).

Философы, не соглашавшиеся с атеистическим разрешением проблемы, оперировали в основном двумя аргументами.

Первый аргумент — Бог не творил зла. Как онтологической реальности зла не существует. Оно не есть нечто среди других вещей, не есть что-то сотворенное. Оно есть обособление, отторжение или даже материальное уничтожение некоторой части действительности, без которой жизнь лишается своей полноты.

Второй аргумент — Бог допускает зло как некое неизбежное состояние нашей столь еще несовершенной вселенной, в которой добро одних не совпадает с добром

других. Потому возможно *физическое* зло — страдания, различные бедствия, катастрофы, разрушения; возможно зло *моральное* — из уважения к той свободе, которой Он наделил разумные существа.

И эти аргументы не неправильны. Они может быть даже единственно возможны, если стоять на чисто рациональной точке зрения, превращающей в абстракцию все, что открыто Богом из Его замысла в отношении человека и мира.

Естественная, а вернее непреображенная или чисто «природная» вселенная (она не преображена, ибо человек еще не преображен) неминуемо несет в себе страдания и смерть. И это все, что может усмотреть предоставленный самому себе человеческий разум.

Однако Божественное откровение требует исторического и динамического видения, что открывает совершенно новые перспективы. Через Свое Слово Бог открыл нам, что не для того сотворен мир, чтобы оставаться ограниченным пределами своей природы, — мир существует для того, чтобы, преобразившись под воздействием нетварных Божественных энергий, засиять в славе Божьей. Цель творческого акта Божия — мир преображенный, где не будет уже ни бедствий, ни страданий, ни смерти, но будет Бог «наполняющий все во всем». (Ефес. 1, 23). Именно о такой вселенной говорится в Откровении Иоанна:

«И я увидел небо новое и землю новую: ибо прежнее небо и прежняя земля ушли, и моря уже нет. И я увидел город святой, новый Иерусалим, сходящий с неба от Бога, приготовленный словно невеста, украшенная для мужа своего. И я услышал голос великий от престола, говорящий: «Вот скиния Божия с людьми, и Он будет обитать с ними, и они будут Его народами, и Сам Бог будет с ними, и отрет всякую слезу с очей их, и смерти уже не будет: ни скорби, ни крика, ни боли уже не будет, потому что прежнее ушло. И сказал Сидящий на престоле: вот, Я все делаю новым». (Откр. 21, 1-5).

Можно спросить: но почему же Бог с самого начала не сотворил вселенную с такими свойствами, что любые формы зла в ней отсутствовали бы?

Потому что для преображения мира необходимо преобразование, или, как говорят Святые Отцы, *оббжение* человека, посредством которого Божественная слава распространяется на весь остальной тварный мир. В свою очередь, это требует свободного согласия человеческой воли с волей Божественной, когда человеческая свобода содействует свободе Божественной благодати. Чтобы совершилось это оббжение твари, чтобы поистине произошло единение всего во взаимной любви, нужно, чтобы сам человек свободно отдал себя Божественной любви. Но в силу самого смысла свободы он может и не сделать этого...

Наш мир отнюдь не является завершенным. И пока в душе человеческой не окончится выбор между бескорытием и эгоизмом, между сочувствием и равнодушием, наконец, между Богом и дьяволом, здесь будет продолжаться испытываться человеческая свобода.

Говоря о восприятии мира в согласии с Божественным откровением, необходимо отметить еще один важный момент: состояние, в котором находится творение, не является следствием только прародительского греха. Сначала был грех в *ангельском* мире, и лишь потом — наших прародителей. Из существ, обладавших свободой, сначала часть ангелов последовала за взбунтовавшимся против Бога Люцифером, и лишь потом человечество, начиная с праотца Адама подстрекаемое этими падшими ангелами, неправильно употребляя свой дар свободы, добровольно отделяло себя грехом от Бога, Источника жизни. Эти падшие ангелы, в силу особенностей их бестелесной природы, раз отпав от Бога, навсегда остались в состоянии ненависти к Нему и Его Божественному замыслу любви, стали демонами. Человек же всегда имеет поистине фантастическую возможность вернуться в Отчий дом.

Созданный по образу и подобию Божьему, Адам не был подвержен смерти и страданию, и он мог это состояние сохранить, если бы добровольно остался в общении с Богом. Но грехом непослушания он отделился от Него и стал смертным. Как пишет св. апостол Павел, «...через одного человека грех вошел в мир, и через грех вошла

смерть, и тем самым во всех людей перешла смерть...» (Рим. 5, 12). А там, где смерть, там скорби и страдания:

«И сказал Господь Бог жене: "...умножая умножу скорбь твою в беременности твоей, в болезни будешь рождать детей: и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою". Мужу же сказал: "за то, что Ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором я заповедал Тебе, сказал: "не ешь от него", проклята земля за тебя: со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Тернии и волчцы произрастят она тебе: и будешь питаться полевою травою. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься.

И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих. И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их. И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло: и теперь, как бы не простер руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно". И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывал землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранить путь к дереву жизни». (Быт. гл. 3).

Аналогично читаем мы в книге «Премудростей Соломоновых»: «Бог создал человека для нетления и создал его образом вечного бытия Своего: но завистью диавола вошла в мир смерть и испытывают ее принадлежащие к уделу его» (гл. 2, 23-24).

Таким образом подверженность человека страданию и смерти, или, как говорят Святые Отцы, *тлению*, является последствием греха. Это вовсе не значит, что каждая болезнь человека происходит из-за его личных грехов, но она есть следствие принадлежности человеческого бытия к падшей, поврежденной грехом природе. Уже в III веке св. Ириней Лионский говорил, что болезнь и смерть не являются наказанием, устанавливаемым Богом провинившемуся человеку, но органическим следствием греха: «Соединение с Богом есть жизнь, свет и радость от благ, исходящих от Него. Напротив, тот, кто добровольно отделился от Него, страдает от разделения, которое сам

избрал. Отделение от Бога есть смерть, как отделение от света — мрак: отделение от Бога является потерей всего благого, исходящего от Него. Те, кто своим отпадением потеряли Его, те сами себя обрекли на наказание: не Бог избрал их для наказания, но наказание явилось следствием их отделения от всего благого». (Против ересей 5, 27, 2). В то же время совершенное одним человеком преступление, даже если оно не затрагивает, казалось бы, других людей, по своим последствиям имеет характер всеобщий. Вот как это выразил, с присущей ему гениальностью поэта и пророка, французский писатель Леон Блуа:

«От нашей свободы зависит равновесие мира... Всякий человек, совершающий действие, проецирует свою личность в бесконечность. Данная бедняку от недоброго сердца медная монета прожигает руку бедняка, упав, проходит сквозь землю, проткнув солнце, пересекает небосвод и наносит ущерб вселенной. Нечистый поступок человека покрывает мраком миллионы сердец людей, ему незнакомых, но таинственно с ним связанных и так же нуждающихся в том, чтоб этот человек стал чист, как умирающий от жажды путник нуждается в чаше воды из Евангельского источника. С другой стороны, акт великодушия, движение искреннего сочувствия являются песней во славу Божию. От Адама до конца времен им исцеляют больных, успокаивают отчаявшихся, утишают бури, освобождают плененных, неверующих обращают в верных, защищают род человеческий.

Вся христианская философия подчеркивает исключительную важность свободного человеческого действия и всеохватывающей, неуничтожимой взаимной ответственности».

Конечно, как и выбор, всякая ответственность личностна и каждый личный поступок способствует или препятствует увеличению добра в мире.

Что же касается твари не обладающей разумом, то ее теперешнее состояние тления несомненно связано и с падением ангелов, и с состоянием человека. Бесспорно, что ангелы находятся в связи с физическим миром.

Дж. Х. Ньюман, хорошо знакомый с богословием Отцов Церкви и чутко воспринимавший реальность мира

невидимого, видел в ангелах не только посланников, используемых Создателем во взаимоотношениях с людьми, но также посредников, сохраняющих строй мира видимого. «Я рассматривал их, скажем, как действительные причины движения, света, вообще жизни с ее фундаментальными законами физического мира, которые, возбуждая наши чувства, дают представление о причине и следствии, и это то, что мы называем законами природы». В проповеди, на праздник архангела Михаила, он говорил об ангелах: «Всякое дуновение воздуха, луч, несущий свет и тепло, каждое дуновение красоты является, можно сказать, бахромой одежды, колыханием ризы тех, кто видит Бога лицом к лицу»...

Если так велика роль ангелов по отношению к тварному миру и его законам, то можно себе представить, какие глубинные сотрясения вызвало падение князя мира сего и последовавших за ним ангелов. Иногда я задаю себе вопрос: нет ли связи между этим падением и «протivoестественным», «дьявольским» поведением некоторых насекомых, вирусов и других тварей, которые, однако, сами по себе не являются ни плохими, ни греховными. Как бы то ни было, но определенно, что именно сатана превратил безобидные существа в орудия искушения человека... Не будем при этом забывать и слов апостола Павла: «...тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих: потому что тварь покорилась суеде не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне». (Рим. 8, 19-22).

Зло, от которого мы страдаем здесь, на земле, является, таким образом, *следствием греха и движимо грехом*. Бог его не создавал, и оно исчезнет, но не ранее, чем исчезнет унижающее и умерщвляющее нас извращенное использование свободы, которая, когда мы верно распорядимся ею, есть самое драгоценное наше благо и средство нашего обожения.

Можно ли сказать, что зло ускользнуло от Бога и не подчиняется Его Провидению?

Безусловно, нет. Злу, которого Бог никогда не желает и не желал, Он кладет пределы. Он премудро соделывает так, что оно приводит человека к истинному благу, увеличивая свою благодатную помощь, когда возрастает сила искушения. «...Верен Бог, Который не попустит, чтобы вы были искушены сверх сил, но в самом искушении даст и выход так, чтобы вы могли вынести». (I Кор. 10, 13).

И еще: «...Знаем, что любящим Бога, призванным по его предустановлению, Он во всем содействует ко благу». (Рим. 8, 28).

И только в этом смысле мы можем сказать про страдания и испытания, происходящие с нами, что они пущены Богом, «посылаются» Им. Мы должны принимать их с доверием, ибо они никогда не превзойдут той силы, которую Он нам дает, чтобы привести нас, в конце концов, к нашему благу. Зла, как такового, нет, реальностью зла оказывается лишь грех, который мы совершили. Св. Иоанн Златоуст в одной из своих бесед подробно и исчерпывающе остановился на значении этого слова:

«Так как слово «зло» имеет *два* смысла, то я и хочу сообщить вам точное его значение с той и другой стороны, чтобы вы из-за двусмысленности названия, перемешав самые предметы, не впали в богохульство.

Итак, есть зло — действительное зло: блуд, прелюбодеяние, любостяжание и бесчисленное множество пороков, достойных крайнего осуждения и наказания. Опять есть зло, а лучше сказать не есть, а называется (злом): голод, язва, смерть, болезнь и т.п. Все это не может быть (истинным) злом — потому я и сказал, что это только *называется* злом. Почему же? Потому, что если бы все это было злом, то не делалось бы для нас виною благ: не обуздывало бы гордости, не искореняло бы беспечности, не возбуждало бы нас к рачительности и не делало бы более внимательными к самим себе. «Когда Он убивал их, тогда они искали Его и обращались к Нему и с раннего утра прибегали к Богу», — говорится в Писании (Пс. 77, 34). Зло разумеется здесь то, которое нас враждебляет, делает доблестными и более рачительными, приводит к любомудрию, а не то, которое достойно

проклятия и осуждения; это не Божье дело, но изобретение нашего произволения, а то служит к уничтожению этого. Злом называется здесь страдание, причиняемое нам наказаниями, и называется так оно не по собственной его природе, но приспособительно к мнению людей. Так как мы привыкли называть злом не только воровство и прелюбодеяние, но и несчастья, то (Бог) назвал так страдание, применяясь к мнению людей. Так вот, что означают слова пророка: «нет зла во граде, еже Господь не сотвори» (Ам. 3, 6). Это же выразил Бог через Исайю: «Аз есмь Бог, творяй мир, и зиждяй злая» (Ис. 45, 7), злом называя и здесь бедствия. На это зло делает намек и Христос в Евангелии, когда говорит ученикам: «...не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам позаботится о себе: довольно для каждого дня беды его» (Мф. 6, 34). Итак, из всего видно, что злом Бог называет здесь наказания, и что эти наказания Сам Он насылает на нас, являя в них важнейший вид Своего Промысла.

И врач не только тогда достоин хвалы, когда выводит больного в сады и луга или в бани и купальни, или когда предлагает ему роскошный стол, но и когда заставляет его оставаться без пищи, мучит голодом и томит жаждою, когда приковывает к постели, и дом делает темницею, лишает больного самого света и закрывает комнату со всех сторон завесами; когда подвергает его и сечению и жжению, и предписывает горькие лекарства — и тогда он тот же врач. Поэтому не странно ли — того, кто причиняет столько неприятностей, называть врачом, а Бога, если Он сделает одну такую неприятность, например, наведет голод, или смерть, хулить и не признавать Промыслителем вселенной? А Он — то один и есть истинный врач душ и телес. Поэтому — то часто Он, приняв в Свое попечение нашу природу, которая скачет от полноты счастья, а между тем одержима греховною горячкою, избавляет ее от болезней — бедностью, голодом, смертью и другими бедствиями, и иными, какими Сам знает, врачествами». (Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 2. Беседы о диаволе, СПб., 1894, с. 280-281). И хотя человек не может в каждом случае определить причины выпавших ему испытаний, слово Божие утверждает нас

в том, что все, попускаемое Богом, приводит ко благу человека, является как бы «тайнством» Его безграничной любви. «Не только то достойно восхищения, что возникает по желанию Божию, но и то, чему Он позволяет произойти», — сказал Леон Блуа. Это не умаляет тайны путей Божиих и Его «икономии». Доверившийся Богу не станет допытываться, почему Он попускает то или иное.

В одном из Слов, посвященных Божественному Провидению и обращенном Святителем из Кукуза к своим страждущим последователям, в ответ на недоуменный вопрос: «Почему в этом мире допускаются действия злых людей, демонов, дьявола?» — святой Иоанн Златоуст отвечал: «Праведники не доискивались, как и каким образом совершаются дела Божьи, но видя, что все это непостижимо для человеческого разума, не устрашились и не возмущались, а все мужественно сносили, имея величайшую уверенность в силе Обещающего дать будущие блага, и не впадали, в виду противоположной действительности, в отчаяние... Все предоставляй неисповедимой Премудрости Божией... Кто уже твердо уверовал, то хотя бы ярились бесчисленные волны, ...он не только не потерпит никакого вреда, но сделается еще более сильным... соблазны попускаются для того, чтобы не уменьшалась твердость мужественных». (Творения, 3, с. 527, 528).

И еще раньше, в том же Слове, мы находим: «Когда ты знаешь, что Серафимы летают вокруг высокого и превознесенного престола, закрывая себе крылами лица, ноги, спину и оглашая небо кликами своего изумления, ты не думай, что у них действительно есть ноги и крылья: они ведь силы невидимые... Если же даже ангелы не могут видеть Его и, чтобы выносить исходящую от него молнию, закрывают себе лица крыльями, и только славословят, только поют, воспевают с великим трепетом, вознося таинственную священнодейственную песнь, то не отступишь ли, не скроешься ли ты, желающий с таким безумством простирать твое суетное любопытство на промышление Бога, могущество Которого неизреченно, невыразимо и непостижимо для высших сил? Тайны

Его с точностью ведомы только Его Сыну и Святому Духу, и никому другому...» (*ibid.* с. 501).

Но Бог не ограничился тем, чтобы подчинить Своему Божественному промыслу несчастья и трагедии, происходящие с нами. Отец послал Сына Своего, чтобы Он воспринял нашу природу со всеми последствиями греха, со страданием и смертью. Восприняв их, Господь Иисус, являясь одновременно Богом и человеком, в корне изменил их смысл. Бывшие следствием и знаком отпадения человека от Бога, страдание и смерть, во исполнение Им воли Отца и по Его состраданию к людям, не исключая и Его собственных мучителей, стали знаком и выражением Его сыновней любви к Отцу, орудием спасения. Ими самими Он их победил. А послав Духа Утешителя в наши сердца, Он дал возможность и нам превратить наши собственные страдания в средство уничтожения всякого эгоизма, средство духовного возрастания, в средство воспитания любви, способности прощения соперника и врага.

Христос пришел не устранить страдания и зло здесь на земле, но Своей смертью и Воскресением Он указал нам путь, на котором наши страдания становятся нашим спасением. И если мы это поняли, Он дает нам силы идти по этому пути, в ожидании того дня Его славного пришествия, когда и смерть будет окончательно побеждена.

Один современный исследователь книги Иова писал, что принять загадку страдания можно, лишь обладая особым душевным расположением, без которого самые глубокие размышления будут бессмысленны. Это свойство души есть то детское смирение, которое не стремится к достижению «последнего» знания о чем бы то ни было, в частности, не боясь вовлеченности в события, исход которых может знать только Творец. Лишь тот принимает страдание с миром в душе, кто отказывается от желания рационально объяснить жизнь в ее сокровенной глубине и, вопреки всему, находит покой в мысли, что эта жизнь, иногда так бесчеловечно разбитая, является, однако, делом всемогущего и всемилостивого Бога. И любые другие объяснения, которые можно было бы

дать, не будут иметь значения, если не сведутся к этому». (А. Feuillet. L'énigme de la souffrance et la réponse de Dieu. Dieu vivant, № 17, 1950, п. 80).

Для христианина это повиновение путям Божиим, доверие к способу, которым Он направляет нашу жизнь, выражается в принятии обстоятельств собственной жизни как Креста Христова. Порой это нелегко. В Евангелии мы видим, как трудно было даже для Господа убедить Своих учеников в необходимости Креста. Мало лишь теоретически это узнать, нужно, чтобы мы неким реальным образом, из самой глубины сердца поняли, что для каждого из нас Крест, добровольно принятые нами наши обстоятельства и наши страдания, когда мы не сопротивляемся им и следуем за Христом, есть единственный путь к Воскресению, что, наконец, сам Крест заключает в себе силу Воскресения.

В беседе святого Григория Синаита с преподобным Максимом Капсокаливитом (Добротолюбие, т. 5, с. 475-476, М., 1900) говорится, что, когда Святой Дух овладевает духом человека, все вещи открываются ему совсем по-иному, иначе, чем обычно: «...когда благодать Духа Святого сойдет на кого-либо, то не что-либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира, но... то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого человека научается от Духа Святого высшим и сокровенным тайнам, которых, по божественному Павлу, ни око человеческое не может видеть, ни ум уразуметь... (I Кор. 2, 9). Когда же святой Григорий сказал, что подобное бывает и при действии прелести, великий оный Максим ответил ему: бывает, но... иные признаки прелести, иные — благодати. Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возбуждает ум его, ...сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь... и гордость, ...ум делается исступленным и бесноватым, уста заставляют говорить слова непотребные и хульные; тот, кто видит сего духа прелести, ...серчает и исполнен бывает гнева, смирения совсем не знает, ... но тщеславится без сдержанности и страха Божия, поддается движениям страстей... Когда входит в человека благодать Святого Духа, то собирает ум его и делает внимательным и

смирением, приводит его на память смерти и грехи его. Чем более сближается с человеком, тем более умиротворяет душу его, утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и беспредельным его человеколюбием... Тогда... сердце делается тихим, кротким и обильно источает плоды Духа Святого — *радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, любовь, смирение и пр.* (Гал. 5, 22). И душа его восприимлет неизреченное веселие».

Так не является ли христианин, по сути, тем человеком, который видит за страданиями, болезнью, смертью, за всем, в чем может проявиться наш крест, то, чего не видит за этим обычный человек, — славу Воскресения?

ОГЛАШЕНИЕ И КРЕЩЕНИЕ

Тексты служб в переводе на русский язык

Перевод Анри Волохонского, 1980-ые годы.

ПОРЯДОК ОГЛАШЕНИЯ

Священник дует легким дуновением в лицо оглашаемого трижды, осеняет его крестным знаменем и возлагает руку ему на голову.

Свящ.: Господу помолимся.

Во имя Твое, Боже истины,
и единородного Твоего Сына
и Святого Твоего Духа
я возлагаю руку на раба Твоего _____,
который к святому имени Твоему обратился
и под сенью крыл Твоих укрывается.

Удали от него прежние заблуждения,
исполни его надеждою, верой и любовью,
и пусть он уразумеет,
что Ты — единственный Бог истинный
и с Тобою Сын Твой единородный
Господь наш Иисус Христос
И Святой Твой Дух.

Води его путями Твоего завета,
да творит он дела, которые Тебе угодны:
ими и жив человек, если их творит.

Занеси его Себе в книгу жизни,
припиши его к собственному Твоему стаду,
да прославится в нем имя Твое святое
и возлюбленного Твоего Сына,
Господа нашего Иисуса Христа
и животворящего Твоего Духа.

Пусть глаза Твои взирают на него с
благоволеньем
и уши слышат голос его молений,
в деяньях рук своих пусть он по воле Твоей
находит радость,
а также в потомстве.

Да благословит он Тебя пеньем и служеньем,
имя Твое великое и высокое восхваляет
и, покуда жив, Тебя славит,
ибо Тебе поет все небесное войско,
и Твоя слава Отца и Сына и Святого Духа,
ныне, всегда и во веки веков.

Хор: Аминь.

Заклятие первое

Свящ.: Господу помолимся.

Хор: Господи помилуй.

Свящ.: Господь заклиняет тебя, о дьявол!

Тот, Кто пришел в мир,
дабы среди людей быть,
да сокрушит твое иго
ради свободы рода человеческого!

Он, вознесен на древе
над войском вражеских полчищ,
низверг их — и тут померкло

солнце, земля дрожала,
распахивались могилы,
из гроба святые вставали.

Смертью смерть сгубил Он,
разбил державу владыки
смерти — твою, о дьявол.

Богом тебя заклиная,

Который, явив древо
жизни, поставил бдаль
на страже — херувима
и огненный вихрь меча, —

будь под заклатьем!

Заклинаю тебя Тем,

Кто ходил по морю, словно по суше,
Кто сам заклинал ветры бури —
взор Его иссушает бездны,
от клятв Его горы тают,
а ныне Он заклиняет
тебя моими устами:
Устрашись,

выйди

и удались
от этого создания безвозвратно
и внутри у него не таись,
и навстречу ему не выступиай,
и ничем его никогда не искушай:
ни днем, ни ночью,
ни в полдень, ни в час иной,
но убирайся вон, в свой тартар
до самого Судного Дня,
великого и уже предопределенного.

Устрашись Бога,

Который, восседая
на Херувимах в высях,
окидывает взором бездны,
Того, перед кем трепещут
Ангелы и Архангелы,
Правители и Престолы,
Начальства, Войска и Власти,
многоокие Херувимы

и шестикрылые Серафимы,
перед Которым в трепете
небо, земля и море
и все, чем они полны.

Выйди и удались
от этого запечатленного новобранца
воинства Христа, Бога нашего.
Им тебя заклинаю —

Его носит крылатый ветер,
Его ангелы — дуновенья,
Его слуги — пылающий пламень,

выйди и удались от этого создання
со всем своим войском и вестниками.

Да прославится имя Отца и Сына и Святого
Духа
ныне, всегда и во веки веков.

Заклятие второе

Свящ.: Господу помолимся.

Святой Боже, страшный и прославленный
во всех деяньях и в могуществе Своем,
непостижимый, непреступный,

Который тебе, о дьявол,
предопределил тоскливые вечные муки,

через нас, Его слуг недостойных,
повелевает тебе
и всему твоему сопутствующему войску
удалиться от новозапечатленного именем
Господа нашего
Иисуса Христа, истинного Бога нашего.

Заклинаю тебя,
духа наглого, скверного, нечистого,
омерзительнейшего и чуждого,

силою Иисуса Христа,
полновластного владыки земли и небес,
который повелел глухонемому бесу:
«выйди из человека
и более не входи!» —

удались,
пойми тщету своей силы,
даже и над свиньями не имеющей власти!
Вспомни о Том, Кто по твоему же желанью
послал тебя вселиться во свиное стадо.

Устрашись Бога,

Чьим веленьем на водах земля
утвердилась,
и небо создавшего.

Он воздвигнул горы, словно отвес,
проложил долины, как мерную трость,
Он устал песками предел морей,
чтоб был верен путь вдоль превратных
вод,

лишь касается гор — и дымятся.
Облачается в света золотой наряд,
простирает небо как яркую ткань,
занебесья — водою окутаны.
На опорах твердо стоит земля,
непоколебима навеки она,
и взмывают воды бездны морской —
на лицо земли изливаются.

Выйди и удались от того,
кто готовит себя ко святому просвещению.
Заклинаю тебя спасительным страданьем
Иисуса Христа, Господа нашего,

и чтимыми Его Телом и Кровью,
и страшным пришествием,

ибо придет без промедленья
судить всю землю,

а тебя
с твоим сопутствующим войском
в геенне огненной казнит,
во тьму наружную извергнет,
где червь недремлющий
и огонь неугасимый.

Ибо держава Христа, Бога нашего, с Отцом и
Святым Духом
ныне, всегда и во веки веков. Аминь.

Заклятие третье

Свящ.: Господу помолимся.

О Господи воинств, Боже Израилев,
избавляющий от болезней и казней,
взгляни на своего раба,
узнай его и испытай
и отгони все дьявольское войско
нечистых этих духов от него,
заклятьем изгони, очисти
созданье рук своих
и, обнажив острейшее оружие, низвергни
немедля Сатану
со всеми духами нечистыми
к ногам воителя, которому победу
даруй, дабы по милости Твоей
достоин стал бессмертных Твоих Тайн
и чтоб вознес хвалу Тебе во славу
Отцу и Сыну и Святому Духу,
ныне, всегда и во веки веков.
Аминь.

Молитва четвертая

Свящ.: Господу помолимся.

О Господи, Владыка Суций,
Ты сотворил человека
по образу Своему и подобию,
Ты дал ему силу жизни вечной,
а когда согрешил он,
не пренебрег падшим,
но через воплощение Христа в человеке
свершил спасение мира.

Освободи же, о Господи,
от козней вражеских
это Твое создание:
прими его в Свое царство,
которое превыше небес,
раскрой глаза души его —
и да озарит их свет
благой Твоей вести.

Соедини самое жизнь его
с ангелом света —
да избавит его от умыслений вражых,
от встречи с лукавым,
от полуденного беса
и от лукавых грез.

Дуновенье поверх уст, чела и груди оглашаемого.

Изгони из него всех лукавых и нечистых духов,
угнездившихся в его сердце тайно. *(Трижды.)*

Духа лукавства, духа искушения,
духа идолопоклонства
и алчного стяжания,
духа лжи и порока —
всех побуждаемых дьяволом духов.

И в святом стаде овец,
вразумленных Христом Твоим,
пусть он будет священной чашею,
сыном света, воителем Церкви
и достойным наследником Твоего царства.

Да живет он по Твоим заветам,
и, не запятнавши одежду
и печать Твою неврежденной сохранив,
достигнет удела
в Царстве Твоем, где святые блаженствуют.

Благодатью, великодушием, человеколюбием
Твоего едиnorodного Сына —
будь с Ним благословен —
и со Святым Твоим Духом,
благим и животворящим,
ныне, всегда и во веки веков.

Оглашаемого поворачивают лицом на запад. Следуют вопросы священника и ответы оглашаемого или восприемников.

Вопрос: Отрекаешься ли ты от сатаны
и от его деяний и велений
и вестников и всей его гордыни?

Ответ: Отрекаюсь.

(Вопрос и ответ повторяются трижды.)

Вопрос: Отрекся ли ты от сатаны?

Ответ: Отрекся.

(Вопрос и ответ повторяются трижды.)

Свящ.: Так дунь на него и плюнь.

Оглашаемого поворачивают лицом к востоку.

Вопрос: Вручаешь ли ты себя Христу?

Ответ: Вручаю.

(Вопрос и ответ повторяются трижды.)

Вопрос: Христу себя вручил?

Ответ: Вручил.

Вопрос: Веришь ли ты Ему?

Ответ: Я верую Ему как Богу и Царю.

Символ веры.

Верую
в единственного Бога, всемогущего Отца,
Творца и неба, и земли,
всего, что видимо и что невидимо.

И в Иисуса Христа, единственного Господа,
едиnorodного Сына Божия,
рожденного Отцом до начала времен: света —
светом,
Бога истинного — истинным Богом
рожденного,
и Которым все обрело бытие.

Это Он ради рода людского,
нас спасая, сошел с небес,
в человеке — от Святого Духа и Марии Девы —
воплотился,
и за нас при Понтии Пилате был распят;
Он страдал, погребен и воскрес
в третий день, согласно Писанию.

А ныне, взойдя на небеса,
Он у Отца по правую руку восседает,
и со славою явится вновь
судить живых, и умерших,
и Царство Его навеки.

И в Святого Духа, животворящего Господа,
от Отца исходящего —
и с Отцом и Сыном мы и Ему поклоняемся,
с ними Его, вещавшего через пророков, славим.

Верую в соборную апостольскую Церковь,
святую и единственную.
Признаю одно лишь крещение:
ради прощения грехов.
Воскресения умерших с надеждой ожидаю
и жизни в веке грядущем.

Вопрос: Христу себя вручил?

Ответ: Вручил.

(Вопрос и ответ повторяются трижды.)

Свящ.: Поклонись Ему.

Ответ: Поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу,
Троице единосущной и неделимой.

Свящ.: Бог, который желает
всем людям спасенья и познания правды,
благословен ныне, всегда и во веки веков.

Господу помолимся.

Владыка Господи наш Боже,
раба своего _____ призови,
да примет он света святого
великой Твоей благодати:
святого крещения.

Оставь его прошлое в прошлом,
воссоздай его для жизни вечной,
наполни его силой Твоего Святого Духа,
чтоб с Христом Твоим был воедино,
да не останется сыном плоти,
но сыном Твоего Царства станет
блаженною волей и благодатью
Твоего едиnorodного Сына,

с которым и Тебя благословляем
вместе со Святым, животворящим
и благим Твоим Духом,
ныне, всегда и во веки веков.
Аминь.

ПОРЯДОК СЯТОГО КРЕЩЕНИЯ

Священник вводит оглашенного и восприемников, кадит.

Свящ.: Благословенно Царство Отца и Сына и Святого
Духа
ныне, всегда и во веки веков.

Хор: Аминь.

Свящ.: Помолимся Господу умиротворенно.

(Хор на каждое прошение отвечает: Господи помилуй.)

О мире свыше и о наших душ спасении...

О мире во всем мироздании,
о благополучии святых Божиих Церквей
и всеобщем единстве...

Об этом святом храме и о входящих в него
с верою, благоговением и страхом Божиим...

О господине нашем блаженнейшем
митрополите _____
и о господине нашем епископе _____,
во Христе чтимых священниках, дьяконах,
и всем духовенстве и народе...

О стране нашей, Богом хранимой,
о правительстве ее и президенте,
о ее народе и войске...

Об этой воде — Святой Дух да освятит ее
силы стремительным нисхождением...

Чтоб стала она как Благословенный Иордан —
водой спасения...

Да станет она силою сверхсущей Троицы —
водой очищения...

И о том, чтобы нам просветиться просвещением
разума и благочестия
нисхождением Святого Духа...

Да явится в ней сила рассеять козни врагов —
как видимых, так и невидимых...

Да будет достоин царства нетления тот,
кто в ней крещение приемлет...

О том, кто к святому свету ныне прибегнул —
да спасет его Господь...

Да станет он сыном света
и наследником вечных благ...

Со смертью Христа, Бога нашего, и с
Воскресением
да будет дано ему сочетаться и слиться...

Да сохранит одежды крещения
незапятнанными,
обручение Духа неопороченным,
в тот страшный день Христа Бога нашего...

Да совершится ему этой водою омовение
в новую жизнь свыше,
где одежды не истлевают и грехи забыты...

Да услышит Господь Бог наши молитвы...

Да избавит и его, и нас
от скорби, от гнева и от притеснений...

Защити, спаси и помилуй,
сохрани нас, Боже, своей благодатью...

Хор: Господи помилуй.

Свящ.: Святую, чистую, благословенную,
славную Владычицу нашу, Богородицу
и вечно истинную Деву Марию
помянув со всеми святыми,
сами себя и друг друга и самое жизнь нашу
Христу-Богу предадим.

Хор: Тебе, Господи.

Свящ.: О Боже, милостивый и добрый,
и в душах Ты читаешь, и в сердцах,
и Ты один лишь знаешь, что человек в себе таит,
и от Тебя ничто не укрывается:
для глаз Твоих ведь все обнажено и голо.

Меня Ты знаешь. Так не отврати
Ты лика Своего от нас и ныне
пренебреги моими прегрешениями,
но не мною:

Ты, кто забывает грехи раскаявшихся,
омой порок мой телесный и пятна души
и совершеннейшею из Своих невидимых сил —
силою Духа меня освати,
чтобы я, возвещая
свободу и полнейшую веру
в Твою,
о мой единственный человеколюбивый

Боже-Владыка,
любовь к человеку,
как раб греха, не вышел с поля
предстоящей битвы,
словно неопытный воитель,
побежденным.

Свыше пошли мне силу в служении
и укрепи меня к совершению
этого таинства небесного и величайшего,
дабы силою свыше через меня недостойного
лик Твоего Христа запечатлен был в том,
кто свыше вновь родиться жаждет.

Не отвергни его, но учи
согласно апостолам и пророкам,
посади его как растение истины
и не выпалывай из Твоей соборной
апостольской Церкви,
чтоб был в благочестии славен
и славил, преуспевая, Твое святое имя
Отца и Сына и Святого Духа,
ныне, всегда и во веки веков.
Аминь.

Благословение воды.

Свящ.: Велик ты, Господи,
дела Твои изумительны,
и Твои чтоб воспеть чудеса
не существует слов. (Трижды.)

Все Твоею волею явлено в бытии из небытия,
Твоя держава держит вселенную,
Твоим зодчеством зиждится мироздание.

Ты четыре начала в бытии сочетал,
сплел четыре времени лентою лет,
чтит Тебя любой разумный дух.

Тебе поет солнце — луна подпевает,
Тебя хвалят звезды, и внемлет свет,
Ты колеблешь бездны и реками повелеваешь,
а небо раскинул как яркую ткань.

Ты землю воздвиг на водах,
песком оградил море,
Ты вдохнул и выдохнул воздух,

воинства ангелов в высях Твоих ожидают
велений,
хоры архангелов ниц пред Тобой простираются,
даже многоокие херувимы и шестикрылые
серафимы,
паря перед самым тронном, прячут в ужасе лица
от непроницаемого сиянья.

И Ты же, о Боже Сущий,
безграничный, безначальный, неизреченный,
и Ты на земле — как раб, в обличии человека.

Владыка милосердный, Ты не стерпел зрелища
сатанинского притеснения рода человеческого:
явился, спасая нас.

Итак, провозглашаем о благодати,
будем благодарить милость,
объявим блаженное чудо:

человечество отныне свободно!
Лоно Девы стало
рождением Твоим свято,
вся тварь воспевает
Твое явленье в мире.

Ты — Бог — на земле явился,
Ты обитал с нами,
Ты освятил свыше
силой Святого Духа
воды Иордана

и сокрушил главы
змиев, залегших там.

Итак, явись ныне,
о Царь человеколюбивый,
приди и воду эту
освяти Святым Твоим Духом. (Трижды.)

Дай ей благодать спасенья,
иорданово благословенье,
нетленья источником да будет она,

даруй ей дар освященья,
исцеленья страданий, грехов прощенья,
чтобы сама, наделенная ангельской мощью
и непрístupная вражьему воинству,
бесов губила, и да бегут от нее
все, кто на это Твое
созданье, о Господи, клеветцуют,
ибо он Твое имя призывал
дивное, славное и страшное врагам.

Священник трижды рисует на воде знак креста, дует и приговаривает:

Да погибнут под знаком Твоего Креста
все враждебные войска. (Трижды.)

Молимся Тебе, Господи,
пусть рассеются немедленно все неясные
воздушные призраки
и пусть не скрывается в этой воде темный
демон,
да не овладеет приемлющим крещение бес
лукавый,
погружающий души во мрак и умы в буйство.

А Ты, Властитель мира,
яви нам воду эту:
воду спасенья,

воду освященья,
очищение плоти и духа,
прощение прегрешений,
размыканье оков,
душам — просвещенье,
омовенье
для бытия обновленного свыше,
дар усыновленья
и обновленья духа,
нетления одеянье,
источник жизни вечной.

Ибо сказал Ты, Господи:
— Омойтесь — и станете чисты,
из душ ваших изгоните пороки.
Ибо Ты даровал нам
новое рождение свыше:
от воды и от Духа.

Явись, о Господи, в этой воде,
дай в ней приемлющему крещение
преобразиться,
да оставит в ней прежнего человека,
в искусовых похотях истлевающего,
и в нового облачит себя,
обновленного сообразно подобию Создателя,
дабы в крещении сливаясь
с образом Твоей смерти,
он и воскрес с Тобою

и, удержав дар Твоего Святого Духа
и возвратив с избытком залог Твоей благодати,
удостоился почести высшего призвания
среди первенцев, чьи имена в небесах
начертаны в Тебе, о Боже,
и в Господе нашем Иисусе Христе.

Ибо Тебе слава
и власть, и честь, и поклонение
вместе с Отцом безначальным

и с Твоим Духом, Святым,
благим и животворящим,
ныне, всегда и во веки веков. Аминь.

Мир всем

Склоните головы перед Господом.

Освящение масла.

Священник дует в сосуд с маслом трижды и трижды осеняет его знаком креста.

Свящ.: Господу помолимся.

Господи, Боже, Владыка,
некогда прадедам нашим в Ноев ковчег
голубку с ветвью маслины в клюве
послал Ты как весть о спасеньи
от вод потопа и в знак примиренья.

Это и был прообраз таинства благодати,
а плод маслины Ты даровал нам
для совершенья священных таинств.

Соком его и бывших под Законом
Ты преисполнял Святым Твоим Духом,
и тех, кто под благодатью,
венчаешь совершенством.

Благослови же и это масло
силой, действием и нисхождением Твоего
Святого Духа,

да станет оно помазаньем нетления,
обновленьем души и тела,
доспехом праведности для отраженья дьявола
и избавленья от зла
тому, кто с верою им помазан
или приемлет его во славу
Твою и едиnorodного Твоего Сына

и святого, благого и животворящего Твоего
Духа,

ныне, всегда и во веки веков.
Аминь.

Внемлем!

*Священник трижды рисует на воде маслом знак креста,
всякий раз провозглашая вместе с народом:*

Аллилуйя!

Свящ.: Благословен Бог,
просвещающий и освящающий
каждого приходящего в мир человека,
ныне, всегда и во веки веков.
Аминь.

*Священник совершает помазание. Он погружает два пальца
или кисточку в освященное масло и рисует знаки креста в
следующем порядке:*

на лбу, произнося:

Принимает помазание раб Божий _____
маслом радости
во имя Отца и Сына и Святого Духа

на груди и плечах:

для исцеления души и тела

на ушах:

да внемлет вере;

на руках:

руки Твои сотворили меня, создали меня;

на ногах:

чтоб ходил по путям Твоих заповедей.

Крещение.

Затем совершается крещение. Священник обращается лицом к востоку и, погружая оглашенного в воду, произносит:

Свящ.: Принимает крещение раб Божий _____
во имя Отца,

(Погружение.)

Аминь.

И Сына,

(Погружение.)

Аминь.

И Святого Духа,

(Погружение.)

Аминь.

Все поют псалом 32:

Счастлив тот, кому вина прощена

и чье зло искуплено,

Счастлив, кому Господь не зачтет греха,

человек с чистой совестью.

А мне разъедало кости, покуда безмолвствовал,

целые дни рыдая,

Ибо под гнетом руки Твоей

истлевала молодость,

словно от засухи летней.

Но когда я решил: согрешил — исповедуюсь,

принесу покаянье о беззакониях,

не утаю злодеяний от Господа —

Вот тогда мой грех Ты и снял с меня.

Потому Тебе молится каждый праведник

посреди великого наводнения,

Потому и высится недосыгаемый.

— Ты мой щит! Из теснины
Ты меня вызволял,
О спасении ликованьем
Ты меня окружил.

— Научу и дам тебе
свет в пути,
Око Мое свыше
тебя поведет:

Не как мула иль коня —
неразумную тварь,
Лишь узде покорную
да удилам в зубах.

Многие терзанья — душе порочной,
Но милость — на Господа уповающей.

Радуйтесь с Господом, ликуйте, праведники,
Восторгайтесь все, у кого сердце чистое!

Свящ. (надевая одежды на новокрещенного):

Облачается раб Божий _____
в одеяние праведности
во имя Отца и Сына и Святого Духа,
Аминь.

Хор (тропарь, глас 8):

О Христос наш, милостивейший Боже наш,
одевающийся в света золотой наряд,
дай мне одежду света.

ПОРЯДОК МИРОПОМАЗАНИЯ

Свящ.: Благословен Ты, Господи, Боже всемогущий,
источник всего, что есть благо, Солнце правды,
Ты вознес пламенеющий факел спасения,
явив едиnorodного Своего Сына и нашего Бога
нам, обитавшим во тьме.

Ты, Кто нам даровал, недостойным,
блаженное очищение и божественное
освящение
в воде святой и животворном помазании,

Ты, который и ныне
водою и Святым Своим Духом
даруешь рождение свыше
Своему новопросвещенному рабу,
даруешь ему прощенье
вольных грехов и невольных, —

даруй же ему, о милосердный
Царь царей и Владыка,
также печать дара
Духа Святого, чтимого и всемогущего,
и приобщенье святому
Телу и драгоценнейшей Крови
Христа Твоего.

Сохрани его в Своем освященни,
утверди его в правой вере,
избавь его от врага
и умыслов злобных вражых,
спасительным Твоим страхом
сохрани в чистоте и правде его душу,

он же Тебе да будет верен
в деле и в каждом слове,
да войдет как сын и наследник
в Твое небесное Царство.

Ибо Ты — Бог наш,
милостивый Спаситель,
Тебя мы и славим:
Отца и Сына и Святого Духа,
ныне, всегда и во веки веков.
Аминь.

Священник рисует священным миром у новокрещенного знаки креста на лбу, глазах, ноздрях, губах, ушах, груди, руках и ногах, приговаривая:

Печать дара
Святого Духа.
Аминь.

Священник с восприемниками и новокрещенным трижды обходят купель по кругу. Все поют:

Все вы во Христа крестившись,
во Христа облеклись.
Аллилуйя.

(Трижды.)

Свящ.: Внемлем. Мир всем.

Чтец: И духу твоему.

Свящ.: Премудрость.

Чтец: Прокимен, глас 3.
Господь — мне свет и спаситель мой,
кого мне бояться?
Господь — щит жизни моей,
кого мне страшиться?

Послания к Римлянам Святого апостола Павла
чтение.

Свящ.: Внемлем.

Чтец: (Рим. 6: 3-11)

Братья, неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?
4. Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни.
5. Ибо, если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения.

6. Зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху;
7. Ибо умерший освободился от греха.
8. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним,
9. Зная, что Христос, воскресши из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти.
10. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха, а что живет, то живет для Бога.
11. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем.

Свящ.: Мир с тобою!

Чтец: И с духом твоим.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Хор: Аллилуйя. (Трижды.)

Свящ.: Премудрость! Встанем, услышим Святое Евангелие.
Мир всем.

Хор: И с духом твоим.

Свящ.: От Матфея Святого Евангелия чтение.

Хор: Слава Тебе, Господи,
слава Тебе.

Свящ.: Внемлем.
(Матф. 28: 16-20)

И вот одиннадцать учеников пошли в Галилею, на гору, куда назначил им Иисус.
И, увидев Его, они простерлись перед Ним, но некоторые были охвачены сомнением.
А Иисус, приблизившись, обратился к ним со словами:

Мне дана полная власть на небе и на земле.
Идите же с учением ко всем народам,
крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа,
и наставляйте их — чтоб исполняли все,
что Я вам повелел,

а Я с вами всегда — до скончания века.
Аминь.

Хор: Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

ДОПОЛНЕНИЯ Молитва первая (на восьмой день)

Свящ.: Господу помолимся.

Хор: Господи помилуй.

Свящ.: О Ты, кто даровал
свободу от грехов святым крещеньем
Своему рабу
и жизнь в рожденьи новом свыше
ниспославший,
о Господи-Владыка,
свет лика Твоего дай ему ныне —
да воссияет в его сердце,
и да не повредят щит веры его
никакие вражеские козни.

Нетленные одежды, в которые Ты облачил его,
сохрани на нем незапятнанными,
неопороченными,
печать Духа — целой и невредимой
сохрани в нем Своей благодатью
Ты, кто милостив к нему и щедр к нам.

Да благословляется и славится
высокохотимое и великолепное имя Твое:
Отца и Сына и Святого Духа,
ныне, всегда и во веки веков.
Аминь.

Молитва вторая

Свящ.: Господу помолимся.

Хор: Господи помилуй.

Свящ.: Владыка Господи, Боже наш,
озаряющий небесным сияньем
тех, кто крещение приемлет,
новопросвещенного раба Своего
свыше родивший — водою и Духом
и простивший ему грехи — как вольные,
так и невольные —

ныне возложи на него властную руку
и сохрани его под благодатью,
да останется Твое обручение с ним
нерасторжимым,
удостой его вечной жизни и благоволенья
и дара быть Тебе угодным,
ибо Ты — освящение наше,
Тебя мы и славим:
Отца и Сына и Святого Духа,
ныне всегда и во веки веков.

Хор: Аминь.

Свящ.: Мир всем.

Хор: И духу твоему.

Свящ.: Склоните головы перед Господом.

В Тебя, — о Христос, Боже наш, —
облаченного,
того, кто пред Тобою с нами вместе голову
склоняет,
сохрани непобедимым в подвигах
против тщетно враждующих с нами и с ним
и всех нас увенчай нетленным венцом
окончательной победы.

Ибо Ты и милуешь, и спасаешь,
и Тебя мы славим
с безначальным Твоим Отцом
и Святым, благим и животворящим Твоим
Духом,
ныне, всегда и во веки веков.

Хор: Аминь.

Священник кропит водою на новокрещенного.

Свящ.: Оправдан,
просвещен,
освящен,
омыт
именем Господа нашего Иисуса Христа
и Духом Бога нашего.

Оттирает ему губкой лицо и всю голову.

Крещен,
просвещен,
миропомазан,
освящен,
омыт
во имя Отца и Сына и Святого Духа,
Аминь.

МОЛИТВА НА ПОСТРИЖЕНИЕ ВОЛОС.

Свящ.: Господу помолимся.

Хор: Господи помилуй.

Свящ.: Владыка Господи, Боже наш,
удостоив человека собственного Твоего образа,
Ты соединил в нем разумную душу и
соразмерное тело
так, чтобы тело служило разумной душе,

и выше всего вознес над телом голову,
придав ей различные органы чувств,
одно другое дополняющих.

А голову Ты покрыл волосами,
дабы движения воздуха ей не вредили —

и так все части тела
сообразно сочетал Ты,
чтобы всеми Тебя он и славил—
величайшего из художников.
через апостола Павла,
сосуда избранного,
заповедал Ты нам все, что делаем,
делать во славу Твою.

Благослови же ныне
приносящего Тебе первую жертву — волосы
главы —
исполнителя Твоей воли,
равно как и его восприемников,
и дай им совершенствоваться в Твоем законе
и вершить дела, благоугодные Тебе.

Ибо Ты Бог человеколюбивый и милосердный
и Тебя мы славим —
Отца и Сына и Святого Духа,
ныне, всегда и во веки веков.

Хор: Аминь.

Свящ.: Мир всем.

Хор: И духу Твоему.

Свящ.: Склоните головы перед Господом.

Господи, Боже наш,
верующих в Тебя Ты освящаешь
преисполняющей купель благодатью,
благослови же и это дитя,
да снизойдет Твое благословение на голову его,

и как через пророка Самуила
благословен Тобою царь Давид,
так и моей рукой — хоть я и грешен —
благослови голову раба Своего,

наполни его Святым Твоим Духом,
чтобы и взрослея, и старея
славил Тебя
и всю жизнь созерцал
сиянье Иерусалима.

Ибо Тебе и слава, и честь, и поклонение
Отцу и Сыну и Святому Духу,
ныне, всегда и во веки веков.

Хор: Аминь.

Священник постригает новокрещенного крестообразно.

Свящ.: Постригаем раба Божия _____
во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хор: Аминь.

Следует обычная ектения с добавлением молитвы за восприемников и новокрещенного:

Свящ.: Молимся также о милости, жизни, мире,
здоровье
и спасенье раба Божия _____, восприемника,
и новокрещенного _____.

Ибо милостив Ты, человеколюбивый Боже,
и Тебе мы возносим песни славы,
Отцу и Сыну и Святому Духу,
ныне, всегда и во веки веков.

Хор: Аминь.

Роспуск.

Свящ.: Слава Тебе, Христос,
Боже наш, надежда наша, слава Тебе.

Хор: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу,
ныне, всегда и во веки веков. Аминь.
Господи помилуй (трижды). Благослови.

Свящ.: Христос Бог наш,
по молитвам пречистой Своей Матери,
прославленных, святых и превозносимых
апостолов,
святого _____, покровителя нашего храма,
святого _____, которому мы сегодня творим
поминовение,
святых и праведных прародителей Божиих
Иоакима и Анны
и всех святых,
да помилует нас и спасет,
ибо Он благ и человеколюбив.

А. КОЙРЕ

ФИЛОСОФЫ И МАШИНА*

I. Оценка механизма

Замечательная книжка П.М. Шуля⁰ представляет нам историю взаимоотношений философии и техники или точнее историю философских позиций философов (эти термины приняты наиболее широкими их кругами) по отношению к технике и, в частности, по отношению к машине.

Кривая этих позиций очень любопытна и может быть охарактеризована следующим образом: она начинается с безнадежного смирения (античность) и доходит до полных энтузиазма надежд (новое время), чтобы от них вернуться к отчаянному смирению (современная эпоха). К этому нужно, конечно же, добавить, что античный философ смирялся с отсутствием машины, тогда как современный философ вынужден смиряться с ее присутствием.

Ход этой кривой, которая, по правде говоря, — во всяком случае в своей второй части — точно выражает нормальную эволюцию отношения людей, — объясняется, без сомнения, тем фактом, что, за редким исключением, то, что интересовало и занимало философов, не есть сама машина как таковая, ни даже машина как техническая реальность, а машина как реальность для человека и общества.

Другими словами, философская проблема «механизма» ставится не в плане роли машины в производстве, а в плане ее влияния на человеческую жизнь, в плане изменений, вызванных развитием механизмов, или возможности таких изменений. Для Аристотеля здесь все ясно. В знаменитом пассаже в начале его «Политики»

* Critique pp 23-26, 1948.

⁰ Речь идет о работе Пьера Максима Шуля «Машинизм и Философия», 2 ed-P.U.F. 1947.

говорится: «рабство перестало бы быть необходимым, если бы челноки и плектры могли двигаться сами собой»,¹ — что приводит к оправданию рабства — нужны же в отсутствие машины, или из-за невозможности ее существования вообще, наряду с «неодушевленными инструментами» «инструменты одушевленные» — и вводит в качестве подразумеваемой посылки (столь очевидной для грека, что Аристотель не считал нужным ее представить) идею существования таких тяжелых и нудных работ, что ни один человек, достойный этого имени, или, по крайней мере человек свободный, не смог бы согласиться их делать;² такие работы, которые можно дать только рабам или женщинам. Теперь хорошо понятен человеческий смысл радостных песен Антифилоса Византийского, прославляющего благодать водяной мельницы, «которая освободила женщин от изнурительного труда мукомола». «Уберите руки с жерновов, мельники; спите сколько хотите, даже если песнь петуха провозгласит день, Деметра передала нимфам работу ваших рук: они бросаются с высоты колеса, они крутят его ось, которая через колеса зубчатой передачи движет вогнутую тяжесть жерновов Нисира. Мы вкусим жизнь Золотого века, если научимся легко пользоваться трудами Деметры».

Увы, чтобы распространить благодать по миру, Деметре и нимфам пришлось ждать двенадцать веков, и только в XVI и XVII веках использование машин и особенно использование гидравлической силы начало распространяться и играть достаточно важную роль. По крайней мере важную настолько, чтобы Декарт, констатируя, «сколько разнообразных автоматов и движущихся машин индустрия людей может делать», созерцая «гроты и фонтаны в садах наши королей», «часы, искусственные фонтаны, мельницы и другие подобные машины», задумал

¹ Замечательно, что Аристотель так хорошо понимал саму суть машины, ее автоматизм, который в полном объеме машина реализовала только в наши дни.

² Можно спросить, то ли это Аристотель ошибался, переоценивая человеческую природу, то ли это мы заблуждаемся, называя «свободными» людей, осужденных на рабский труд.

мал (возможно, вслед за Бэконом, но в противоположность ему, не на основе эмпирического сенсуализма, а на основе платоновского математизма) идею активной, действительной науки (и даже философии) — «практической» философии, с помощью которой мы, «знающие печь и действия огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех других тел, окружающих нас, так же ясно, как мы знаем различные материалы наших мастеров», смогли бы стать повелителями и хозяевами природы, природы внешней — посредством «механизмов», и природы нашего тела — посредством медицины.

Понятно, что подогреваемый этой грандиозной мечтой о некоей науке, которая была бы одновременно и мудростью, и силой, Декарт должно быть полагал, что не может скрывать ее от мира, «не делая при этом большого греха против закона, заставляющего нас делать общим достоянием все лучшее, что есть в нас», и он не только решил добиваться общественной поддержки экспериментов, которые он проводил, но и задумал «создать Школу Искусств и Ремесел» и советовал «строить в Колеж Рояль и в других общественных местах разнообразные залы для мастеров; чтобы каждый зал, при этом, был посвящен одному ремеслу; при каждом таком зале должен быть кабинет, наполненный всевозможными инструментами и механизмами, необходимыми и полезными для обучения этому искусству; должны быть выделены средства, достаточные не только на расходы для проведения экспериментов, но и для содержания Мастеров и Учителей, число которых было бы равно количеству искусств, которым там обучают. Учителя должны быть сведущими в Математике и Физике, чтобы быть способными отвечать на все вопросы ремесленников, придавать смысл всем предметам, вносить о них ясность для новых открытий в области Искусств».

Картезианская мечта о человечестве, освобожденном посредством машины от зависимости от сил природы, о человеке, победившем болезни, которые его угнетали, будоражила Европу на протяжении двух столетий. Она и сейчас еще жива и действенна. Тем не менее, уже более

ста лет, а точнее с момента освоения новых источников энергии и новых материалов, когда замена огня и железа водой и деревом провозгласила, вместе с первой промышленной революцией, век техники в истории человечества и сделала возможным реализацию этих машин, так страстно желанных и так наивно ожидаемых, и так же наивно прославляемых, стали слышны и другие голоса. Машина не оправдала возложенных на нее надежд: казалось, что, предназначенная облегчить страдания людей, машина, напротив, только усилила их. Век машины, вместо того, чтобы стать золотым веком человечества, оказался веком железным. Челноки и плектры двигались — то сами, но ткачи стали более чем когда-либо прикованными к своему месту. Вместо того, чтобы освободить человека и сделать из него «хозяина и властелина природы», машина превратила человека в раба своего изобретения. Кроме того, по удивительному парадоксу, увеличивая продуктивность труда, машина, конечно же, создала богатство, но в то же время увеличила нищету. В довершение всего, машина, или, по крайней мере, промышленность, разрушила красоту и создала уродство.

Машина — источник нищеты... Действительно, было чему удивиться и от чего отчаяться. Но нужно открыто признать: машина (или, по крайней мере, машина, функционирующая в данных экономических и социальных условиях) сильно подняла производительность труда, но этим же самым породила безработицу. Более того, неуклонно наращивая разделение труда и его разложение на все более мелкие операции, машина делала труд все более простым (Прудон хорошо видел, что это позволяло заменить мастера или рабочего высокой квалификации чернорабочим), тем самым все более дегуманизируя его, делая его все более монотонным и утомительным; в довершение всего, машина, значительно облегчив труд, т.е. совершенно исключив необходимость прибегать к физической силе работника, заменяя ее механической силой (что позволяло заменить подсобных рабочих женщинами и детьми), заменила человеческий ритм, ритм, образованный чередованием усилия и

отдыха, однообразием механического цикла, который можно было повторять и воспроизводить неопределенно долго. Другими словами, не знающие усталости машины могли работать без остановки. Понятное дело, что рабочие усталость знали. Но где предел, который они могли выдержать? Никто этого не знал, или, во всяком случае, не хотел знать. Кроме того, стоит ли принимать во внимание возможный износ этого человеческого материала, поскольку как раз вследствие безработицы, порожденной этой же машиной, его было в избытке и растущий технический прогресс гарантировал его и на будущее? Поэтому рабочий день достигал четырнадцати, шестнадцати и даже семнадцати часов, в то время как заработная плата падала пропорционально, и, по признанию самих промышленников, «шестеро из десяти рабочих не зарабатывают самого необходимого». Понятно, почему дух наиболее преданных оптимистов и демократов XVIII века возмутился.

Так Мишле, полностью признавая, что машина «сделала доступными даже для наиболее бедных множество предметов обихода и даже роскоши и искусства, к которым они даже не могли и подступиться», пишет, что «не может не замечать эти изможденные лица людей, этих бледных молодых девушек, этих замученных опухших детей», поработанных машиной. Вот Villermé описывает плачевные условия жизни работников больших мануфактур (трущобы, нищета и т.д.) и нечеловеческую эксплуатацию детей, «проводящих по 16, 17 и 18 часов на ногах каждый день, из которых 13, по крайней мере, в закрытом помещении без смены места и положения. Это уже больше не работа, не задание — это пытка...» Это во Франции. В Англии ситуация, которую описывают Бюре и Энгельс, еще хуже. Особенно на шахтах. «Хусс колеблясь сравнивает долю английских рабочих с долей американских негров», а Роберт Оуэн говорит, что «белое рабство, имеющее место на мануфактурах, было в эпоху полной свободы в тысячу раз хуже домов рабов, которые я видел в Соединенных Штатах и в Индии: что касается здоровья, питания, одежды, то последние имели явное преимущество перед английскими мануфактурами». Так

что же делать? Фурье осуждал индустриализацию, «самую последнюю из наших научных химер», и промышленный труд, источник невыносимого однообразия, «главный порок механизации в системе общества», и искал выход в фаланстере, где каждая группа работающих последовательно занимается различными делами по своему усмотрению»; Оуэн «восхвалял новую организацию труда в общине наполовину промышленной, наполовину сельскохозяйственной, которую он тщетно пытался создать в Соединенных Штатах»; Сисмонди замечал, «что лучше было бы, чтобы население было составлено из людей, чем из паровых машин, даже при том, что ткани, сделанные людьми, дороже, чем сделанные машинами», и применял к современной промышленности притчу об ученике чародея, неспособном снять заклятие; Карлейль противопоставлял настоящее средневековому прошлому и «призывал руководителей промышленности прекратить разбой и стать сознательными рыцарями своего феодального долга» по отношению к своим рабочим; Рёскин «мечтал о счастливой и любимой работе, выполняемой вручную, без помощи машин, кроме тех, которые приводятся в движение ветром и водой»; Самюэль Бутлер, наконец, присоединяя к идеологическому плану чартистский бунт, описывал в *Erewhon* жизнь некой страны, совершившей промышленную революцию наоборот и разрушившей машины, «время изобретения которых приходится на последние двести семьдесят лет».³

Можно было бы продолжить и к текстам, цитируемым г. Шулем, добавить много других... Действительно, по мере того как технический век развивал весь унаследованный потенциал, осуждения, исходящие от мыслителей (или писателей) реакционных в большей или меньшей степени (католики) или настроенных романтически, становились все более и более многочисленными. Машина и промышленная цивилизация обвиняются во всех грехах настоящего времени. Их упрекают в

³ С. Бутлер допускает в *Erewhon* только машины, использующие естественные силы и материалы: машины прединдустриальной эпохи, такие как ветряные и водяные мельницы и т.д.

разрушении сверкающего разнообразия мира и в замене его однообразной монотонностью ткани, производимой в больших количествах; в подмене понятий качества и ценности чисто количественными понятиями; в понижении вкусов и даже культурного уровня; в порабощении человека погоней за грубыми удовольствиями и в отсутствии у него какой бы то ни было моральной устойчивости и даже всякой внутренней жизни.

Эти критики, часто выступавшие в качестве толкователей американской жизни,⁴ не всегда обязательно ошибались. Конечно же, ничто не может сравниться с ужасным уродством промышленных пригородов, разве что претенциозное уродство богатых кварталов городов железного века. Очевидно, что почти все, что наши города и наши пейзажи имеют еще прекрасного, осталось от домеханизированной эпохи.⁵ Совершенно верно, что возрастающие волнения и сложности современной жизни менее всего способствуют медитации, размышлению и культуре в целом. Возвращаясь к экономической роли машины и ее влиянию на человека, можно определенно сказать, что ничего нет более абсурдного, чем нищета и безработица, созданные перепроизводством и техническим прогрессом, и что, в конце концов, «тейлоризированный», стандартизированный и расписанный по минутам труд рабочего современного производственного конвейера является таким же огрубляющим и деградирующим фактором, в самом сильном и точном смысле этого понятия, как и греческое или римское рабство.

Так должны ли мы осуждать машину и при этом, смиряясь с ее присутствием, восхвалять красоту ремесленничества и возврат к земле? П. Шуль так не думает. Он убедительно доказывает, что, в целом, машина выполнила свое обещание: она (возможно, слишком быстро и неожиданно) эффективно увеличила силу человека и

⁴ Мне не нужно настаивать на лицемерии или интеллектуальной нечестности этих критиков, которые противопоставляют теперешней Америке не теперешнюю Европу, а ее идеализируемое прошлое.

⁵ Равно смешно сравнивать собор Св. Иоанна в Нью-Йорке с Нотр-Дам или Чикаго с Дижоном. Их нужно сравнивать с современными постройками: Св. Августином или с Сакре-Кёр, или с современными пригородами Лиона.

сделала из него «хозяина и властелина природы»; что она, бесспорно, повысила благосостояние и уровень жизни населения промышленных стран; что ужасы «героического» периода капитализма остались в прошлом и что общественное законодательство, все более и более развитое, защита женщин и детей, ограничение продолжительности рабочего дня и улучшение условий труда, особенно после «второй промышленной революции», дали людям то, чего они, за исключением незначительного меньшинства, никогда не имели — свободное время⁶ и, следовательно, возможность приобщиться к культуре или создавать культуру, поскольку не от работы рождается цивилизация — она возникает из свободного времени и игры.

К этому можно было бы добавить, что от самого человека зависит, что он сделает со своим могуществом и со своим свободным временем. В частности, захочет ли он сохранить для индивидуума зону свободы и личной жизни, «частной» жизни, или, наоборот, бездумно создавая массовую цивилизацию, доводя до предела тенденции конформизма, единообразия и нивелирования, присущие такой цивилизации, будет действовать в направлении деперсонализации человека и его полного погружения, которое можно называть «интеграцией» или адаптацией, в коллектив, чтобы получить в конце *brave new world*, в том смысле, в котором Олдос Хаксли предложил нам некогда этот, возможно пророческий, образ? Но машина, как таковая, ничего об этом не знает: существуют ведь цивилизации, и великие цивилизации, такие как китайская и индусская, которые отказались от персонализации вообще, не зная механизации.

Шуль, конечно, прав, на мой взгляд, ставя акцент на «второй промышленной революции», которая завершила век железа и провозгласила век электричества. С ней, действительно, человечество из технического периода истории перешло в период технологический, имеющий

⁶ Это не совсем точно. Средневековый человек с его бесчисленными праздниками имел свободное время. Что же касается того, что современный человек будет делать в свое свободное время, то это вопрос, который так или иначе поставлен уже в античном обществе.

свои собственные особенности, очень часто противопоставляемые особенностям предшествующей эпохи.⁷

Я, со своей стороны, думаю, что можно было бы пойти еще дальше и представить, что, даже в начальной своей фазе, вред механизации (кроме вреда в эстетическом плане) был значительно меньшим, чем об этом говорили. Конечно, нельзя без содрогания читать описание жуткой нищеты рабочего класса в первой половине XIX века, собранные для нас, к примеру, Энгельсом и Бюре. Еще менее можно без отвращения и ужаса читать капиталистическую пропаганду, именем свободы и христианства защищающую право хозяев заставлять работать детей в шахтах, выбрасывать на улицу больных и старых (к сожалению, Шуль не счел нужным цитировать образцы такой литературы).⁸ История накопления, как ее рассказывает К. Маркс в первой части «Капитала», — это история не очень красивая и не очень глубокомысленная.⁹ К тому же, я боюсь, что, утверждая, что положение трудящихся ухудшилось вследствие промышленной революции, мы совершим очень серьезную ошибку, если не уточним, какие именно понятия мы сравниваем. Без сомнения, если ограничиться сравнением уровня жизни рабочего начала XIX века и ремесленника XVII или XVI веков, то это утверждение окажется ложным, если ему придать, как это часто делается, универсальный характер.

Нужно сопротивляться романтическому миру и его идеализации «гильдий» и «мастеров-ремесленников» и не забывать никогда того, что клан ремесленников работал, в основном, на ограниченную и богатую

⁷ Можно было бы сказать, что машина века электричества, или, еще более того, века электроники, характеризуется чистотой, точностью и почти полным автоматизмом, превращающим работника обслуживающего в работника присматривающего. См.: Ж. Фридман. Человеческие проблемы промышленной механизации. Париж, 1946.

⁸ Это можно найти в классической книге Р.Н. Тауни *Религия и риза капитализма*, Нью-Йорк, 1925, а для Франции в книге Н. Гийемон *История французских католиков XIX века*, Париж, 1947.

⁹ История социалистического накопления может быть привлекательней и умнее, но не менее жестка, чем история накопления капиталистического.

клиентуру, что его изделия были настолько дорогими, что и сегодня рассматривались бы как предметы роскоши,¹⁰ и что, несмотря на это, настойчивость в использовании человеческого труда как источника энергии (ведь это люди заставляли вращаться гончарный круг гончара и колесо токаря, люди, а не лошади и не вода, в подавляющем числе случаев, приводили в действие пилу и подъемный механизм, люди заставляли вздыматься кузнечные меха литейных цехов)¹¹ создавала большую массу неквалифицированных рабочих, образ жизни и уровень существования которых во всем отличался от жизни оружейника, ювелира или суконщика.

Но даже если брать производство предметов роскоши, которыми мы и сегодня восхищаемся, то подумаем немного, чем была физиологическая нищета стекольщика, ткача и шахтера.

Кроме того, не нужно забывать, что средневековый город (так же как и город XVI и XVII веков), являясь административным и религиозным центром и, прежде всего, центром торговли, а не промышленности, был оазисом благосостояния среди ужасной деревенской нищеты. Крестьянин, если не считать короткого периода позднего средневековья, когда недостаток транспортных средств привёл к потреблению произведенного на месте и ограничил вследствие этого изымание продуктов, был беден. Очень беден. Даже английский йомен, экономическое и социальное положение которого, благодаря изобретению и использованию шестифутового лука, было значительно лучше, чем положение крестьян на континенте, совсем не был зажиточным. Не нужно умиляться образом «доброй старой Англии» (old merry England); лучше вспомнить бунты, голод и особенно демографический факт — до промышленной революции население Англии колебалось между 4 и 7 миллионами человек, никогда не превышая этой цифры.

¹⁰ Так, одежда, мебель, домашняя утварь фигурировали в наследственных завещаниях.

¹¹ См.: Г. Агрикола. *De Re et metallica, Cologne 1546*. Опять же люди заставляли работать насосы, откачивающие воду из шахт.

К тому же, в течение XVI и XVII веков положение английского крестьянства катастрофически ухудшалось: появление и совершенствование огнестрельного оружия, окончившееся развалом военного фундамента феодализма и создавшее почву для образования современных государств, упразднило значение лука, в связи с чем класс йоменов не смог сопротивляться вторжению новой знати, лишившей его общинных земель. Опустошение деревень и наводнение городов деревенской беднотой явилось первым следствием этого процесса. Именно наличие этой массы людей, которые в своих деревнях буквально умирали от голода, обусловило быструю индустриализацию Англии и, в то же время, определило уровень жизни рабочего. Уровень, несомненно, очень низкий, но, по всей видимости, намного более высокий, чем уровень жизни крестьянина, т.к. промышленная революция и индустриализация городов дали огромный демографический рост, который, в свою очередь, благоприятствовал развитию постоянно растущей промышленности.

Можно было бы даже утверждать, что именно бесстыдная эксплуатация труда, в частности детского, явилась фактором — или была одним из факторов, — определившим этот демографический взрыв: работающие дети приносили доход, увеличивая тем самым массу материальных благ, питания, которыми пользовался рабочий класс.¹² Этот демографический рост, явившийся результатом уменьшения детской смертности и смертности вообще, был ли он благом или злом? Все увеличивающаяся концентрация человеческой массы в больших городах, которую позволила современная техника (транспорт, в частности) — хорошо это или плохо? Мнения,

¹² Так, семьи были многочисленны там, где охраны детства не существовало: в аграрных странах, при отсутствии обязательного школьного образования, и в промышленных странах, при отсутствии трудового законодательства. И обратно, заботы об охране детей и обязательном школьном образовании быстро привели через два-три поколения — к падению рождаемости. Поворот в демографической ситуации произошел в очень богатых странах, таких, как США, и там — во Франции, Канаде — где правительство взяло на себя заботу о детях.

несомненно, могут расходиться. Конечно, места больше, если меньше народа; сельский пейзаж, разумеется, привлекательнее и даже человечнее каменно-цементных пустынь наших больших столиц.

Но — кто знает? Машина, создав богатство, казалась обрекла нас на олигантропию и она же, может быть, — возродив кочевничество — позволит городскому населению рассеяться и вернуться, на этот раз сознательно, к природе.

Машина, я хочу сказать — технический разум человека, выполнила свое обещание. И теперь политическому разуму решать, какие цели достигать той мощью, которую машина дала в его распоряжение.

II. Истоки механицизма

Изучение эволюции отношения философии и философов к машине, результирующую кривую которой мы проследили и ход которой объяснялся, согласно окончательному анализу, прогрессом механизации и постепенным развитием его человеческих последствий, приводит нас к проблемам механицизма и технического прогресса как таковым, важность которых не может ни от кого ускользнуть. Поскольку, даже если не допускать вместе с марксистами, что эволюция техники определяет и объясняет всю человеческую историю, образуя основание, по отношению к которому все остальное — мораль и политика, философия и искусство — всего лишь производные величины, то остается справедливым утверждение, что промышленные революции последних двух веков глубоко изменили и даже потрясли условия и рамки человеческой жизни, и эти потрясения создали для нас менталитет и образ жизни, в огромной степени отличный от менталитета средних веков и античности. Можно было бы сказать, *grosso modo*, что промышленная цивилизация денатурализировала наш мир и заменила среду, рамки и естественный ритм жизни на ритм механический, рамки искусственные и среду сотворен-

ную.¹³ И наряду с этим, современная техника — это техника создания вещей.¹⁴ Как и почему родилась эта техника? Каковы источники и происхождение механицизма? По сути, никто не знает. Потому что все объяснения, как бы правдоподобно они не выглядели, в конце концов ходят по кругу, что, вообще-то, не есть скандал для разума. Довольно обычное положение дел, когда в истории — даже в истории разума — имеются необъяснимые события, невыводимые факты, абсолютные начала.

Истоки техники теряются в ночи времен. Вполне возможно, впрочем, чтобы техника, собственно говоря, имела такое происхождение, как и язык: человек всегда использовал инструменты, так же, как всегда использовал язык. Кажется, что он всегда имел способность их сделать. Именно поэтому определению человека через труд можно противопоставить определение его посредством слова; человеческим в человеке тогда бы было производить, человек — как производитель вещей, производитель инструментов.¹⁵ Поэтому и праистория, и этнография не позволяют нам присутствовать при рождении инструмента, а только следовать его эволюции и усовершенствованию. Если инструмент не имеет начала, то машина его определено имеет. Но это начало не *историческое*, поскольку определено существовали и существуют до сих пор группы людей, настолько примитивных и неразвитых, что не знают никаких машин, и с другой стороны, все цивилизации, историю которых мы можем изучать, находятся уже в состоянии обладания ими, по крайней мере, обладания приспособ-

¹³ Не будем забывать, тем не менее, что человеческая среда никогда, или почти никогда, не была средой полностью природной; она всегда, или почти всегда, видоизменялась человеком. Поле так же мало «природно», как и плуг. Предоставленная самой себе, природа производит джунгли, пампасы, пустыню.

¹⁴ Наиболее характерным для современной промышленности является все более широкое использование искусственных материалов, которых как таковых в природе нет, начиная от сплавов, стекла, пластмасс и заканчивая «искусственными элементами».

¹⁵ Можно было бы, во всяком случае, спросить себя, является ли такое противопоставление законным и не идут ли слово и инструмент вместе по необходимости.

соблениями, которые — как гончарный круг, ткацкий станок, печь, пресс, подъемник и т.д. — уже, так сказать, находятся между инструментом и собственно машиной. И все великие древние цивилизации располагали, хоть в ничтожной степени, настоящими машинами. И теперь большой проблемой, стоящей как перед историей цивилизации, так и перед историей техники, является не объяснение существования машин в древнем Египте, Греции и Риме, а, наоборот, объяснение того, что их там было очень мало. Объяснить нужно не прогресс, а застой, объяснить, в частности, как и почему восхитительный размах греческой цивилизации не предварялся, не сопровождался и не следовал за соответствующим размахом техническим. Для объяснения этого удивительного факта можно было бы вспомнить про отсутствие сырья, — главным образом железа, — в античном мире. Железа было мало и оно было дорогим. А как же делать машины без железа? Верно, если дело касается современных машин. Менее верно, если речь идет о более простых машинах: промышленность XVI и XVII веков свои машины конструировала из дерева, как это делали и до сих пор делают, конструируя свои ирригационные системы, жители Двуречья.

Можно вспомнить бедность энергетическими ресурсами античного мира, который не только не знал паровой машины, но даже не умел толком запрягать своих лошадей. Тоже верно и неоспоримо, что только открытие движущей силы огня (и использования угля в металлургии) позволило развиваться тяжелой промышленности и что только в XI веке появилась современная упряжь.¹⁶ Последнее, конечно, очень важно: для быстрых и эффективных перевозок лошадей действительно необходима. Но чтобы крутить мельничное колесо или колесо червячной передачи она нужна значительно меньше, для этих нужд вполне можно пользоваться быками. Кроме того, что касается запрягания лошади, то действительно удивительно, что такое простое изобретение сделано так поздно. Ни одному бурлаку никогда

¹⁶ Cf. R. Lefebvre. *Des Nonette, L'Attelage. Le cheval de selle à travers les âges.* Paris, 1931.

не приходила в голову идея пропускать тягловую веревку через шею: конечно же, через плечо или грудь. Как случилось, что ни один из возниц боевых колесниц этого не заметил и ни один из бурлаков Нила этого не наблюдал.¹⁷ И, наконец, располагая колесом с лопастями и колесом с червячной передачей, ничто не мешало римлянам и грекам использовать гидравлическую силу, хотя бы в той мере, в которой ее использовали в начале Нового времени.

Технический застой античного мира можно было бы объяснить более глубокими причинами — психологического порядка. Застой был бы тогда обусловлен самой структурой общества и его экономикой — аристократическим обществом с экономикой, основанной на рабстве. К этому объяснению, вслед за Эмилем Мейерсоном, примыкает П.М. Шуль: «Если не прибегают к машинам ... значит нет необходимости экономить ручной труд, т.к. в распоряжении имеются многочисленные и менее дорогие живые машины, такие же далекие от свободных людей, как и животные, — рабы»; «избыточность рабской ручной силы делает машину антиэкономичной; аргумент возвращается, образуя круг, из которого античность не смогла выйти, т.к., в свою очередь, отсутствие машины делало невозможным выход из рабства. Кроме того, само существование рабства создавало условия, когда конструирование машин, уменьшающих ручной труд, становилось нежелательным не только с чисто экономической точки зрения: рабство порождало особую иерархию ценностей, приводящую к презрительному отношению к ручному труду».

Такое презрение — общая черта аристократических цивилизаций (да и других также) — было настолько распространено у греков, что, как нам напоминает П.М. Шуль, «сам термин βίαιος, ремесленник, становится синонимом низменного и применяется ко всему техническому: все, что имеет отношение к ремесленни-

¹⁷ Во всяком случае, похоже на то, что возницы никогда и не ставили перед собой этот вопрос. Мне, со своей стороны, думается, что запрягание лошади к нам пришло из Азии и что там оно появилось как адаптация собачьей упряжки.

честву, к ручному труду, позорно и деформирует душу и даже тело» — тело, поскольку занятие любой профессией тормозит гармоничное развитие, душу — поскольку промышленность имеет своей целью «удовлетворить самое низменное в человеке — желание богатства». Поэтому презрение, питаемое к ремесленнику, распространилось и на коммерсанта: по отношению к свободной жизни, которая наполнена досугом, посвященным занятиям, (σχολή, otium) негоциантство (neg-otium, ἀσχολία), «дела», чаще всего имеют отрицательную оценку; созерцательная жизнь, говорит Аристотель, в своих высших формах превосходит практическую деятельность. Созерцание, пишет Плотин, — высшая цель действия; деятельность — не более «чем тень, слабость, аккомпанемент».

«Также инженер и даже экспериментатор рассматриваются не более как ремесленники; теория противопоставлена практике, и тщетно в начале своего трактата по архитектуре Витрувий будет провозглашать необходимость их объединения. Большая заслуга Пифагора в том, что он сделал из математики свободную дисциплину, изучая ее с идеальной и рациональной точки зрения. Плутарх рассказал нам, как рассердился Платон на Архитаса и Евдокса, которые пытались решить некоторые геометрические задачи, как например задачу об удвоении куба, с помощью механических приспособлений: «Разгневался на них Платон, говоря, что искажают они и пачкают достоинство и все что имеется прекрасного в геометрии, сводя мыслимое и бестелесное к чувственному и материальному, заставляя ее использовать материю, что требует грубой и низменной ручной работы: с этих времен, говорю я, механика, искусство инженеров, расходится с геометрией и надолго еще, испытывая презрение со стороны философов, становится одним из военных искусств».¹⁸

Увы, даже становясь военным, инженер не мог очиститься от «механического позора». Ничем не отличаясь

¹⁸ В действительности Плутарх совершенно ошибался по поводу смысла упреков Платона: проследивать ход кривой с помощью механических приспособлений значило отказаться от ее геометрического анализа, от математической точности в угоду приблизительности.

от своего гражданского коллеги, полезность которого признавалась и профессия которого презиралась, он, в сущности продолжал оставаться чернорабочим (μηχανοποιός).¹⁹ Как заметил Диелс в своем труде «Antike Technik», «Ариен дает множество деталей по поводу осады Тира, упоминая при этом солдат, которые первыми штурмовали крепостные стены, но не испытывает желания упомянуть имя инженера, который изобрел необходимые машины и руководил работами». И «самый крупный из античных инженеров, Архимед, не мог, кажется, себя убедить в законности своих работ по механике... И Плутарх, сказав, насколько удивительными были машины, которые он выставил против римлян, сообщает нам, что сам он их не делал, «остальное не в счет... поскольку все это было, в большинстве, геометрической игрой, в которую он играл, развлекаясь для приятного времяпровождения, как в случае с царем Гиероном, который попросил его при рассмотрении предметов рассудка заменить немного геометрии на действия телесного и осязаемого, и говорил, что доказательная причина будет намного более очевидной и более легкой для понимания простых людей, если будет смешана с опытом, говорящим о полезности использования...».

«И при этом, добавляет он, Архимед имел такую возвышенную душу и такое глубокое понимание, содержащее сокровища этих геометрических построений, что никогда не опускался до того, чтобы оставить после себя описание того, как сделаны все эти военные машины ... и,

¹⁹ Я думаю, что, переводя μηχανοποιός как «инженер», мы заметно искажим смысл термина и, соответственно, цитируемых пассажей; μηχανοποιός подразумевает «чернорабочий», в лучшем случае «механик», «машинист»; термин подчеркивает труд, а не изобретательность («инженер» происходит из ingenium). К тому же нужно констатировать факт, вполне впрочем объяснимый (cf. M. Halbwach. *La Classe ouvrière et les niveaux de vie, Travaux de l'Année sociologique*, 1, Paris, 1912): ни одна цивилизация до сих пор не придавала ценности ручному труду как таковому, и маловероятно, что это когда-нибудь произойдет; что действительно ценилось, и что это сейчас, так это умение, изобретательность, знание, но не труд. Индустриальные общества, капиталистические или социалистические, в этом отношении не отличаются от других: неквалифицированный рабочий, unskilled labourer, так же мало почтенен в СССР, как и в США.

признавая науку изобретать и конструировать машины, и вообще все искусство, приносящее пользу, искусство низкое и меркантильное, он использовал свой дух и свои знания на описание вещей, красота и тонкость которых ни в коей мере не были смешаны с необходимостью».²⁰

Таким образом, «противопоставление рабского и свободного труда продолжилось в противопоставлении техники и науки; само существование рабства любопытным образом отваживало ученых от всех исследований, которые могли бы в результате его уничтожить: думать о практическом применении значило опускаться и нарушать закон»; кроме того, вера в превосходство *θεωρία* над *πράξις*, в которой весь мир видит свойственный грекам дух, оказывается усиленной и поддержанной верой в превосходство природы над искусством, которое может только имитировать, никогда не достигая ее совершенства, и, значит, создавать только эрзац. Поэтому «техническому прогрессу философ противопоставляет возврат к природе (*non desiderabis artificem si sequeris naturam*)».

И совершенно другой менталитет, который, начиная с конца средних веков и особенно с эпохи Ренессанса, развивается в Европе. *Vita activa*, деятельная жизнь, все больше и больше берет верх над *vita contemplativa*, жизнью созерцательной, *θεωρία* отступает перед *πράξις*; «чаша весов склоняется в пользу некогда обесцененного». Конечно, смещение было медленным, особенно в начале. «Презрение к механическим искусствам замещалось в течение долгого времени. Конечно же, *механическое* не смешивалось больше с *рабским*, но противопоставлялось, с одной стороны, как в античности, *свободному*, а с другой — *благородному*». «В определенном смысле, пишет

²⁰ Позиция Архимеда (не будем забывать, что «инженерные работы», о которых говорит Плутарх, в большинстве своем относятся к области легенд) может быть не такая уж удивительная, как о ней думают Диелс и Шуль. В конце концов, как об этом нам кстати напоминает М. Пелснер (cf. *Science pure et science appliquée à la lumière de l'histoire des sciences*, Aluminé, t. XVI, 4, Bruxelles, 1947), великий голландский физик А. Лоренц, который в течение двадцати лет руководил работами по возведению плотин и шлюзов, сделал то же самое, что и Архимед.

Пирен, античная идея работы, недостойной свободного человека, находит себя снова в рыцарстве». «Она появляется в разделении (противопоставлении) искусств на *свободные и механические*, в презрении, которое врачи, «выкормленные с младенчества на “*les bonnes lettres d'humanité, arts libéraux et toute espèce de philosophie*”,²¹ высказывают по отношению к хирургам, упражняющимся в искусстве механическом». Можно было бы добавить, что оно возродилось в презрении знати по отношению к торговле, производству и т.д.

Но города рождались и росли, торговля, а за ней и промышленность развивались, складывались корпорации, строились соборы, совершенствовалась техника; появился хомут, позволивший полностью использовать мускульную силу лошади, а также руль, изменивший условия навигации (XIII век) и позволивший двумя веками позже открыть Америку и совершить великие географические открытия, внезапно расширившие планету и давшие невиданный простор для энергии людей, изливших на Европу богатства Нового Света. Чуть позже, «бунты и войны, к которым добавились голод, эпидемии, привели к кризисам, уменьшившим долю ручного труда: таким образом объясняется то, что XIV и XV века в большей мере прибегали к использованию ветряных и особенно водяных машин», которые служат отныне не только для того, чтобы молотить зерно, но и валять сукно, изготавливать бумагу, приводить в движение кузнечный молот и т.д.

Наконец, «наука мало-помалу начинает пронизывать чисто эмпирические занятия». По крайней мере, практики говорят, с большим или меньшим основанием, что их искусство направляется наукой. Так, Б. Палисси утверждает, что для того, чтобы лучше управлять огнем, требуется «некая философия» и «особенно геометрия».²²

Леонардо да Винчи, военный инженер, подобно великим инженерам античности, провозглашает ценность опыта и учит, что «наука механики самая благодатная и

²¹ Лучших образцах человечности, свободных искусств и всяческих философий.

²² Что, впрочем, вызывало его насмешки.

самая полезная... Механика — рай математических наук». Кроме того, П.М. Шуль говорит о «возврате к Архимеду»,²³ изобретении артиллерии, «которая, разрушая феодализм к выгоде централизованной власти, в то же время изменяла лицо физики», ставя перед учеными проблему баллистики, положившей начало новой науке о движении Галилео Галилея.

Все это, естественно, было связано с глубокими социальными изменениями: между «добропорядочными гражданами» и «породой механиков» образовалась новая группа — купцы, влияние которой и могущество все нарастали. «Это момент, когда слово *négoce*, если можно так сказать, меняет знак и принимает значение, в котором ей отказывает этимология». Это также и момент, когда *otium* становится «oisiveté» — праздностью. Учение глашатаев нового духа, духа, который вдохновляет нарождающуюся буржуазную цивилизацию, отражает эволюцию нравов и морали. «Бэкон упрекает философов в том, что они живут в стороне от дел, а *negotiis*». «Цель моралиста не в том, чтобы на досуге писать то, что будут на досуге читать, а в том, чтобы вооружить активную жизнь»; достоинство человека Возрождения не избегать судьбы, а подчинить ее; цель философии не учить нас следовать природе, а научить нас преодолеть ее посредством искусства. Наконец, если «Аристотель противопоставлял прогресс чистой науки рутинному застою, то Бэкон занимает противоположную позицию: тогда как философы топчутся на одном месте уже много веков, люди техники шли вперед, изменяя мир...».

Короче, можно сказать, что если античный мир не занимался совершенствованием механизмов и, в более общем плане, не породил технического прогресса, то потому, что считал эти вещи совершенно бесполезными.

²³ Поскольку П.М. Шуль делает мне честь, цитируя меня по поводу влияния, оказанного Архимедом в течение XVI века, я хотел бы уточнить, что это влияние происходило, прежде всего, в плане геометризации природы, замены качественного мира аристотелевской науки на мир количественный. Из усвоения Архимеда в XVII веке вышла сначала математическая физика, а затем исчисление бесконечно малых. Техника воспользовалась этим только косвенно, кроме, может быть, Симона Стивена и Соломона из Каус.

Если же современный мир осуществил их, то потому, что осознал их первостепенную важность.

✱

Психосоциологическое объяснение истоков механицизма и промышленной цивилизации, так блестяще представленное и отстаиваемое П.М. Шулем, объяснение, намного более богатое оттенками и поэтому намного более удовлетворительное, чем то, которое предлагали марксисты, кажется мне содержащим большую долю истины. Трудно, если вообще возможно, как мне кажется, дать социологическое объяснение возникновению научной мысли, или появлению великих гениев, которые революционизируют ее развитие, — Сиракузы не объясняют Галилея — само это развитие нуждается в определенных социальных условиях. Наука не развивается в пустоте. Ученые тоже люди, им нужно жить, и, как говорил еще Аристотель, им нужен досуг. И для того, чтобы классы, имеющие досуг, или, по крайней мере, часть этих классов, использовали свой досуг для научных исследований, а не для тысячи других вещей, которыми они могли бы заняться, необходимо, чтобы в среде этих классов с досугом, а возможно и в среде других классов, обладание научным знанием было желательным, окружалось уважением и даже престижем. Только при этих условиях могут создаваться научные школы, без существования которых развитие науки невозможно (для того, чтобы двигать науку, ее нужно сначала выучить, а для этого нужен кто-то, кто ее преподает, и наоборот, чтобы преподавать науку, нужны те, кому ее преподают), и может возникнуть доброжелательная и понимающая среда, которая, свидетельствуя свой интерес, поддерживает, по крайней мере морально, усилия ученого и образует аудиторию, к которой он обращается. Поскольку, несмотря на все гордые заявления, утверждающие обратное, пока нет никого, кто вас слушает, никто не говорит и никто не пишет, если некому читать.

К тому же, психосоциологические условия существования науки, о которых я говорил, реализовывались в истории достаточно редко. В частности, аристократи-

ческие цивилизации или, точнее, тимократические и олигархические, также как и цивилизации теократические, презирали теоретическое знание или, по меньшей мере, совершенно им не интересовались. Знание, которое они принимали, — а все человеческие цивилизации всегда ценили знания, по крайней мере определенный вид знания, — было знанием магическим, знанием сакральным, знанием, дающим могущество,²⁴ а не знанием в *intellection*, знанием бескорыстным, теорией. Это объясняет, почему наука *смогла* состояться в Греции (и что, в то же время, не объясняет, почему она существовала в действительности), а не в Риме, Карфагене или Персии.

Удовлетворительно ли объясняет нам социологическая теория конкретную структуру античной науки? Объясняет ли она техническую отсталость античности? Я в этом не уверен. Во всяком случае, она мне кажется требующей дополнений. Так, наверняка сверхизобилие ручного рабского труда не может не тормозить прогресс техники и, в особенности, технической мысли. Человек — животное ленивое²⁵ и, невзирая на Аристотеля, ничто ему так не по нутру, как умственные упражнения. Поэтому, за редким исключением, мыслит он только в том случае, если действительно нет другого выхода. К тому же, имелось мало работ, по крайней мере среди тех, которые могли бы быть предприняты в античном мире, для которых десять или двадцать тысяч рабочих, а ими и были рабы Греции и Рима или «свободные» труженники Египта и Китая, — при условии, конечно, что ими

²⁵ Очень верно Библия представляет нам труд как следствие падения, как наказание, кару господню. Поэтому во всех языках слова, обозначающие труд, в то же время означают страдание ... труд женщины (роды) ... И если пуританство учит нас «трудоу морали», то это не в качестве радости, а в качестве обязанности, которую оно на нас накладывает. Нужно было дождаться Гегеля, чтобы узнать, что «раб освобождает себя через труд», и XX века, чтобы открыть «радость труда».

²⁴ Характерно, что царь Гиерон просит Архимеда обратиться к прикладной науке за счет чистой науки, и что именно Архимед отвечает отказом и соглашается на это, только защищая себя. Как и Лоренц.

можно было располагать достаточно долго, — не смогли бы заменить отсутствие машин. Таким образом, можно рыть каналы и туннели, сдвигать горы, возводить плотины и строить пирамиды, распиливать глыбы гранита и мрамора и даже полировать, гравировать, прилаживать их друг к другу, не имея ничего, кроме «масла рук» и самых простых механизмов, не используя механических экскаваторов и паровых подъемных кранов. Более того, можно даже выполнить работы, которые ни одна машина, даже самая современная и мощная не сможет выполнить; никакой кран, действительно, не смог бы поднять циклопические блоки Гелиополиса или Карнака. Поэтому, совершенно нормально, что в этих условиях руководитель работ думает о цели, которой нужно достичь, а не о средствах для достижения этой цели.

Также понятно, что само существование рабства не могло ничего определить или, по меньшей мере, окрасить весь *Weltanschauung* античного человека,²⁶ так же, как его отсутствие у современного человека. Чтобы усилить социологическую аргументацию, можно и даже должно было бы настоять на глубокой разнице строя и роли средневекового города и города античного мира: в то время как последний, будучи прежде всего центром политической жизни, является ключом и совершенным выражением греческой и римской цивилизации, одновременно аристократической и рабовладельческой, средневековый город, уже даже по своему происхождению — город прежде всего торговцев, — становится в средневековом обществе элементом конечно же необходимым, но вместе с тем инородным и враждебным, он торчит занозой в иерархической структуре земледельческого феодализма — этот город свободен, свободен его воздух и труд его ремесленников (для рабов и крепостных корпорации

²⁶ Грека или римлянина классического периода.

К вопросу труда в Греции, кроме известной книги G. Glotz. *Le travail dans le Grèce antique*, Paris, 1920, см. замечательные статьи М.А. Аумард «Иерархия труда и автарсия в Греции архаического периода», в *Revue d'histoire de la philosophie générale de la civilisation*, 1943, и «Идея труда в Греции архаического периода», в *Journal de Psychologie*, 1948. Из них следует, что труд как таковой ни в коем случае не был объектом презрения в античной Греции.

закреты) — и он же этот феодализм и прикончит. Город средневековья и, в большей степени, город Возрождения, будучи в полном смысле религиозным и административным центром, является городом буржуазным, тем более после двух открытий средних веков: изобретения хомута и руля для корабельного архештевня, глубоко изменивших транспорт и, следовательно, торговлю, придавших торговцам экономическую и финансовую мощь, которой они совсем не имели в эпоху до- и классической античности.

В то же время, избыток живой силы и существование рабства не обязательно должны идти вместе. Если этот избыток является характерной чертой египетской экономики (основанной, впрочем, на свободном труде и крепостничестве, а не на рабстве), то для античности в целом и, в частности, для греческого мира это не так. Поэтому, не желая оспаривать и даже умалять важность рабства в экономике и жизни греческого города,²⁷ не нужно также преувеличивать его роль и представлять себе эллинистическое общество как общество *otiosi*, живущее исключительно за счет рабского труда и проводящее время в палестрах и агоре.²⁸

Свободные граждане греческого города (за исключением Спарты и дорийских городов на Крите), и, в частности, афинские граждане были зачастую довольно бедными и зарабатывали на жизнь в поте лица. Естественно, они не любили свою работу и предпочитали, в большинстве своем, приходиться с утра не на стройку или в мастерскую, а в театр; заниматься политикой или спортом, а не работой. К сожалению, для этого не было средств. Некоторые работы, конечно, были закреплены за рабами. Рабы работали, к примеру, в шахтах. Но, несмотря на мнение Аристотеля, ткачи и сапожники,

²⁸ Нет также избытка рабов и в Римской империи, по крайней мере, в эпоху поздней Империи. И именно нехватка рабского ручного труда, при отсутствии механизации, объясняет превращение в крепостных свободного населения Империи.

²⁷ Известно, что использование рабского труда в промышленности является особенностью Греции классического периода (которое Рим унаследовал). В великих восточных цивилизациях промышленный труд свободен.

столяры и строители, кузнецы и гончары были людьми свободными, гражданами или метеками.* Именно свободные люди — граждане — служили на флоте, и матросы галер, работавшие на веслах афинских судов (изнурительнейшая работа из всех, которой позже будут заниматься рабы, заключенные и каторжники), были свободными людьми. Успехи Перикла, необычная стабильность его правления, прочное согласие в афинской демократии в значительной степени объясняются именно тем фактом, что концентрация всех дел в Афинах и замена дани союзных держав на военное представительство позволило обогатить город и — с помощью большого объема работ по украшению города, его укреплению и также расширению флота — дать работу его гражданам.

Не будем пренебрегать, к тому же, ролью и важностью торговли в греческом мире. Без сомнения, как я уже сказал, греческий город был с самого начала торговым городом (так же, как ионийские города и некоторые колонии). Но он и становился им, и становлением этим ни в коем случае пренебрегать нельзя. Это касается не только Коринфа, который упоминает П.М. Шуль, но и Сиракуз, и Самоса, и прежде всего Афин, крупнейшей морской державы, торгового и финансового центра греческого мира, чья монета ходила везде, чьи корабли бороздили моря от Испании до Крыма, чья малая и бедная территория не позволяла обеспечить пропитанием своих жителей и чье процветание и даже жизнь были основаны на обмене. Афины импортировали пшеницу, сушеную рыбу, полезные ископаемые, экспортируя при этом продукты виноградников, маслобоен, мастерских.

Это были персонажи зачастую более важные, чем ремесленники и торговцы из Пиреи, и их образ мысли и нравы²⁹ были ближе образу мысли и нравам «городских граждан» Карфагена (престиж которого в греческом мире был очень велик), чем образу мысли потомков

* Иностранцы поселенцы в древних Афинах.

²⁹ Старый Сефаль, незабываемый портрет которого рисует Платон в начале своей РЕСПУБЛИКИ — типичный представитель больших городов Пиреи.

земельных аристократов, с которыми они постоянно сталкивались.

Что касается аристократов... Не будем забывать, что в наиболее аристократических цивилизациях настоящие аристократы были в значительном меньшинстве и что благородным, патрициям, евпатридам, равным всегда противостояла многочисленная масса простолюдинов, плебеев, *thétes*, людей, которые работали, путешествовали, занимались делами, часто преуспевая при этом (противоположность между благородными и неблагородными неэквивалентна противоположности между богатыми и бедными). Конечно, менталитет высших классов всегда оказывал влияние на все общество. Тем не менее было бы опасной ошибкой их просто отождествить. И если бы нам сказали, что ремесленники, промышленники, торговцы и мастерские греческого мира были часто и даже, может быть, в большинстве своем эмигранты, чужеземцы — это ничего бы не изменило. Скорее наоборот. Поскольку сам факт быть чужеземцем и, следовательно, быть исключенным из политической жизни города особенно благоприятствовал погружению в жизнь экономическую. Здесь перед нами исторический факт: важность и даже преобладание в экономике и промышленности «пограничных» слоев общества — эмигрантов, еретиков и т.д. Что касается их интеллектуальных способностей и нравов ... не будем забывать, что чужеземцы (как, впрочем, и большая часть рабов) были греками, что сам факт переселения из Фалеса в Коринф не означал их превращения в варваров.³⁰ У меня такое ощущение, что грек IV века д.н.э., любитель поговорить, везде сующий свой нос, мореход, торговец, пират, авантюрист,³¹ слишком занятый предприятиями, чтобы тратить время на их описание, на их литературное оформление, — это тот же человеческий тип, появление которого в VI веке отмечает П.М. Шуль в ионийских городах

³⁰ Вспомним, что крупные софисты были странствующими учеными и что ни Пифагор, ни Аристотель, ни многие другие не были афинскими гражданами.

³¹ См. прекрасные работы T.R. Glover, особенно *The Challenge of the Greek*, London, 1942.

Малой Азии: «Это первопроходцы, торговцы, которые в целях мореплавания становились географами и астрономами; инженеры, желающие воздействовать на природу; энциклопедисты, интересующиеся всем на свете...» — те, что, заимствовав накопленный опыт³² у соседних народов, самостоятельно его осмысливали.

И вот мы перед загадкой, которую при помощи социологии решить нельзя: как случилось, что греки-мореходы, умные и предприимчивые, дерзкие и заносчивые в гораздо большей степени, чем финикийцы или карфагеняне, не подумали о том, чтобы заменить рулевое весло своего корабля настоящим рулем?

*

Однако продолжим. Бесспорно, по крайней мере в общих чертах, что античная мудрость пытается приучить нас прежде всего отказываться от вещей, которых мы желаем или могли бы пожелать, а именно от всего приятного; и что современная не-мудрость пытается, напротив, удовлетворить наши желания и даже их провоцировать; верно и то, что учения философов отражают дух своего времени, хотя такое отражение не имеет характера прямой зависимости. Скорее это отражение происходит диалектически, от противного (используя модный термин, а *contrario*). Учения философов, памфлеты моралистов, проповеди и молитвы теологов часто, если не всегда, берут окружающую их реальность в качестве отрицательного примера, и, осуждая ее, они противопоставляют существующей шкале ценностей, принятым правилам поведения, законам и социальным институтам свои собственные идеалы, и все это тем неистовее, чем больше дистанция между тем, «что есть», и тем, «что должно быть». Поэтому мне кажется опрометчивым смешивать образ мыслей Платона (или Аристотеля) с образом мыслей афинян. Поскольку, в конце концов, если Платон учит презирать богатства «хрематистиков» (*chrématistique*), т.е. искусства обогащения и зарабатывания денег, он хорошо знает, и говорит нам об

³² Если Фалес и Eupalinos являются инженерами, и к тому же военными инженерами, то и великий Архитас один из них.

этом, что такое презрительное отношение не имеет широкого распространения в мире, а, напротив, страсть к богатству, любовь к тому, чтобы брать, «жадный аппетит к золоту и деньгам» главенствуют везде и всюду и что это вообще «единственная причина, из-за которой ни один город не утруждает себя исследованиями в области наук и во всем, что есть добро и красота (καλὸν ἀγαθόν)»; что и утверждает Цицерон, говоря нам *omnia revertunt ad pignus*.³³ Аристотель также, поясняя нам, что созерцательная жизнь, βίος θεωρητικός, есть жизнь, доставляющая человеку самое глубокое и самое высокое удовлетворение, прекрасно знает, что подавляющее большинство людей — возможно, из-за неспособности к теоретической жизни — не следует ей, и что для афинской молодежи не философия, а политическая деятельность является дорогой, ведущей к жизненным идеалам: идеалам власти и наслаждения, а не к идеалу мудрости. Что же касается социальной оценки «искусства механики», то позиция Посидония, проповедующего ценность и важность великих изобретений (колесо, рычаг и т.д.), приписывая их мудрецам прошлого, и противопоставляющего профессию инженера «вульгарным» профессиям (профессиям ручного труда), мне кажется более знаменательной, чем та, которую занимает неистово критикующий его Сенека. Тогда как Сенека просто воспроизводит классическую философскую традицию, Посидоний ее обновляет, и следует допустить, что, делая это, он больше отдает себе отчет в реальности своего времени, чем его критик, который в своих «Исследованиях о природе» хочет показать себя сторонником прогресса. Прогресса не только наук, но и техники. Таким же, впрочем, как и Лукреций.

Ручной труд и механическое искусство были, безусловно, объектами презрения. Тем не менее, Гиппиус не имел в виду становиться объектом презрения или делать из себя посмешище — как раз наоборот, он рассчитывал

³³ Все сводится к деньгам.

на рекламу, — хвалясь тем, что все, что он носит, полностью сделано собственными руками: одежда, сандалии, вплоть до пояса. Даже Платон, как напоминает нам П.М. Шуль, «изобрел гидравлический будильник», что заставляет признать, что Фалес был не единственным философом, «одаренным на поприще механических искусств» (εὐμήχανοι εἰς τεχνάς). Хорошо известно и то, что на построение своих мифов он был вдохновлен функционированием планетариев или аналогичных конструкций: это тоже подразумевает особенное уважение к труду «механиков». Уважение совершенно оправданное, поскольку создание этих конструкций предполагает тесное сотрудничество ученых и ремесленников и техническое мастерство нисколько не презренное.

Несомненно, что инженер, даже инженер военный, хотя и мог иметь в качестве примера Фалеса или Аристарха из Тарант, был весьма далек от высокого общественного положения, и либо не разделял совсем, либо разделял в очень малой степени славу солдата (и привилегии победителя). По правде говоря, ситуация на этот счет изменилась мало: инженер никогда не пользовался престижем воина (если не считать Вобана, никто из них никогда не становился по-настоящему знаменитым), и так же, как историки античности, современные историки — и это несмотря на бесконечно возросшую роль техники — сохранили имена капитанов, оставив нас в неведении относительно конструкторов машин, обеспечивших их победы³⁴), военные, «настоящие», всегда презирали «обслугу». Впрочем, не будем заблуждаться на этот счет: действительно, профессия инженера очень медленно и с большим запозданием отделилась от профессии механика; это происходило по мере того, как она теряла характер физической работы и становилась работой знатока. Поэтому Платон говорит: «ты не хочешь же отдать свою дочь за μηχανοπόλον», не правда ли, не так уж далеко от менталитета наших дней, — какой интеллектуал, даже не аристократ, какой чиновник, даже советский, захотел

³⁴ В чем они несомненно ошибались; как ошибались они, говоря нам о гениальности победителей и не говоря — а это более важный фактор — о глупости побежденных.

бы отдать свою дочь за механика или гениального сапера? — что можно было бы предположить, переводя μηχανοποιον словом «инженер».

Сомнительно, в общем, что социальное положение ученого (и даже философа³⁵) как таковое было в античном мире настолько уж выше, чем положение техника, архитектора или скульптора. Аристократические, истинные цивилизации, т.е. цивилизации военные, в равной степени, если не больше, презирали как чистую науку, так и технику:

Le vrai sire
Châtelain
Laisse écrire
Le vilain,
Sa main digne,
Lorsque'il signe
Egratigne
Le parchemin...

И несмотря на запоминающиеся примеры дружбы и привязанности учеников из царских семей к своим учителям, профессия учителя (дурная репутация софистов тому подтверждение) никогда не имела высокого положения в античности.

К тому же нужно различать эпохи. Не будучи очень высоким, положение античного инженера оставалось достаточно желанным. Действительно, оно имело привилегии, которыми нельзя было пренебрегать и, бесспорно, не было ниже, чем положение инженера Ренессанса. Инженер, даже гражданский, сильно отличался от рабочего, даже старшего.³⁶ Никто не потешался, отождествляя Стесебия или Герона Александрийского, или двумя столетиями позже в Риме Витрувия, с простым рабочим или даже с руководителем строительства. И все потому, что отделение, о котором я упоминал, либо произошло, либо должно было вот-вот произойти и презрение к «механическим искусствам» все меньше и меньше соответ-

³⁵ Сам Платон говорит о презрении античного общества по отношению к философии.

³⁶ Machinator нечто совсем другое, нежели operarius уже для Цицерона. И Посидоний имел основание противопоставить профессию инженера ручному труду.

ствовало реальности. Даже для философов. Не Аристотелю ли приписывали трактат «Вопросы механики»? И не Папус ли в своих Математических записках (I, VIII, предисловие) называет, вслед за Героном, механику разумной теорией, говоря, что, «будучи полезной для многочисленных и важных вещей, существующих в жизни, она по праву заслуживает самого большого расположения со стороны философов и почтения у математиков». Витрувий также говорит, что инженер должен быть «изобретателен и чуток» в науке: ни гений без науки, ни наука без гения не могут породить совершенного художника. Он должен быть «грамотным, умелым в рисовании, осведомленным в геометрии, знать многое в истории; и хорошо бы ему послушать философов, знать музыку, разбираться в медицине, уметь принимать решения подобно юристу, знать астрологию и небесные законы». Имперская администрация, следуя своей политике общественных работ (дороги, порты, храмы, школы и т.д.: империя была самым крупным из известных миру строителей), нуждалась в многочисленных и высококвалифицированных кадрах. Так, знаменитый указ императора Константина предписывал открыть в империи настоящие школы инженеров, преподаватели и ученики которых — одаренные и хорошо подготовленные молодые люди — содержались за счет государства (государство также было обязано предоставлять в их распоряжение помещения для занятий), и, более того, они сами и их родители освобождались от уплаты налогов.

Военные и гражданские инженеры античности обеспечивались всеми уважаемой работой. Их военные машины — катапульты и баллисты — были очень мощными конструкциями, намного более мощными, чем пушки XVI и XVII веков. Их прицельные таблицы, хоть и подобранные эмпирически, — так же, впрочем, как и те, что были у артиллеристов нового времени: баллистика, как я уже имел случай сказать, не была изобретена артиллеристами и пиротехниками, но для них и даже против их воли³⁷ — были намного точнее аналогичных таблиц

³⁷ См. мою статью: «Динамика Николо Тарталья». La Science au XVI siècle. Paris, 1960.

канониров Ренессанса. И вообще, читая сочинения Витрувия или Герона Александрийского — это их, напоминает нам П. М. Шуль, издание, перевод и распространение вдохновило и оплодотворило техническую мысль Ренессанса, общеизвестно влияние Витрувия на архитектуру того времени, — нельзя не восхищаться присутствующей там изобретательностью. Не говоря уже о знаменитом насосе Стесемия, их жомы, подъемные машины (краны, лебедки, вброды), приспособления для передачи движения (червячная передача) и их пневматические устройства свидетельствуют о сознательном использовании мысли для решения практических проблем. Все это делает еще более удивительным тот факт, что, поставленные перед задачей первостепенной для империи важности — я имею в виду проблему транспорта, которая, можно сказать без преувеличения, определяла всю государственную структуру и всю военную организацию Империи, рухнувшей в силу неспособности ее решить, — имперские инженеры, как военные так и гражданские, как римские так и греческие, не смогли найти для нее решения. Могло статься, что они его не нашли, потому что не искали. Ибо верно, что иногда, и даже часто, находишь совершенно не то, что ищешь, но искать все-таки надо. Мне кажется, что античные инженеры ничего не искали: они редко производили новое.³⁸ На самом деле они были больше архитекторами и строителями, чем собственно инженерами. Поэтому они строили амфиатраи и храмы, мосты и дороги, порты и корабли — но не видоизменяли ни дорожного транспорта, ни средств навигации... Инженеры империи не умели подчинить себе ни гидравлическую силу, ни силу ветра (ни силу лошади) и находили удовольствие и истощали свою изобретательность не в конструировании машин, а в конструировании приспособлений, не имеющих никакой практической пользы, механизмов для автоматического открывания дверей во время возжжения священного

³⁸ Трудно, впрочем, представить себе техническую мысль Александрийской школы, т.к. мы располагаем только ничтожными фрагментами технической литературы, сохранившейся в поздних посредственных компиляциях.

огня в алтаре, автоматов для распределения святой воды и даже простых игрушек, как знаменитый шар или фонтан Герона.

Нет сомнений, что именно на создание игрушек и забав, рычащих львов, пьющих воду и хлопающих крыльями птиц, «брызгалок» и магических фонтанов с секретами тратились, в основном, интеллектуальные ресурсы и механиков XVI и XVII веков (более того, уже в XVIII веке Воканзон, до того как применить свой гений для усовершенствования ткацкого дела, занимался производством автоматов). Кажется, в противовес здравому смыслу, — но является ли человек существом здравомыслящим? — бесполезное идет впереди полезного, развлекательное — впереди практически важного: часовщики средних веков умели делать устройства потрясающей сложности, могущие воспроизводить ход планет, двигающие вереницы человеческих фигур и заставляющие часы звенеть колокольным перезвоном, но при этом были не способны заставить их показывать время хоть с какой-нибудь точностью. Впечатления, остающиеся от книг о машинах XVI и XVII веков, тем не менее, глубоко различны. Причина этого, с одной стороны, та, что инженеры имели за собой великие технологические изобретения — или, точнее, великие достижения средних веков: решение транспортной проблемы и постоянно растущее использование источников энергии не мускульной и даже не животной природы (вода и ветер); с другой стороны, новые проблемы, поставленные океанской навигацией и развитием металлургии, которое стимулировалось военными нуждами (изобретение и усовершенствование огнестрельного оружия и прежде всего пушки), требовали новых решений; наконец, общая атмосфера, духовный климат XVI и XVII веков, времени великих астрономических и географических открытий, времени, чудесным образом расширившего мир, толкали изобретать, искать *новое*. Поэтому технические сочинения XVI и XVII веков представляют нам наряду с описаниями и рисунками действительно существующих машин (пилы, кузнечные меха, насосы и т.д. и т.п. — так сказать, механику, приводимую в движение силой лошади

и особенно воды) многочисленные проекты еще несуществующих машин, но которые могли быть или должны были быть сделаны.³⁹

Социопсихологическая теория права, настаивая на различии — которое продолжает жить несмотря на всю критику и все попытки с моей стороны его уменьшить — между «современным» менталитетом и менталитетом средних веков и античности.

В буржуазном мире, который верит в прогресс и который все больше и больше вытесняет мир феодальный, в этом мире, который тоже имеет веру в традиции, постоянно увеличивается не только место и роль промышленности и техники, но также возрастают, даже в большей степени, социальное положение и престиж инженера, изобретателя. И это, несомненно, в значительно большей степени, чем материальная выгода, которую они могли извлечь, объясняет — в частности — то, что Галилей и Гюйгенс публикуют свои «инженерные труды», тогда как Архимед отказывается это делать. Та же ситуация с Декартом, который в этом вопросе, будучи верным традиционным нравам, прославился тем, что «мог иметь положение, которое позволяет не делать из науки ремесла, облегчающего жизнь...». Можно, конечно, было бы сделать вид, что истинная причина всего этого совершенно другая, а именно та, что «инженерные труды» Галилея и Гюйгенса — те, которые они опубликовали — и «инженерные труды» Архимеда — которые он не опубликовал — были глубоко различны по своей природе: тогда как первые были трудами прикладной науки, вторые были всего лишь научными разработками.⁴⁰

Как бы там ни было, важности, которую придает социопсихологическая теория этому факту, нельзя понять,

³⁹ Впрочем, часто это были проекты машин, которые нельзя было реализовать (инженеры Ренессанса были не очень сильны в вычислениях).

⁴⁰ Действительно, то, что у Архимеда соответствует «инженерным трудам» Галилея и Гюйгенса, представляет собой работы по статике и гидростатике, а не его изобретения военных машин. Тем не менее, именно последние питали легенды и обеспечили ему народную славу.

если предварительно не иметь достаточно определенного решения проблемы отношения науки и техники.⁴¹

В действительности ясно, что психосоциологическое объяснение состояния и застоя античной техники (и в частности, ее незнание механизации), которое я привел выше, полностью основано на неявном допущении о зависимости техники от науки. Ибо именно при этом допущении психология античного ученого (и структура науки) становится чем-то важным. В итоге, психосоциологическое объяснение утверждает, что потому, что, в силу определенных исторических и социальных причин, греческий ученый презирал труд и вопросы «механики» (т.е., другими словами, в силу того, что греческая наука не выработала технологии), греческая техника не пошла дальше определенного, достаточно примитивного, уровня и в течение веков получила слабое развитие.

Бесспорно, история античной техники как бы подтверждает интерпретацию, которую я набросал, и тем самым будто бы дает основания для сравнительного анализа, который делает Аристотель — и даже Платон — ἐπιστήμη и τέχνη, противопоставляя новаторский дух первой традиционалистской позиции второй. Действительно, как часто нам объяснял Платон, τέχνη в сущности своей рутинна, поскольку действует она согласно правилам, которых не понимает, и что поэтому она не способна критиковать и еще менее изменять (разве что по недосмотру или оплошности).⁴² Ничто лучше, кажется, не объясняет курьезного впечатления, которое испытываешь от чтения работ Витрувия, где одновременно присутствуют высота и приземленность интеллектуального уровня. Витрувий копирует, а не изобретает, ограничиваясь записью правил и перечислением рецептов. Витрувий, несмотря на свои большие притязания, не владеет наукой и ни в коей степени не является ученым. Именно по причине своего духа практицизма («техницизма»)

⁴¹ П.М. Шуль не ставит проблему *expressis verbis*. Поэтому он, кажется, постепенно принимает решение Аристотеля и Бэкона.

⁴² Застой сельскохозяйственной техники, рутинный дух крестьянина, почти повсеместно, являются ярким подтверждением этого тезиса.

римский мир игнорировал науку. И несомненно поэтому, по справедливости судя, его техника была такой отсталой. По этой же причине она, исключая архитектуру, так слабо шла вперед.

Аристотелевская (или платоновская) концепция радикального противопоставления ἐπιστήμη и τέχνη оказалась чрезвычайно проницательной и глубокой. По крайней мере, отчасти. Ибо, очевидно, в человеческой истории именно техника предшествует науке, а не наоборот. К тому же, поскольку не от ἐπιστήμη принимает τέχνη правила, которым следует, и поскольку эти правила не падают на нее с неба, мы вынуждены признать независимое происхождение техники и значит существование технической практической мысли, существенно отличной от мысли науки.

Мысль активная и (используя терминологию Бэкона, являющегося чемпионом этого дела) действенная — это она, в рамках здравого смысла, через опыт, методом проб и ошибок, определяет как ловкость рук ремесленников, так и правила, которыми будет руководствоваться искусство. И это те правила, которые, передаваясь из поколения в поколение, накапливаясь и сочетаясь, образовали сокровищницу эмпирического знания, — знания донаучного, но тем не менее знания, — позволившего людям развить технику и даже вывести ее на непревзойденный уровень совершенства раньше, намного раньше, чем его отразила в себе теория.

Все это, понятное дело, не значит, что наука не могла бы обратиться к технике и создать теорию практики; тогда бы и возникла технология, научная техника и техническая наука, которая по отношению к эмпирической технике явилась бы тем же, чем греческая наука являлась по отношению к знаниям египетских землемеров. Поэтому проблема застоя (и относительно низкого уровня) античной техники в действительности заключается в двух совершенно разных вопросах:

а. Почему *техническая мысль* античности не прогрессировала так, как она могла бы это сделать, и не вышла за пределы τέχνη, не поднялась на более высокий уровень.⁴³

в. Почему изобретатели ἐπιστήμη не применили ее к πράξις, почему, другими словами, греческая наука не развила технологию, идею которой она тем не менее сформулировала?⁴⁴

Ни на один из этих вопросов, мне кажется, психосоциологическая теория не дает удовлетворительных ответов. Она, на самом деле, не объясняет нам, ни почему практики — социальное положение которых было намного выше, чем то, о котором она говорит, — не развили *технику*, ни почему ученые, которые, не будучи аристократами, не думали разрабатывать технологию.

По большому счету, нас это не должно удивлять. В истории невозможно исчерпать факт и невозможно объяснить все.

⁴³ Именно *практике*, а не *теории* обязан технический прогресс средневековья, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

⁴⁴ Можно было бы даже видеть в ее теории «пяти сил» (простых механизмов) изложение ее технологии и поэтому считать античную технику наполовину научной.

*К столетию Сергея Есенина
(1895-1925)*

.....

АНКЕТА «ВЕСТНИКА»

1. Считаете ли Вы Есенина одним из крупных поэтов XX-го столетия?
2. Какое место Есенин занимает в Вашем поэтическом пантеоне?
3. Назовите пять стихотворений, особенно Вам близких.
4. Как расцениваете Вы отношение Есенина к Революции 17-го года?
5. Какие причины привели Есенина к самоубийству?
6. Как бы Вы определили в нескольких фразах своеобразие его поэтического дара?

1. Безусловно; но Есенин так национален, так зависим от конкретного апокалипсического исторического момента, что как-то рука не поднимается «обезличить» его в череде «крупных поэтов XX столетия», львиная часть которого резко антагонистична лирическому дыханию Сергея Есенина, всему его мирочувствованию.

2. У меня нет никакого «поэтического пантеона», и, думаю, слава Богу. Скажу только, что к числу самых моих любимых поэтов Есенин не относится.

3. «Черный человек», «Песнь о собаке», «Письмо к матери», «Не жалею, не зову, не плачу», «Мы теперь уходим понемногу»...

Убежден во влиянии есенинской лирики на позднего Мандельштама, и очень люблю те его стихи, в которых «просвечивает» Есенин.

4. Отношение было утопическое, зато к последствиям революции — более трезвое. Но, ослепленные историческим катаклизмом, ошибались и многие помудрее Есенина. Вот фрагмент почти неизвестных воспоминаний Золотарева о гениальном Ал. Ал. Ухтомском:

«На Рождестве 1917-18г. он приехал в Рыбинск; время было очень тревожное, большинство пребывало ни в тех, ни в сех, не зная, что думать, что делать, куда приклонить свою горемычную голову. Основным вопросом был вопрос — надолго ли сели во властях большевики.

И вот, помню, к нам, на нашу соборную квартиру явился Ал. Ал. Сначала по чину староверия помолился истово иконам, затем так же истово, но и радушно, и сердечно, и радостно поздоровался с отцом, благословился у него, потом с матерью тоже расцеловались, а затем поздравил и меня с Рождеством Христовым. И тут же невступно и так же радостно объявил, что он знает теперь, — большевики сели надолго; это самая наша национальная народная власть, это мы сами, достоинства наши и недостатки наши же великоросские, самая что ни на есть наша народная власть». (Сообщено рыбин-

ским исследователем наследия семейства Золотаревых О.Ю. Бабушкиной).

Так вдруг на какой-то момент почувствовал революцию высоколобый интеллеktуал и одновременно монах в миру со старообрядческим креном Ухтомский. «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном», — в 1925 году написал Есенин. Ложное убеждение, что произошла национальная революция, — разделяли Бердяев, Клюев, Волошин... Тут и заблуждение, и подсознательное нежелание, точней, страх: признать inferнальную, непоправимую суть исторической катастрофы.

5. Самоубийство Есенина таинственно: все больше в последние годы всплывает аргументов, что его убили чекисты. И впрямь: неуёмный Есенин с его обостренным чувством оккупированности России — во времена, когда патриотизм приравнивался к контрреволюции и инородцы преобладали в чека и администрации — был бельмом на глазу в обеих столицах. К сожалению, вместо беспристрастных поисков документов и расследования, есенинская гибель стала ныне еще одним «пунктом» в расколовшем общество раздраз «патриотов» с «демократами». Последние почему-то с излишней горячностью отрицают ее насильственность.

6. Своеобразие поэтического дара Есенина — в феноменальной его органике. Текст т а к выпевается из души, что словно перестает быть собственно «текстом»; это русская речь, чья гармоническая организованность не опосредуется «усердием» и культурною рефлексией, не усвершенствуется в процессе работы — а непосредственно родится такой.

Колоссальный дар — но без самодисциплины, самоограничения, инстинкта самосохранения... Редкий случай поэта не столько для интеллигенции — сколько для «большого народа».

6. XI. 1994, Переделкино

1. Есенин один из немногих русских поэтов XX-го века, которого будут читать и в конце XXI-го века.

2. Во втором ряду пантеона.

3. Пять стихотворений — «В том краю, где желтая крапива...», «Не бродить, не мять в кустах багряных..», «Я последний поэт деревни...», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Есть одна хорошая песня у соловушки...». Две поэмы — «Пугачев», «Черный человек».

4. Кажется, все известные крестьянские поэты, Клюев, Есенин, Наседкин, Орешин приняли октябрьский переворот, но, как признался Есенин, «с крестьянским уклоном». На что-то надеялись. Строки «Мать моя родина, я — большевик» искренни, красочны. Клюев в первые большевистские годы вступил в компартию (вскоре его исключили), дважды намеревался вступить Есенин и дважды его что-то останавливало.

5. Причины самоубийства Цветаевой, увы, просты и ясны. Причины самоубийства Есенина и Маяковского темны, непонятны.

6. Есенин — поэт русской крестьянской культуры. В этом его преимущество перед не менее талантливым Маяковским, который был (всегда был) вне культуры. Есенин и кощунствовал по-крестьянски («Инония»). Мы знаем поэтов крестьянского быта — замечательного Никитина, далеко не столь ярких Сурикова, Дрожжина, но поэтами крестьянской культуры, предшественниками Есенина (он сам об этом писал) были Кольцов, Клюев, пожалуй, можно назвать Тараса Шевченко, поэта великого. Русская крестьянская культура основана на благоговейном и простодушном принятии христианства (отсюда и слово крестьянство), соединенном с народными сказаниями, поверьями, мифами. (Ничего общего с ними не имеет придуманная, декадентская мифология Городецкого). Есенинская мифология связана с языческой

Русью. От язычества — есенинское «Господи, отелись!», «Над тучами, как корова Хвост задрала заря», «Пас со мной Исаяя Моих золотых коров». Тут есть переключки с индуистским преклонением перед коровой-кормилицей, и это — благодарная тема для исследователя.

Сергей ХОМУТОВ *

1. Несомненно, и не только XX-го. Сергей Есенин, пожалуй, как никто другой, вобрал в себя традиции исповедальной поэзии, лирики, в истинном смысле этого определения. Это — поэт неповторимой чувственной глубины, человек, рожденный, чтобы стать поэтом, и только поэтом.

2. У Есенина в моем поэтическом пантеоне, как у любого другого великого поэта, свое, особое место. Его нельзя обозначить цифрой или каким-то другим знаком, единственным определением. Одно ясно, что без него мой мир обеднел бы значительно, как и без Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Блока, Цветаевой... Потребность в его стихах возникает постоянно и порой неосознанно, независимо от настроения: в минуты грусти и радости, отчаянья и умиротворения, в часы размышлений о судьбе человека и России в целом. Несмотря на «солидные» измышления советских литературоведов, Есенин до сих пор остается одним из неизученных, неисследованных поэтов (имею в виду его творчество). Многие исследования носят явно тенденциозный характер. На первый план выходит не поэзия, а жизнь поэта. Этому во многом способствует ее трагический конец. Но, если задуматься, судьба есенинской поэзии прекрасна. Трагедия отступает перед всенародной любовью к поэту милостью Божьей.

3. Назвать 5 особенно близких мне стихотворений просто невозможно. Во-первых, их значительно больше, а во-вторых, они такие разные. Как можно сопоставить

* Поэт. Живет в Рыбинске. Главный редактор провинциального литературно-исторического журнала «Русь».

«Не жалею, не зову, не плачу...» и «Пой же, пой. На проклятой гитаре...», «Отговорила роща золотая...» и «Годы молодые с забубенной славой...», «Вечер черные брови насопил...» и «Каждый труд благослови, удача...». А как сравнить «Персидские мотивы» и «Москву кабацкую», но и там и здесь свои вершинные строки. И все же, если говорить о любимых стихах, то сейчас мне ближе те, где отступает крикливость и вычурность, где созерцание обретает философскую глубину.

4. Революция обманула поэта. Много пообещав, почти ничего не дала, кроме боли и метаний. Поначалу он потянулся к переменам, но чуткая душа с тревогой воспринимала происходящее. Смута революционных событий изрядно помутила и сознание, и строки поэта. Фальшивой оказалась попытка представить себя большевиком и «Ради вселенского братства людей» радоваться песней смерти своей былой родины, крестьянской России, с ее устоями и картинами своеобразного быта. Но в то же время революции Есенин обязан многими выдающимися творениями — как поэт, тонко чувствующий трагические надломы эпохи. И если Блок практически замолчал в послереволюционные годы, то Есенин мучительно искал поэтическое разрешение противоречий.

5. Самоубийство Есенина до сих пор под вопросом. Если принять его за доказанный факт, то причины для этого, естественно, нашлись бы: разочарование в происходящем, неопределенность завтрашнего дня, весьма ощутимая травля — вечная спутница гениальных людей, продажность друзей и пьяная навязчивость лжебратьев... Но достаточно ли для того, чтобы захлестнуть удавкой горло? Думаю, что и достаточно, и недостаточно. Последние годы жизни — вершина творческой состоятельности поэта. Он даже как бы успокаивается в своих стихах, обретает мудрое понимание несуетности бытия. «О нет, мне жизнь не надоела...», — мог бы попушкински сказать он в это время, да, впрочем, и говорил: «Пусть на окошках гнилая сырость, Я не жалею, и не печален. Мне все равно эта жизнь полюбилась, Так

полюбилась, как будто вначале» (написано 14 октября 1925 года). И в этом же стихотворении: «Взглянет ли женщина с тихой улыбкой — Я уж взволнован...» Так что самоубийства могло и не быть.

6. Во-первых, Сергей Есенин — поэт задуманный и рожденный самой природой, небом и землей, слово — самое органичное воплощение его души. Во-вторых, это — поэт-живописец, коих в нашей литературе немного. В-третьих, Есенин достиг необычайной обнаженности чувств, до той глубины, где теряется граница между лирическим героем и самим автором. Последняя особенность во многом предопределила трагедию его жизни, вспомним строки другого поэта, современника Есенина, Бориса Пастернака: «О, знал бы я, что так бывает, Когда пускался на дебют, Что строчки с кровью — убивают, Нахлынут горлом и убьют!» И еще. Есенин — поэт истинно русский. Россия, Русь — источник его таланта и вдохновения.

И. ЛИСНЯНСКАЯ

1. Я убеждена, что Есенин — один из самых крупных русских поэтов XX столетия.

2. Не хочется употреблять слово «пантеон», тем более, слово «анкета», которое чужеродно и устрашающе чиновно рядом с именем Есенина. Присланный мне опросник поразил меня в самое сердце. Как так могло случиться, что не менее десяти последних лет я почти не раскрывала и не перечитывала стихотворений и поэм Есенина? Ведь именно он был первым и года три единственным поэтом, которого я читала. Все октябрьско-пионерское, безыменско-жаровское, что предлагалось нам в школе произносить перед классом-отрядом, вызывало во мне сопротивление читать даже Пушкина и навсегда отвратило от эстрады. Тогда моим чтением была только проза XIX века — русская, английская и французская, хотя стихи-молитвы я уже складывала. И вдруг мне

подарили запрещенного в то время Есенина! Я была потрясена и очарована. Именно с любви к Есенину началось мое запоздалое знакомство с русской и мировой поэзией. Есенин оказал на меня огромное влияние, но, как стихотворец средней руки, я, увы, унаследовала только то, что лежало на поверхности: первую реальность, автобиографичность.

3. Почти неподъемно из многих мною любимых произведений Есенина извлечь только пять. Возьму первые, пришедшие на память: «В том краю, где желтая крапива...», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Ты жива еще, моя старушка...», «Несказанное, синее, нежное...» и гениальная поэма «Пугачев». И хотя мне по ритмической ассоциации вспомнились (кроме одного) его поздние стихи, ранний период творчества Есенина кажется мне самороднее и независимей.

4. Принял поначалу большевистский переворот даже Блок. Но поэт всегда сильнее, провидчески-трагичней своих устных заявлений или деклараций в статьях. Ничего трагичнее, чем «Двенадцать», я о революции 17-го в нашей поэзии не знаю. С Есениным, как кажется, произошло несколько иначе, — он не сразу опомнился, как Блок во смерть себе, а пытался и пытался принять революцию, идти в ногу с текущим самоубийственным временем. Искренняя попытка-самовозбуждаемость ничем, кроме как художественной слабостью, не может обернуться. Тому пример: поэма о двадцати шести бакинских комиссарах и о Ленине. Тут даже сочная деревенская речь изменила Есенину.

«Отдам я душу Октябрю и Маю/И только лиры милой не отдам». Многие критики, в том числе и Луначарский, эти строки считали нелогичными, — дескать, что есть душа поэта, как не лира? Но это опять-таки на первый слух. Более глубокий слух знает: отдать душу — это отдать жизнь. Так вот, Есенин готов был отдать жизнь за отечество, за народонаселение, опьяненное идеей атеизма-коммунизма. Но не душу. Чувство вины не оставляло Есенина, начертавшего в одном из стихотворений

1925 года эпитафию самому себе: «Любил он родину и землю, / Как любят пьяницы кабак». А чего ему стоило такое признание: «В своей стране я словно иностранец!» Есенин — верующий, богоборствующий, смиряющийся, — не смог принять в сердце своем коммунистический переворот, толкнувший население на убийство-самоубийство. Этот стихопевец-бунтарь смирялся даже и с «новью» (понимать надо шире) литературно-атеистического поколения. Иначе бы не написал: «Ну и все же, новью той теснимый, / Я могу прочувственно пропеть: / Дайте мне на родине любимой, / Все любя, спокойно умереть».

5. Но разве мог Есенин спокойно умереть, видя, как идет физическое и духовное разрушение Церкви, как у него на глазах хиреет деревня, какой самоубийственной жизнью зажил его народ-родитель? Если почти любое самоубийство я склонна понимать как результат депрессии, то в самоубийстве Есенина, как в «магическом кристалле» русского характера, мне мерещится неосознанная тяга к самоубийству самого народа. Эта тяга продолжается по сей день. Но я верю в душу живую, верю, что Всеблагой простит нас и простит нашему народному поэту великий грех оборвать данную ему Господом жизнь.

6. Я не случайно назвала Есенина народным поэтом. В этом определении и заключено своеобразие его поэзии, ее неповторимость. Дальше могу только следовать литературоведческой банальности-обыкновенности (обыкновенность — вещь устойчивая, как само существование на земле): кровно-духовная связь творчества Есенина со «Словом о полку Игореве», русским фольклором и т.д.

Есенин ясен, понятен и дорог читателю — населению России, как понятен Шекспир большей части всего мира. Шекспир — всемирен, Есенин — всероссийянен.

Как-то Ахматова говорила о том, что Есенин — подражатель Блока. Да, не без этого. Но разве Лермонтов не подражал Пушкину? Запомнилось из той же беседы Л.К. Чуковской с Ахматовой (читайте изумительные «Записки об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской): мол, Есенин играл на одной балалаечной струне. Пожалуй,

это совершенно верно. Но что это за струна? Это туго натянутый нерв русского организма. Так туго натянутый, что лопнул и обернулся петлей для самого поэта.

Поэзия Есенина сейчас несколько потеснена избыточным интеллектуализмом, но всегда есть и будет, пока есть и будет Россия.

7. XI-94.

P. S. Надо же, чтобы выпало отвечать мне на эти вопросы в день страшной годовщины...

А.Н. БОГОСЛОВСКИЙ

Пояснения к фотографии

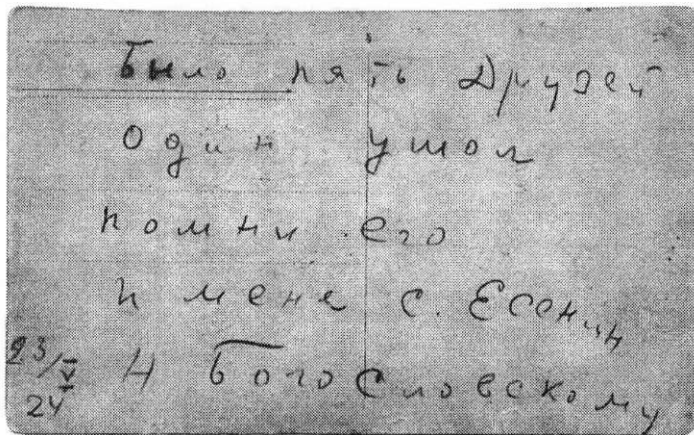

Снимок сделан в Москве 23 мая 1924 года около Чистых прудов.

Пять друзей — это Н.А. Клюев, С.А. Клычков, П.В. Орешин, А.В. Ширяевец и С.А. Есенин.

Но только двое из пяти, о которых упоминает С.А. Есенин, запечатлены на фотографии. Слева: *Сергей Антонович Клычков* (24.6.1887-8.10.1937, расстрелян); *Иван Петрович Приблудный* (псевдоним И.П. Овчаренко) (1905-1939), поэт, выпустивший в Москве, в 1926 году, в издательстве «Никитинские субботники», сборник стихотворений «Тополь на камне» (1923-1925) и в 1931 г., в издательстве «Федерация», второй сборник — «С добрым утром» (Ли-

рика-сатира. 1923-1929); С.А. Есенин; Николай Вениаминович Богословский (1904-1961), изд. «Академия», 1934, автор книг о Н.Г. Чернышевском и И.С. Тургеневе.

Ушедший друг, которого поминает Есенин, — поэт Александр Васильевич Ширяевец (1887-1924) (псевдоним А.В. Абрамова), умерший 15 мая 1924 года. Решением правления Союза писателей Есенин и Орешин вошли в комиссию по литературному наследству покойного поэта. Сохранилось и совместное письмо С.Есенина, С. Клычкова и П. Орешина в Правление Союза писателей.

Есенин тяжело переживал смерть своего старшего друга, о чем свидетельствует (помимо надписи на фотографии) в частности В. Кириллов, вспоминая, что «вскоре после смерти Ширяевца я сидел с Есениным в одном из московских ресторанов. С нами был еще поэт Казин. Есенин был печален. Говорил о своей болезни, о том, что он устал жить и что, вероятно, он уже ничего не создаст значительного.

— Чувство смерти преследует меня. Часто ночью, во время бессонницы, я ощущаю ее близость. Это очень страшно. Тогда я встаю с кровати, открываю свет и начинаю быстро ходить по комнате, читая книгу. Таким образом рассеиваешься.

Затем Есенин прочитал два варианта стихотворения на смерть Ширяевца («Мы теперь уходим понемногу». — А. Б.). В этот вечер мы долго не расставались». (В. Кириллов — «Встречи с Есениным» — в сб. «Сергей Александрович Есенин», 1925).

И еще двое друзей С.А. Есенина погибли в годы большого террора: Николай Алексеевич Клюев (10.10.1884 — расстрелян 25.10.1937 в Томске) и Петр Васильевич Орешин (28.7.1887 — 15.3.1938 погиб в тюрьме).

ЕСЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ

В жизни и творчестве Сергея Есенина революция сыграла первостепенную и роковую роль. Она вывела его из узкого круга патриархально-деревенских тем, с их несколько слащавой, стилизованной религиозностью, с излишне подчеркнутым фольклором, внесла смятение в его душу, расколола ее надвое и, в сущности, ее погубила. Не будет преувеличением сказать, что Есенин, приняв революцию, от нее же и погиб.

Политически Есенин ни в какой мере не был подготовлен к революции; да и вряд ли у него были политические взгляды. В 1916 году, будучи на военной службе в Царском Селе, Есенин представлялся императрице, и читал ей свои стихи, вероятно, в надежде на ее покровительство. Кто знает, не стал ли бы народный поэт Есенин воспевать Александру Федоровну, как некогда Державин Екатерину. Но через несколько месяцев колесо истории резко повернуло, и Есенин направился в другую сторону. Мечтавший уйти из своего дома, как бродяга и вор, немного застоявшийся «в тоске по гречневым просторам», Есенин бросился вслед за бегущей историей. На февральскую революцию певец «желтой крапивы и сухого плетня» откликнулся первым своим уже городским стихотворением о товарище-рабочем, убитом в уличных боях, и о сыне его Мартыне. Это обыкновенно мало замеченное, небольшое произведение, чем-то предвещает блоковские «Двенадцать». На помощь русскому люду, бьющемуся за волю, за равенство, за труд, по просьбе несчастного осиротевшего Мартына, Иисус Христос сходит с иконы и выходит на улицу... Но, в отличие от блоковского Христа, — тот «от пули невредим» — младенец Иисус в поэме Есенина падает, сраженный пулей, погребается на Марсовом поле, и уже не воскресает.

Смысл этой символики не до конца ясен; не значит ли эта поэма, что исторически реальный Христос, которому Есенин поклонялся по воспитанию, по традиции,

умирает в сознании поэта, чтобы отождествиться с революцией. Есенин продолжает мыслить христоцентрично, в категориях христианских представлений, но это уже новое, не евангельское, откровение:

Радуйтесь.

Земля предстала
Новой купели!..

В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира
Новый Назарет
перед вами...

После октябрьского переворота Есенин отдается целиком новой вере, становится ее пророком. Он провозглашает Третий завет, между Богом и революционной Россией, наступление Инонии, где все будет иное, поновому. Новая вера сталкивается со старой — Есенин отказывается от религии спасения через страдания и воскресение.

Время мое пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта.
Не хочу воспрять спасение
Через муки его и крест.

Есенин проклинает дыхание Китежа, «пятки и следы» Радонежа и противопоставляет старым святыням, старому Богу страдания, незримого, какого-то коровьего бога, несущего миру новую веру без креста (как у Блока) и без мук. Ожидание апокалипсических свершений, земногорая в виде крестьянской идиллии, приподнимает поэзию Есенина, расширяет ее до некоторого эпоса, выводит из провинциальной тематики во вселенную ширь. Сами стихи не становятся лучше, но расширяются, сдвигается что-то основное в его поэзии. От старой веры остается фразеология — сплошь церковная, — а также мечта о космическом преображении, чисто религиозного порядка. Есенинская революция, если судить ее с марк-

систской точки зрения, идет не от низов, отнюдь не от пролетариата, а откуда-то сверху, как новое откровение, как новое Божоявление.

Как писал в прекрасной статье об Есенине известный французский славист Пьер Паскаль (присутствовавший на похоронах поэта), это апокалипсическое напряжение может понять только тот, кто сам пережил события тех лет. В 1918-ом году все казалось возможным, вплоть до Царства Божьего на земле.

Но, как всегда бывает, чем выше были надежды, тем быстрее и бесповоротнее наступило разочарование. Революция разрушила старый строй, но заодно разрушила и строй есенинской души: вытравив старое, она не принесла ничего нового, один разлад: разлад между деревней, в 20-м году уже начавшей вымирать, и городом, разлад в душе Есенина между прежней верой и современным безверием.

Ах! Какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил,
Горько мне, что не верю теперь.

Опустошенному поэту вымирающей деревни остается только «похабничать и скандалить», как сам он признается, «чтобы ярче гореть», чтобы заглушить «неверие в благодать». «К старому возврата больше нет», пишет он матери в известных всем стихах, но старое хотя бы было, а настоящего-то, пожалуй, вовсе нет.

Остался в прошлом я одной ногой.
Стремлюсь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другой...

Свое разочарование в революции Есенин высказал еще прямее в частных письмах. Так, в письме к Евгении Райх, его возлюбленной, написанном во время путешествия по югу России, в 20-ом году, Есенин без обиняков признал свое расхождение с наступившим социализмом:

«Мне очень грустно сейчас, — пишет он, — что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности, как живого. Ведь идет совершенно не тот социализм, о

котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены без славы и мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит тогда эти покрытые уже плесенью мосты, но всегда ведь бывает жаль, что если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают».

В этих словах Есенин вскрыл основную порочность социализма и коренную причину этой порочности: социализм — враг живой личности, враг живой жизни в силу своей имманентности. В нем нет места для всех тех, кто верит в мир невидимый и к нему прокладывают мосты, иначе говоря, в нем нет места для искусства.

Несколько позже, в 1922-ом году, убегая от нарочитого социализма, пожалуй, не в меньшей мере, чем от самого себя, Есенин вместе с Айседорой Дункан предпринимает длинное путешествие по Европе и по Америке. Индустриальный запад представился ему пустыней, кладбищем, а люди — мертвецами. Но, несмотря на это отталкивание, возвращаться в Советскую Россию Есенину не хотелось. В письме к своему другу и соратнику по имажинизму, Александру Кусикову, Есенин с необычайной резкостью, со множеством нецензурных выражений, матерных ругательств, высказывается о революции и о власти имущих.

«Сандро! Сандро! Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то и плюнул бы на все и уехал бы в Африку, или еще куда-нибудь. Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Не могу; хоть караул кричи. Я перестаю понимать к какой революции я принадлежал — вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому. В нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь. Ну, да ладно! Оставим этот разговор».

Конечно, ни в какую Африку Есенин не уехал, да и не только из-за сестер. Без России, без своей рязанской

деревни, он жить не мог. Вернувшись, он пробовал приспособиться, садился за Маркса, чтоб «разгадать премудрость скучных строк», напечатал стихи о Ленине, задумал о нем большую поэму, казенную, слащавую, но это приспособленчество лишь усугубило внутренний разлад.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Но как отделить душу от лиры? И Есенин покончил с собой, чтобы спасти свою душу, а с ней уберечь, хотя бы для потомства, свой песенный дар.

1974

К столетию со дня рождения В. В. Вейдле (1895-1979)

.....

ИЗ РАДИОБЕСЕД О СЛОВАХ

1. «САМОБЫТНОСТЬ»

«Самобытность». «Самостоятельность», «своеобразие» и тем более «оригинальность» — все это слова, которым нетрудно найти точное соответствие в главных западных языках. Но вот «самобытность» переводу не поддается. Само это слово какое-то самобытное, хотя круг его значений и не выходит за пределы того, что поддается именованию тремя только что приведенными словами.

В прошлом веке о самобытности, о самобытных началах толковали у нас главным образом славянофилы. Они не придумали этого слова, оно существовало до них, и не раз встречается, как и прилагательное «самобытный», у Пушкина. Но, будучи националистами не столько в области политики, сколько в области культуры, они придали ему особый оттенок, который сохранило оно до наших дней. Пеклись они о национальной самобытности, опасались, как бы то, что считалось ими исконно русским, не растворилось в чем-то универсально-неопределенном, безличном или чужом. Оттого-то и это любимое их слово перестало прилагаться к отдельным людям, как у Пушкина, который говорил о самобытности Ломоносова, Баратынского, и стало в первую очередь означать национальное своеобразие, созерцаемое в целом или в составных его частях: своеобразие обычаев, традиций, учреждений.

Наша самобытность — это коллективная наша особенность, оригинальность, из которой вытекает и наше общее особое призвание. Такова концепция первых сла-

вянофилов, вполне приемлемая в сущности для всякого разумного западника. Она Россию из Европы не исключает, от Запада не отрезает.

Недаром Иван Киреевский своему недолговечному, увы, журналу дал название «Европеец». Он и его друзья не мыслили Россию вне Европы. Они остро ощущали разлад между тем, что у нас возросло из западных, при Петре посаженных ростков, и тем, что выросло из корней исконно русских.

Однако, понимали они и всю неразрывную слитность, взаимопроникнутость двух этих начал. Понимали, что, при всей трагичности или даже в силу ее, разлад этот был творчески плодотворен. Потому, вероятно, что совсем непримиримого разлада между двумя христианско-европейскими наследиями не могло и быть. Зато позднейший славянофильский национализм впал в явное заблуждение, противопоставляя самобытность европеизму, как будто она не могла быть внутриевропейской. Как будто Европа вся сплошь не состояла из враждующих и все же объединенных в ней самобытных, несходных между собой и все же неотъемлемых одна от другой наций.

Единство Европы неотделимо от ее множественности, национальной прежде всего, но и еще более дробной, сказывающейся и внутри отдельных наций. Это у нас во второй половине прошлого века стало ускользать из поля зрения не только славянофилов, но и западников, как либеральных, так и революционных. Европа для них либо превращалась в безличный образчик всяческого прогресса, либо подменялась еще более узкими идеологическими схемами, применимыми где угодно, а потому объявлявшимися обязательными и для нас.

Кто не понял Европу, не поймет и Россию. Противоположные друг другу заблуждения относительно ее места в мире стали на верхах образованного общества исчезать лишь к началу нашего века. На его низах они держатся до наших дней.

Одинаково несправедливо и неумно зачеркивать национальное своеобразие безличным интернационализмом и абсолютизировать его, называя «безродными космополитами» всякого, кто, по примеру Достоевского,

кажется, уж патриота и даже во многом фариниста, склонен будет утверждать, что кроме России у него есть и другая Родина — Европа.

В официальной идеологии Советского Союза эти два противоположных заблуждения парадоксальным образом сосуществуют — рассудку вопреки, наперекор стихии. Раньше этого, конечно, не было. Заблуждались либо этак, либо так. Прежняя Россия такого сочетания беспрекословной подчиненности занесенным с Запада взглядам с самохвальным осуждением этого самого Запада, унаследованным от вульгаризованного славянофильства, не знала. Как не знает и не знало его и русское зарубежье.

Тут, в зарубежье, евразийцам, пытавшимся, даже и талантливо, но все же безуспешно, выселить Россию из Европы, противостояли кое-какие интеллигенты старой формации, самобытности не признающие, не понимающие его роль в европейском единстве.

Один из них обвинил меня (упоминаю о себе, потому что это характерный пример), после выхода в свет моей книги «Задача России», в суеверном миссианстве и в противоречии самому себе. Как это я, прославивший западником, могу говорить о единственности России, о ей одной преподанной вести, о ее миссии в отношении остальной Европы?

Но отчего же нет? Разве не пора понять, что Россия такая же единственная в европейском целом, как Англия или Италия? Разве не ясно, что значение части для целого как раз и определяется ее несходством с другими его частями?

Оба заблуждения эти одинаково опровергаются всей нашей историей. Как только произошло стараниями шестидесятников наших частичное отчуждение от Запада, как только затуманилось для нас лицо Европы, тотчас отнюдь не усилилась наша самобытность, а постигла нас к восьмидесятым годам странная сонливость, и повсюду стали замечаться уныние, застой, убыль духовных сил. Недаром стали проявлять наши интеллигенты и особенно полуинтеллигенты столь крайнюю нетерпимость ко всем инакомыслящим (как сильна она у Ленина!) и столь резкую вражду ко всему, что нельзя было поставить

на службу политике. (Разумеется, их политике!) К религии, к философии, к поэзии, искусству, даже к научному знанию, не пригодному для пропаганды и не направленному на непосредственное удовлетворение практических нужд.

Ближайшим образом все это привело, вместе с подавлением крамолы, столь же упрости́тельным, как она сама, к провинциализации России, очень верно отраженной Чеховым, в конечном же счете послужило к образованию того умственного склада, характерного для низших в интеллектуальном отношении слоев интеллигенции, пришедших к власти после октября.

Под их воздействием началось снижение культуры, а потом и сдача ее на слом при Сталине, вместе с отчуждением от остальной Европы, достигшим размеров, невиданных в послепетровские времена. Россия отходила от Запада, уходила из Европы. Нынешнее молодое поколение знает, что это значило. Самобытности она этим не приобрела. Напротив, чем дальше отходила, тем становилась меньше похожей на себя.

2. «НАРОД»

Когда мы говорим «народ», мы произносим слово совсем другой расцветки и несравненно более высокого достоинства, чем слово «массы», о котором шла речь, когда мы в первый раз беседовали о словах. Пушкин писал: «И долго буду тем любезен я народу...» Мог ли бы он не то что написать, а даже подумать, что творения его будут любимы массами, пусть даже народными массами, хоть это выражение и противоречиво? Конечно, нет. И слова этого он не знал, и самих масс в его время в России по крайней мере еще не было.

Народы существуют с тех пор, как они создались из родов или племен, массы — продукт больших городов и крупной промышленности. Их знала Римская империя, они появились снова на Западе в конце восемнадцатого века, а у нас на целое столетие позже. В огромном большинстве своем русский народ до самого недавнего вре-

мени состоял из крестьян, крестьянам же образовывать массу совсем несвойственно. Этому противоречит их образ жизни, да и образ мысли их совсем не массовый. Он определяется бытом, то есть привычками, обычаем, унаследованным от предков, а не теми, предкам неизвестными и с прошлым не считающимися, воздействиями печати, а с недавних пор и кинематографа, радио, телевидения, которые обращены к массам и своим влиянием содействуют возникновению и сплачиванию этих масс.

Если ныне городские приманки или нарочитые внушения все сильнее меняют и деревню, то в пушкинское время процесс этот еще и не начинался. О русском народе, как о массах, говорить не приходилось. Оттого и выражения этого еще не было.

Но некоторая неясность в пушкинских словах все же есть, само слово «народ» в его, как в наше, время было и осталось двусмысленным. Кого разумеет Пушкин, когда выражает надежду, что будет любим народом и что к памятнику его не зарастет народная тропа? Весь русский народ или ту его часть, большую, несомненно, но все же часть, которую в другом, тогда же написанном стихотворении он называет «простым народом»?

Как это ни странно, но у нас с давних пор, задолго до семнадцатого года, установилось незыблемое правило понимать пушкинский «народ» именно в этом последнем смысле. И мы невольно представляем себе шествующими по незаросшей тропе к Пушкину на поклон не потомков Жуковского, Вяземского и прочих его друзей, и не внуков людей вроде Белинского или Островского, не дворян, не купцов, не разночинцев, а исключительно обучившихся грамоте крестьянских детей, потомков, образно выражаясь, няни его Арины Родионовны.

Может быть, Пушкин и сам в этом стихотворении придал слову «народ» такой более узкий смысл? Может быть. Но никаких указаний на это нет. И вряд ли Пушкин ожидал или желал обрести посмертную славу исключительно среди тогдашних неграмотных, а не грамотных. Что же касается нашей склонности объяснять его стихотворение именно так и вообще придавать слову «народ» этот узкий смысл даже там, где вполне подходил бы ему

широкий, то можно, пожалуй, и согласиться с теми, кто нам скажет, что исторически оно оправдано.

Слово «народ» двусмысленно во многих языках, не только по-русски. Исключение составляет английский язык, где оно заимствовано из французского, но по смыслу приближается к нашему слову «люди», тогда как по-французски оно значит то же, что у нас — «народ». Нам и французам надлежит позавидовать англичанам и американцам, потому что «люди» — это тише, проще, скромней и менее доступно злоупотреблениям, чем громкое слово «народ», *то же можно сказать и про* выражение «русские люди» по сравнению с выражением «русский народ».

Некогда существовал отвратительно погромный Союз русского народа. «Союзом русских людей» главарям его не пришло бы в голову его называть. Любовь к народу, к своему народу, не только включает, но и на пьедестал поднимает любовь к самому себе. Восхищаться своим народом — это значит и собою восхищаться. А вот любовь к людям никакого себялюбия и самовосхищения не подразумевает.

Но хуже всего то, что всякий волен в той же самой речи или статье говорить о народе как о всех, включая его самого, и умиляться над ним, имея в виду «простой», то есть крестьянский или фабричный народ, к которому он себя вовсе не причисляет, да и причислять не может.

Прежние наши народники и народолюбы, научившие нас понимать пушкинский «Памятник» по-своему, могли по крайней мере сослаться на то, что крепостная, подъяремная Россия, да и просто крестьянская, когда восемьдесят процентов населения страны состояло из крестьян, больше, чем помещичья или городская заслуживала названия «народной».

Но по нынешним понятиям все население Советского Союза состоит из трудящихся. Чего ж тогда одним трудящимся умиляться относительно других? Зачем им стараться растрогать нас своей любовью к народу, когда они сами народ? Ведь это Некрасов, когда писал «Кому на Руси жить хорошо?», мог думать, что именно народу,

крестьянскому, рабочему люду или, выражаясь скучнее, большинству населения живет на Руси плохо, и что достойны поэтому все эти люди двойной любви и жалости.

Но разве лояльному советскому гражданину полагается думать так же? Или, может быть не полагается, а он все-таки так думает? Но тут уж я слышу не возражение, нет, а гневные этакие окрики: «Вот ведь тоже, придрался к слову! Да еще к какому? К великому и священному слову! Такому же священному, как слово «Родина»!

В ответ на это, однако, и я, пожалуй, рассержусь. Ведь со священными словами надо обращаться еще осторожней, чем с другими, и злоупотреблять ими совсем уж непозволительно. Вот когда-то в давние времена, в наилучшие из этих давних времен, от слова «народ» образовали производное, да и вплели его в формулу: «Самодержавие, православие и народность». А народу от этого легче не стало. От крепостничества авторы этой формулы и не думали его освобождать.

Полагаю, что и теперь никакой нет радости народу (в любом смысле этого слова) от того, что прожужжали ему уши той же самой все «народностью». Говорят, например, о ней, да и не говорят, а твердят, как об отличительной черте советской литературы. Ну, что же, собственно, хотят этим сказать? Если народ — совокупность населения страны, то все литературы народны, потому что созданы людьми этой страны. Если же и тут имеется в виду то, что прежде называлось «простым народом» или «простонародьем», то народных литератур нет вообще, потому что ни одна литература не может быть названа просто-народной.

Простой, не знавший грамоты крестьянский народ создавал в былые времена народную словесность. Литературу же повсюду и всегда делают люди грамотные и получившие известное образование. Они тоже, разумеется, народ, но не простой народ. Даже когда они выходцы из простого народа, понятие «простонародье» к ним неприложимо.

По своему происхождению Ломоносов — архангельский мужик. Но писал он отнюдь не для крестьян, и в его

литературной и научной деятельности нет ничего простонародного. И нынешние русские писатели, проживающие в Советском Союзе, точно так же в писательстве своем ничуть не простонародны, да и пишут они, или во всяком случае хотелось бы им писать, отнюдь не для одних совсем неискушенных в литературе читателей.

Если же произведения их так часто бывали однообразны и скучны, то этому отчасти виной как раз та дешевая и сусальная народность, которую требует от них вовсе не народ, а те, кто ради своей выгоды спешат ему польстить, и этой лестью только обманывают его и унижают.

Нет, попробуйте лучше любить людей, заботиться о людях, слово «народ» не приносить всуе, а о народности и совсем не говорить.

Радио «Свобода», 1960–70-е годы.

(Печатается впервые)

Ирина БРОДСКАЯ (Берлин)

КАМНИ И ЗВЕЗДЫ *

Если ты в день бедствия оказался слабым, то бедна сила твоя.

Ветхий Завет. Книга притчей Соломоновых

Сенатор Бороздин переживал мрачные дни. Обе дочери преподнесли ему столь страшный сюрприз в лице мужей — государственных преступников, что обычное самообладание покинуло его, уступив место гневу, растерянности и страху. Лихарев и Поджио арестованы... Вот до чего довели вечера и балы в Каменке у Давыдовых! Да, это был крах... Все его честолюбивые устремления в прошлом относительно блестящего будущего его дочерей, признанных высшим светом истинным украшением Петербурга, казались ему теперь ничтожными в сравнении с тем, что произошло за эти полгода. Нарушено не только его привычное и уверенное спокойствие, подорваны его честь и будущее его семьи. Андрей Михайлович почти физически ощущал надвигающиеся на него отчуждение и даже презрение в свете и удовлетворение своих недоброжелателей. Его нисколько не успокаивало то, что не он один оказался в таком положении. Княгиня Волконская, статс-дама, подруга императрицы, сенатор Муравьев-Апостол, граф Григорий Чернышев... Их сыновья также в числе преступников, но ему не было до них никакого дела. Значительно и ужасно было то, что произошло именно с ним и его семьей. И теперь его занимало только одно, как выйти из этого положения, как отряхнуться, очиститься от этой мерзости, обрушившейся на его дом и запятнавшей его достоинство. Как вернуть репутацию влиятельнейшего из сановников и продолжить свою жизнь и деятельность. Да, он должен убедить дочерей, что только полный разрыв с мужьями может

* Глава из документально-художественной повести «Останься верным себе и России».

вернуть им прежний покой и обеспечить достойное будущее.

Но какую нелепую и жестокую шутку сыграло с ними время! Обе пошли под венец на пороге этих роковых событий. Его внуки родились, когда их отцы уже сидели в Петропавловской крепости... Если он дал согласие на брак Катиш с Лихаревым, то отставной штабс-капитан Поджио, вдовец с четырьмя детьми, с первых дней вызывал в нем раздражение и непонятную ему самому неприязнь. Сейчас Андрей Михайлович ловил себя на том, что не чувствует никакой жалости ни к одному из них и думает о них не иначе, как с презрением и гневом. Это успокаивало его и даже подталкивало к мысли о возмездии. Да! Он сделает все, чтобы Мария и Екатерина забыли своих мужей и произошедшее с ними померкло, исчезло, кануло в небытие. Но прежде он сам должен обрести утраченную твердость и хладнокровие.

Вечером Андрей Михайлович вошел в комнату старшей дочери.

— Мари, теперь вы можете убедиться, насколько я был прав, не благословив брак с Поджио.

— Папенька, не говорите так... Иосиф мой муж, и я люблю его...

— Вы не дорого себя цените, Мари. Вы дурно выбрали себе мужа. Он и Лихарев обесчестили наш дом и мое имя.

Мария со страхом смотрела на дергающееся, потемневшее лицо отца, ставшее вдруг грубым и непривычно некрасивым.

— Папа, я люблю Иосифа и должна разделить с ним его печальный жребий, быть ему поддержкой в это горестное для него время...

— Это вздор, Мари! Вам придется... оставить его, вы должны это сделать и вы это сделаете...

— Оставить?! Оставить Иосифа? Что говорите вы своей бедной дочери? Что делаете со мной? Папенька, голубчик, он мой муж, отец моего сына! Сама вера и закон велят мне быть с ним. Ради него я готова всем пожертвовать... Папа, ведь и ваше сердце знало чувство

любви... не губите меня... Я сегодня же поеду к нему в крепость... Я... Кузина Мария Волконская...

По лицу Андрея Михайловича расползались красные пятна, и неожиданно для себя он перешел на визг.

— Мне нет дела до вашей кузины!! Вы никуда не поедете! Однажды вы уже ослушались меня. Нынче будет так, как велю я. Вы не поедете к нему в крепость!

— Я жена его!

— Ты не жена! Ты вдова! ... Успокойся, дитя мое, успокойся и знай. Есть указ государя: преступники объявлены «живыми мертвецами», и посему жены их считаются вдовами. Им разрешено вторично выходить замуж... Ты не поедешь к нему, Маша... Состоялся суд, судьба его решена. Зло должно быть наказано...

И, не давая дочери опомниться, Бороздин вышел из комнаты.

* * *

Следствие над Иосифом Поджио шло к концу. В заключительных его документах в графе «Ослабление вины» особо подчеркивалось, что руководствуясь «искренним раскаянием», Иосиф Поджио дал показания, «у в е л и ч и в а ю щ и е в и н у б р а т а». (Разр. авт.) Из Петропавловской крепости ему разрешили писать родным, но свидания с женой дозволены не были. С позволения царя его дважды посетил генерал Николай Николаевич Раевский. Весной Раевский стал крестным отцом маленького Лео Поджио.

Особых забот суду Иосиф не доставил. Постановили, что главное преступление штабс-капитана в отставке Иосифа Поджио состоит в принадлежности к тайному обществу, «знании злоумышленных заговоров, в участии в разговорах об этих замыслах». 25 членов Верховного уголовного суда проголосовали за лишение его чинов и дворянства и ссылку на каторгу, пятнадцать членов потребовали смертной казни, семеро высказались за «политическую смерть». В итоге его отнесли к четвертому (из одиннадцати) разряду преступников, приговорили к лишению чинов и дворянства, к ссылке в Сибирь на каторгу на двенадцать лет.

После приговора Иосиф исчез... Шло время, декабристов отправляли в Сибирь. Но Иосифа среди них не было. Никто не видел его, никто не мог сказать — где же старший из братьев Поджио. Старая Магдалена Поджио, уверенная, что оба сына ее вместе с остальными в Сибири, шлет деньги в Читинский острог. Рвется в Сибирь и Мария. Но прежде, чем отправиться в дальнюю дорогу, пишет своей кузине княгине Волконской. Через два месяца из Читы приходит ответ, датированный январем 1828 года.

«...Добрая моя кузина, я Вас обязываю никак не предпринимать это страшное путешествие до получения верного известия, что Ваш супруг был выслан; что станет с Вами, если Вас задержат в Иркутске на несколько месяцев до его прибытия. Ваши бедные дети нуждаются в Ваших заботах. Рассчитывайте на меня в том, что будет необходимо Вашему кузену (Александру. — Прим. авт.), что же касается Иосифа, нет необходимости утверждать Вам, что он найдет во мне настоящую сестру. Как только приедете, надеюсь, Вы остановитесь у меня. Я Вас приму со всей той дружбой, которую сохраняю к Вам с моего раннего детства... Прощайте, дорогая кузина, возьмите на себя труд передать мое уважение госпоже вашей свекрови. Я покрываю поцелуями Вашего бедного маленького Лоло. Пусть Бог сохранит его Вам».

...Проходит еще два месяца, и Мария Поджио пишет шефу жандармов графу Бенкендорфу, умоляя его открыть ей, где находится ее муж. «Жене государственного преступника» отвечают, что еще не имеется положительного сведения о его местопребывании. Господи! К кому же обращаться ей, если сам всемогущий Бенкендорф не может сказать, где Иосиф! За что она так наказана? В чем провинилась перед небом и людьми? Что отвечать ей дочерям его на вопрос — где наш папа? Она не может скрыть ни растерянности своей, ни беспомощности перед четырьмя его детьми...

Бороздин взбешен настойчивыми поисками Марии своего мужа. Он сам пишет графу Бенкендорфу о том, что его старшая дочь вышла замуж против его воли, и в Сибирь она может поехать не иначе, как подвергшись

его проклятию. Он, однако, желает рассеять ее сомнения относительно того, доходят ли до Иосифа Поджио деньги и вещи, посылаемые ему в Читинскую тюрьму. Граф отвечает сенатору, что Иосифа Поджио в Читинском остроге еще нет, но «я могу Вас заверить, милостивый государь, что он аккуратно получает все письма, вещи и деньги при моем посредстве».

Граф Бенкендорф и сенатор Бороздин хорошо понимают друг друга, они оба осведомлены о том, где Иосиф. Но государственная тайна превыше всего... Сенатору Бороздину не стоило трудов сразу же после суда над заговорщиками добиться аудиенции у императора. Его прошение состояло в том, чтобы не отправлять Иосифа Поджио в Сибирь, а тайно посадить в одну из крепостей. Николай I сразу же понял суть дела: сенатор не только не желает, чтобы его дочь по примеру других дам последовала за мужем в Сибирь, но и вообще не хочет так о го зятя. Просьбу Бороздина царь удовлетворит. Вместо Сибири в октябре 1827 года Иосифа Поджио переправили в самую мрачную тюрьму России — Шлиссельбургскую крепость.

В безызвестности прошел почти год. И вдруг Мария Поджио получает разрешение писать мужу на адрес III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Иосиф жив и ждет ее посланий! Ночами она пишет ему длинные письма, изливая в них свою любовь и тоску. Но сомнения терзают ее душу. Попадают ли эти письма к нему? Может, глумятся над ними грубые, невежественные люди, чьи сердца и мысли порочны, и, посмеявшись над ней и несчастным Иосифом, рвут их?! Кому пишет она? Мужу? Жандармам? И где же, наконец, он? Почему ей, его жене, не дозволено знать об этом? Не обратиться ли к императору? Да... Она должна написать царю. Она расскажет ему о своих страданиях за эти два года. Она приведет в пример кузину Марию Волконскую, княгиню Екатерину Трубецкую, Александрину Муравьеву, которые там, в Сибири, вместе со своими мужьями. Счастливейшие из женщин! А она... вдова при живом муже. Так, кажется, назвал император жен государственных преступников. Нет, это не может быть правдой, это

вымыслы ее отца. Царь не мог так сказать. Он молод и великодушен, он поймет ее. Она вспоминает великого князя Николая на одном из великосветских балов, его холодное красивое лицо, взгляд, брошенный на нее, вспыхнувший и тут же погасший. Ныне он император, и сам Бог велит ему быть милостивым к своим верноподданным. Но как сделать это? Дома отец следит за каждым ее шагом. Лишь только у своей свекрови она чувствует себя свободно. И она едет в имение Магдалены Поджио.

...Давно спала Яновка под теплым августовским небом. Спокойно дышала лунная украинская ночь. Свечи оплывали в подсвечниках. Мария Поджио писала Николаю I.

«Всемиловитейший Государь!

Великодушие Вашего Императорского Величества, столь известное всем верноподданным Вашим, дает мне смелость пасть к стопам моего Государя и просить великой милости. Зная всю великость преступлений мужа моего, бывшего гвардии штабс-капитана Иосифа Поджио, и справедливое наказание, определенное ему, не смею и просить о помиловании его, но, будучи его несчастною женою, зная всю священную обязанность моего союза, сама Вера и Законы повелевают мне разделить тяжкий жребий его: ни молодость моя, ни бедное состояние всего семейства, ничто не может мне служить препятствием.

Защитник веры! Покровитель несчастных! Не отвергни всенижайшей моей просьбы! Повели объявить мне местопребывание преступного, но несчастного мужа моего, дабы я могла, соединясь с ним, исполнить до конца жизни моей данную перед Богом клятву не оставлять его в несчастье и быть истинною матерью пятерых его сирот и нежнейшей дочерью престарелой его матери. Я желаю облегчить хоть несколько жребий мужа моего и по прошествии некоторого времени возвратиться к детям его, зная, что во мне одной состоит вся их подпора, в чем всеподданнейше испрашиваю соизволения Вашего Императорского Величества.

С благоговением пребываю Вашего Императорского Величества верноподданная Мария Поджио, урожденная Бороздина.

18 августа 1828 года».

* * *

Шлиссельбург... Это слово с ужасом произносили даже те, кто работал в рудниках Сибири. Редко кто живой выходил из стен этой русской Бастилии. В течение веков каменные склепы Шлиссельбурга хранили в глубокой тайне и имена, и возраст, и деяния заключенных. Здесь томились десятилетиями, лишались рассудка, находили свою могилу...

Иосифа Поджио привезли в Шлиссельбург в октябре 1827 года. В каменном «мешке», за стенами, поросшими плесенью, где сырость насквозь пропитала одежду, постель, табак, отбывал он свое наказание не только за то, что состоял членом организации злоумышленников, но и за любовь свою к дочери сенатора Бороздина. После первой зимы в крепости он почувствовал приближение смерти и пожелал исповедаться. Из Петербурга прислали католического монаха Григория Шимановского. Он попытался возродить его к жизни, облегчить душу, дал духовные книги.

— Полагайтесь на Всевышнего... Он вас не оставит...

И чудо совершилось: через несколько дней часовой принес в камеру письма от жены и матери. Желание жить воскресло в нем.

Осенью комендант Шлиссельбурга сообщал в III Отделение, что арестант «просит неотступно позволения писать к матери и жене своей единственно о своем здорье, воспитании детей своих и некоторых домашних распоряжениях, не объявляя о месте пребывания своего». Комендант от своего имени просит разрешить это узнику. Из III Отделения ему напоминают, что государственным преступникам, осужденным Верховным уголовным судом в каторжную работу, вовсе воспрещается писать. Впрочем, обещают «войти с представлением по этому предмету». В январе 1829 года начальник III Отделения

граф Бенкендорф составляет записку о прощении шлис-сельбургского арестанта на имя государя, упоминая в ней и о письме Марии Поджио к Его Величеству. Начальник Главного штаба граф Чернышев входит с докладом к государю. Николай I знает каждого, кто проходил по делу «14 декабря», список преступников лежит на его столе. Братьев-итальянцев Поджио он помнит хорошо: и младшего — живого, черноволосого подполковника с глазами истинного карбонария, вынашивавшего планы расправы над царской семьей, и старшего — зятя сенатора Бороздина. И об услуге последнему царь тоже помнит.

Пусть пишет исключительно о своем здоровье и делах домашних, не объявляя о месте своего пребывания. Письма пусть подает открытыми. Вы, граф, соизвольте лично их просматривать и отправляйте в III Отделение...

...Через полтора года после своего заточения шлис-сельбургский узник, сидя в каменном склепе, при свете маленького огарка, дрожащей рукой, выводил первое свое письмо жене и матери... За год Иосиф написал четыре письма. Но от Марии письма шли все реже. Андрей Михайлович не допускал, чтобы в ее послания дочери доходили до ее супруга. Перехватывал он и письма зятя. 13 сентября 1829 года Иосиф пошлет письмо, полное горечи и отчаяния, и, не получив ответа, писать перестанет. И связь между ними оборвется. Зимой 1830 года Мария Андреевна напишет второе письмо императору, называя себя «вдовой живого мужа». «Государь, я не знаю, чего я должна просить у Вашего Императорского Величества», — так заканчивает она свое послание. Николай I не находит нужным вмешиваться в семейные дела Бороздиных.

* * *

За каменными сводами Шлиссельбурга течет жизнь. В Яновке растут его дети и стареет мать. В далекой Сибири его брату и товарищам помогает то, что они вместе. А он, отрезанный от внешнего мира, запертый четырьмя стенами, теряет представление о времени.

— Какой сегодня день?

— Не могу знать, — часовой ставит еду на стол и выходит из камеры. Во время эпидемии холеры он умрет за порогом, но Иосиф об этом и не узнает. Сменивший умершего также угрюм и глух. Дабы слышать собственный голос, Иосиф вслух читает Библию. «Если ты в день бедствия оказался слабым...» «Нет! — кричала его измученная душа, — я никогда не был трусом! Разве прятался я от ядер и картечи в день бедствия своего Отечества? Разве не любил я его? Разве не желал я блага России? Да... вольнодумческие мысли жили в моей голове, и европейские авторы, которых я читал с таким увлечением, способствовали сему... Но никто насильно не тянул меня в эту бездну... Из-за одного ли желания видеться с Марией в доме Василия Давыдова дал я ему согласие вступить в тайное общество? Или из-за ложного стыда прослыть трусом в глазах товарищей? Нет... Не легкомыслие руководило мною... Ничтожное положение нашего бытия побудило меня прийти к людям, благородно мыслящим и пекущимся о благе Отечества. Быть с ними стало потребностью моею. Но вступив в общество, я стал терять себя... Безмятежность души моей и веселость характера уступили место беспокойству, озабоченности, укорам совести... Но бездна затягивала меня все больше... Разве только из-за одного желания понравиться Пестелю заявил я о своей готовности самому вести заговорщиков против жизни императора Александра? Я действительно был на то согласен, считая это верным! А что ответил я Мишелю Бестужеву на слова его, что обществом решено лишить жизни одного государя, а прочих членов царской фамилии изгнать? Что сказал я ему в ответ? Я возразил ему примером... Напомнил Людовика XVIII, который возвратился во Францию и вновь овладел престолом! Почему предал я забвению все понятия мои о нравственности, о милосердии, внушаемые мне с детства? Забыл слова известного автора, еще не так давно меня восхищавшие, что не должно мыслить о переменах в образе правления, ежели для достижения оных нужно будет пожертвовать хоть одной каплей крови. Так что же я и мой брат? И мы все?! Мы забыли заповеди... Мы отошли от Бога... И в день бедствия я оказался слабым и... предал

брата своего!» Эта мысль поражала его душу более остальных. С этой мыслью он проводил день, а ночью его преследовали кошмары, стоны его переходили в вопли, и часовой барабанил в тяжелую дверь.

Пытаясь уйти от воспоминаний, не думать о прошлом, он погружался в книги, принесенные монахом Григорием Шимановским. Он читал «Жизнь Бога» святого Августина, «Мысли» Паскаля, «Гений христианства» и «Путешествие в Иерусалим» Шатобриана, дрожащими пальцами перелистывал шестнадцать томов иезуита-просветителя Бурдалу... Эти книги будоражили и волновали Иосифа. Он начинал размышлять о вещах, до сей поры мало занимавших его ум и душу. Он думал о Боге и о том, что он сам, его судьба связаны с Ним, но этой связи он никогда не ощущал так, как теперь. Он думал о страданиях, выпавших на его долю, и о том, что не может, подобно Иову, дерзко спросить Бога: «Не обвиняй меня: объяви мне, за что Ты со мной борешься?» «...Но почему Бог не прерывал страдания даже праведников? Почему сам, не будучи источником зла, допускает зло? ... Отчего столько зла и горя вокруг? Столько невинных слез и невинной крови? И Бог не воспрещает того! В то время, как порочные и нечестивые живут и благоденствуют! И страдания минуют их!» Он искал ответы на эти вопросы и в книгах, и в себе... Переутомленный мозг его забывался в дремоте, чтобы завтра вновь продолжать свои мучительные поиски.

«...Почему столь трагична и несправедлива человеческая история? А... Божественная? Разве Божественная история не лишена страданий? Что знаем мы о муках Бога-Отца, отдавшего на растерзание людям своего Сына? А распятый Христос и рыдания Его Матери? А замученные апостолы? Не потому ли это все, что мы всегда... свободны в своих злодеяниях? И муки Христа — это тоже залог нашей свободы... Бог сам возжелал ее, создавая Вселенную, и сотворил свободными нас... Зачем? По причине Его любви к нам. И захотел свободной любви к себе! Захотел не послушных рабов, не слепой их покорности, а свободной любви людей, наделенных разумом! ...Он не принуждает нас делать благо, по Его замыслу, мы

должны творить его по собственной воле... А если бы мы были лишены этой свободы? Наше благочестие не зависело бы от нас... Оно было бы predetermined... Но тогда жизнь не имела бы смысла и цели!» Эта мысль поразила и обрадовала его, ему показалось, что наконец-то он понял что-то очень важное для себя.

«Но как стали пользоваться люди этой свободой? Бог возжелал свободной любви, а в ответ... увидел кровавую драму, которую разыгрывает его любимое творение! Он мог бы ее прекратить... Но это было бы насилие над духом того, кто с самого начала был задуман как существо разумное и свободное... Но почему Он оставил людей наедине с этой свободой? А Божественные заповеди? Но люди оказались не настолько разумными и сильными, чтобы выполнять их. Нет... помимо свободы и законов есть нечто еще...» Иосиф не находил названия этому «нечто», но он чувствовал, что оно есть, существует и, порой, посещает его и помогает ему. «Что это? Озарение? Восторг? Божественная благодать? Люди не могут быть брошены своим Создателем... «Ты создал нас для Себя, — пишет святой Августин, — и мятется сердце наше, доколе не успокоится в Тебе»... Надежда на облегчение возрождалась в нем, и, всхлипывая, как ребенок, Иосиф погружался в беспокойный сон.

Так шли дни за днями, складывались в месяцы и годы. «Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою?» Последние силы покидали его, и душевные страдания превосходили физические. Доносы на родного брата, безумная тоска по жене, тревога о детях, глаза матери — все мешалось в его воспаленном мозгу и требовало успокоения. Он снова искал утешения в Библии, днями и ночами мысленно переводил ее на разные языки. Но на всех языках жгли его эти строки: «И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю, разве я сторож брату моему? И сказал: что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли...» Он скрежетал зубами, страшные рыдания сотрясали его иссохшее тело. «Может, любовь затмила мне разум? Любовь к Марии — дар мне от Бога, она поглотила все существо мое, она до последнего дня

будет сжигать меня, пока не превратит в пепел... Она давала мне силы... Но она не могла затмить мою совесть... Совесть? Я исходил из желания очистить ее, когда рука моя писала на брата моего? Я не хотел лгать? Я жаждал покаяния?...»

События недавнего прошлого вновь всплывали в его памяти. Да, он умолял Александра все оставить и не говорить с ним более о политике, но брат бредил одним — самому ехать в Петербург или же в Москву и там, во время коронации, жертвуя собой, убить императора. «Неужели в этом кровавом злодеянии видел он спасение России? «Россия потеряла в том, что я лишен свободы», — сказал он мне, прощаясь, будучи под арестом... Вздор! Все вздор! Он все пустые слова говорил! Он никогда не привел бы их в действие! И сам сатана водил моей рукой, когда я писал императору о преступных его замыслах! Я хотел очистить свою совесть и ... преступил черту! Господи! Почему Ты не поразил меня в тот момент? Боже, великий Боже, отвори мне эти двери, дай выйти из этих стен... Я упаду на колени перед братом моим, я искуплю вину... Перед поруганием нашим, там, на плацу крепости, он ... обнимал меня и плакал! Он попытался понять и простить? Он понял и простил? Или помогал мне?! Боже, благодарю тебя, что не умер он на эшафоте. Ты смилостивился над ним и над братом-Каином...»

Распластавшись на камнях, раздавленный страданиями, он молил об облегчении и воздаянии за муки. Но Небо молчало. Он внушал себе, что надо иметь силу и веру Иова, дабы не отступить от Него. И с ужасом думал о том, что такой силы и веры в нем нет. И тогда все молитвы его напрасны... Бог не слышит его, Бога нет с ним. И самым страшным было это осязаемое одиночество. Он ощущал, как его душа погружается в пустоту и мрак, и смерть казалась ему лучшим избавлением. Когда он чувствовал, что сознание его раздваивается, мысли путаются и нет желания бороться, он молил об исповеди и причастии. Комендант крепости доносил, что «узник чувствует себя в изнеможении сил» и просил прислать священника. Монах Шимановский вновь появлялся в его камере.

— Терпите и доверяйте Ему, — говорил он, — наш разум не в силах понять Его замыслов...

...За стеной крепости глухо бились волны. В маленькое зеленоватое стекло под толстой решеткой неожиданно попал яркий свет луны. Страстное, непреодолимое желание увидеть луну, почувствовать ее вблизи захлестнуло его. Иосиф полез к окну... Откуда взялась в нем эта сила — раздвинуть металлические прутья решетки и просунуть голову в крохотное оконце? Он увидел звездное небо... Торжественно и спокойно оно простиралось над ним. Необъяснимые разумом ощущения пронзили его мозг, наполнили неземным восторгом его душу. Каждой клеточкой своего полуживого существа он почувствовал покой и силу, исходящие с высоты звезд. Все его беды, страдания, все его я растворились, померкли в этой огромной Бесконечности... Слезы, совсем другие, не те, что прежде, струились по его лицу, он задышался от восторга и от любви к этой великой и торжественной тишине мироздания... Его поразила и обнадежила внезапная мысль, что и он, забытый всеми узник, крохотная частица этой необъятной Вселенной, и между ними существует нерасторжимая связь и ... согласие!

Надо было спускаться вниз, но Иосиф не мог оторвать глаз от неба. И вдруг он услышал шаги часового. Он попытался засунуть голову назад и с ужасом понял, что не может этого сделать. Он бился, стонал, молился, плакал... Прошло несколько часов, прежде чем он, весь израненный, спустился вниз... И опять потекли тяжелые дни и ночи. Начались болезненные припадки, выпали почти все зубы, обнаружился солитер... Вызванный лекарь заявил, что у него нет средств вылечить узника. Как только он начнет пользоваться «свежим воздухом и достаточным телодвижением», откроется возможность облегчить его страдания. В течение восьми лет такой возможности у Иосифа Поджио не было...

* * *

Магдалена Поджио продолжала разыскивать старшего сына. В декабре 1832 года, услышав об издании по случаю рождения великого князя Михаила манифеста, по которому уменьшались сроки каторги сибирским пленникам, она вновь обращается в III Отделение: где сын? Граф Бенкендорф отвечает, что в числе освобожденных от каторжных работ и назначенных на поселение в Сибири ее сын не состоит, в положении его не последовало никакой перемены, а посему высылаемые деньги и вещи могут быть адресованы по-прежнему в III Отделение.

У шефа жандармов графа Бенкендорфа с Магдаленой Поджио особые отношения. Эта непокорная итальянка уже доставила ему немало хлопот. Четыре года назад в III Отделение пришел рапорт от военного губернатора Киева о бунтарском поступке помещицы Магдалены Поджио из деревни Яновка Киевской губернии, матери двух государственных преступников. Помещица Поджио запрещала своим крестьянам праздновать День Ангела царя Николая — 6 декабря. «Николай сыновей моих не пожалел, так я не велю и праздновать», — во всеуслышание заявила она. Поступок Магдалены Поджио, «неприличные выражения» в адрес императора не могли пройти незамеченными. Началось следствие. Дело показалось настолько важным, что граф Бенкендорф доложил обо всем царю. Но Николай I проявил «всемилоостивейшее снисхождение к положению и полу госпожи Поджио», и дело прекратили.

...Ей было уже за семьдесят. Маленький Лео воспитывался в семье Бороздиных. На ее попечении — дети Иосифа от первой жены: Софья, Наталья, Мария, Александр. В 1834 году она пишет завещание, по которому назначает сыновьям из доходов имения по 2000 рублей ассигнациями в год, с условием, чтобы деньги вносились в благотворительные учреждения Иркутска и братья пользовались процентами. Прочее состояние она завещает детям Иосифа. Но разрешат ли власти? В прошении на имя министра внутренних дел Магдалена пишет, что сыновья ее лишены всех гражданских прав, находятся в ссылке, а сама она «при старости лет, в болезненном

положении и не желает по смерти своей оставить детей без помощи». Министр без графа Бенкендорфа ничего не решает, а тот отвечает, что государственные преступники братья Поджио лишены всех гражданских прав и состояния, а посему ни на какой капитал по завещанию рассчитывать не могут...

* * *

Вышло так, что события 14 декабря 1825 года коснулись и Андрея Михайловича Бороздина, генерал-лейтенанта, сенатора, верного слугу российских императоров. И все из-за многочисленных родственных связей. Раевские, Волконские, Давыдовы, Поджио, Лихарев... Если бы не родители Михаила Бестужева-Рюмина, то Екатерина Бороздина стала бы женой одного из самых горячих и неистовых заговорщиков. Но разрешение на брак дано не было. Бестужевы посчитали, что сын слишком юн и пока при малых чинах. Теряя Катиш навсегда, Мишель Бестужев полностью отдал себя делу тайного общества. В августе 1825 года 18-летняя Катя Бороздина вышла замуж за подпоручика Владимира Лихарева. Через несколько месяцев его арестовали. А 13 июля 1826 года повесили 23-летнего Михаила Бестужева-Рюмина... Владимира Лихарева отправили в Сибирь, откуда он писал жене письма, которые, по словам жандармского полковника, нельзя было читать «без глубочайшего умиления и сострадания». Поначалу Екатерина Михайловна тосковала по мужу и рвалась в Сибирь. Но Бороздин сумел убедить дочь не совершать столь опрометчивого поступка. В 1836 году она выйдет замуж. А Владимира Лихарева через год, по высочайшему повелению, отправят рядовым в Отдельный Кавказский корпус. Он будет искать смерти и найдет ее. В 1840 году, в бою с черкесами под Валериком, в котором он участвовал вместе со своим другом Михаилом Лермонтовым, 37-летний Лихарев сложит голову. У него найдут небольшой, превосходной работы портрет красивой молодой женщины. «Просто какая-то роковая женщина подле декабристов! Все, кто ее любили, — погибали», — напишет в своих воспоминаниях Евгений Якушкин, сын декабриста. Но о судьбе

Владимира Лихарева сенатору Бороздину знать будет не дано. Он умрет в 1838 году, в возрасте 73 лет...

А сейчас 1833-ий... И Андрей Михайлович живет все тем же желанием — заставить дочерей забыть прошлое. С Екатериной ему намного проще. Она покладиста и сговорчива. Мария продолжает жить и надеяться, несмотря на то, что вот уже почти семь лет пребывает в неведении, где находится ее муж, что четыре года от него нет никаких известий, что сама она уже давно перестала ему писать. Уговоры и доводы отца проходят мимо нее. С тревогой взирает Бороздин на свою старшую дочь, на ее бледное, потухшее лицо, и отводит взгляд в сторону, когда Мария смотрит на него полными тоски и жаждущими ответами глазами. Иногда и у него всплывает в памяти образ красивого и статного итальянца. Но мысли о шлиссельбургском узнике, о том, каким он стал там, Андрей Михайлович гонит от себя прочь. Особенно после этого кошмарного сна, который преследует его уже не одну ночь. Старик-каторжник, заросший длинными волосами, в изодранной одежде, обматывает свою шею толстой металлической цепью, а другой конец протягивает ему. Старик хохочет, пританцовывает, делает какие-то движения руками, будто зовет и его танцевать вместе с ним... Андрей Михайлович просыпается в холодном поту, но, будучи человеком не суеверным, старается забыть этот сон, не думать о нем. Нет..., никакие сомнения не должны смущать его. Он поступил правильно, спас Марию от безумства, от гибели в этой проклятой Сибири. Он оказался более решительным и благоразумным отцом, нежели другие, нежели его родственник, покойный генерал Раевский. И тот грозил дочери проклятием, если она не вернется через год. Он так и не дождался ее возвращения... Мария должна выйти замуж, и этому многолетнему ужасу будет положен конец. Андрей Михайлович помнил: по манифесту 1826 года, 12-летний срок каторги Иосифа был снижен до восьми лет. Значит летом 1834 года истекал срок его тюремного заключения. Надо было спешить...

Когда в их доме стал все чаще появляться 33-летний князь Александр Гагарин, сенатор Бороздин почувство-

вал, что тень 14 декабря вновь проплыла над ним... Нет, нет, он не был ни в чем замешан, не принадлежал ни к одному из тайных обществ. Но имя князя Гагарина мелькало в документах следствия. Бороздин знал это наверняка. В то роковое утро 14 декабря 1825 года прапорщик конной артиллерии князь Александр Гагарин встретился на Петровской площади у здания Сената с Иваном Пуциным и Кондратом Рылеевым. Князь сообщил им, что батарея их не присягнула новому императору Николаю Павловичу и несколько офицеров-артиллеристов пытаются поднять солдат... Следственный комитет решил оставить этот разговор без внимания... Безусловно, князь Гагарин вне подозрений и достойная партия для его дочери.

...Он предупредителен и ненавязчив, все больше в обществе сенатора и на прощанье слегка касается безжизненной холодной руки Марии. Бороздин теряет терпение и готовит дочери еще одно испытание.

— Я открою вам государственную тайну, сударыня, — говорит ей отец. — По вашей милости ваш супруг был заключен в Шлиссельбургскую крепость... Он тяжело болен, сердце его ослабело, он потерял все зубы, почти лишился разума... Я ставлю тебе условие, Маша, если ты дашь согласие выйти замуж, его выпустят из крепости и отправят в Сибирь, если же нет, — его ждет участь узника Шлиссельбурга. Ты догадываешься, что это значит...

* * *

Для сопровождения в Восточную Сибирь секретного узника Иосифа Поджио военный министр приказывает найти надежного фельдъегеря и дать ему наставление, какую он обязан соблюдать осторожность с преступником. 9 июля 1834 года дежурный генерал Главного штаба предписывает поручику Адамову, как фельдъегерю, заслуживающему доверия, строго следить за Иосифом Поджио и «не объяснять о нем никому».

10 июля, ночью, двери камеры Шлиссельбургской крепости раскрылись для Иосифа. Последним взглядом он окинул свое пристанище, в котором провел почти

семь лет. И единственными его собеседниками были духовные книги — 319 томов... Иосифа вывели во двор крепости, где его ждала фельдъегерская тройка. Стояла прохладная и яркая ночь. Тихонько ржали кони, нетерпеливо мотали мордами, словно им хотелось поскорее и подальше умчаться от этих мрачных и зловещих стен. Задыхаясь от нахлынувшего на него воздуха, Иосиф судорожно вцепился в плечо фельдъегеря. С ужасом смотрели жандармы на полуживого шлиссельбургского узника, на его радостные попытки сказать им что-то очень для него важное. Но они не понимали его — он издавал глухие, нечленораздельные звуки и улыбался перекошенным и беззубым ртом... Иосиф ощущал себя счастливейшим из людей — от вновь обретенного звездного неба над головой и ночной свежести, исходящей от черной глади Невы, от человеческих голосов и лиц, его окружавших, от вспыхнувшей надежды на встречу с женой... Он не мог знать, что Марии Поджио больше нет, а есть княгиня Мария Гагарина...

В.В. РОЗАНОВ

ИДИЛЛИЯ НА ВУЛКАНЕ

(Неизданная статья 1919 г.) *

...Я не преувеличиваю, я видел. И в словах моих нет ни минуты воображения.

Но сперва зрительные, осязательные и пр. впечатления. В комнату мою, в «кабинетик-спальную», какую Бог послал, входил сутулясь весь и весь конфузясь, старичок лет 55, — близко от 60-ти.

— Аксенов. Живу по вашей же улице, наискосок лавочки по Вифанке... Вифанка — это длинная, тягучая с углами, улица в Сергиевом Посаде, пересекающая весь Посад, «но по сторону» от крепости-Лавры, с заключенными внутри ее собором, монастырем и Духовною Академиею.

Я устало встал. Старичок держал в руках письмо.

— От моей жены, которая лежит больная. Но как только встанет, она тоже будет у вас. Она сотрудница «Вешних вод», — журнала студенческого, где и вы участвуете. Она там ведет рассказ «Из глубины веков», — в беллетристической форме ознакомляя читателей с египетскою жизнью...

— С египетскою жизнью? удивился я, невольно заинтересовавшись темою, с какою сроднился вот уже двадцать лет. — Но это так трудно... Такая огромная литература, полная противоречий. Как она справляется?

Я был уверен, что это что-то если и не пустое вовсе, то и не серьезное... Тут трудится Крыжановская, теософы, дамы... Тут сфинксы, пугала и колдовство. «Ах, зачем преждевременно копаются эти копуши, нарушая священное молчание, которое так шло и идет к Египту, так хорошо укрывало и укрывает Египет».

И я лениво распечатал письмо.

Сотрудница журнала, долго не получая от редактора его, молодого консерватора М.М. Спасовского, никаких писем, извещений, уведомлений, — просила меня уведомиться, в каком же положении журнал, «выходит» ли,

* Как явствует из самого текста статьи, она писалась В.В. Розановым в последний год его жизни в Сергиевом Посаде, сохранилась в архиве П.И. Медведева. Печатается по рукописи.

«печатаются» ли что-нибудь. Ах, «журнал» тоже «фабрика», а все фабрики теперь остановились и журналистика, как и «газетное мастерство», испытывают теперь, едва ли не ранее всех ощутила на спине своей, и что окаянее всего, в брюхе своем, «ликвидацию буржуазного строя»... Сотрудников много, но «где печататься»? Издатель, как «буржуй», посажен в тюрьму за «преступления буржуазного строя», рабочие разбрелись и наборщик стоит у ворот тоже впрочем остановившейся ткацкой фабрики. Паралич прошел по двигательному нерву «производства», увы, не умертвив желудочных нервов и всяких остальных окаянных «чувствующих» нервов того же самого «производства»... И вот она пишет, спрашивает, плачется, и оговаривается:

«Вы в своем *Апокалипсисе* призываете нас обратно к культу финикийского солнца. О, силы небесные!.. Активные элементы нашей Государственной Думы сделали то, что страницы *русской* истории откинулись назад на двести лет. Каким образом могла вам придти мысль перечеркнуть страницы уже *всемирной* истории и откинуть все назад на 2500 лет. Я потрясена и как во сне, полном фантастических видений»...

Прямо так горячо. Но «слог», «стиль» не обнаруживают «невежественного копания» в Египте, а говорят о какой-то жизни души, сливающейся или возможном ее слиянии с древним миром. «Финикийский культ солнца»... И я не мог же не поразиться, до чего странно, что евреи, семиты, которые так часто в своей истории уклонялись и имели какую-то сомнамбулическую почти склонность уклоняться к этим финикийским «солнечным культам», теперь в Европе, в чужих странах, в чуждой себе истории, преодолевают в количестве маленькой горсточки народца колоссальное население целой части света! Преодолевают; и явно, активно овладевают средствами нашей цивилизации, не ими начатой, не ими два тысячелетия веденной. Что за тайна? Явно: тайна силы! Какой? — Органической, живой. У них солнышко горит в крови, а у нас какая-то мокрая лужа, «хлад и сон сердец». Не забудем, что не только в политической экономии и социальных движениях царят Маркс и Лассаль, но и в философии царственный пункт принадлежит Бергсону и Когену. Это что-нибудь значит, что-нибудь выражает

собой, человек — что стоит? Но против Солнышка как попрати. И в «Апокалипсисе» я стал искать сил солнца, его великих растительных, зиждительных сил. «Ах, если бы на Руси загорелось настоящее солнышко». «Ах, если бы Европу осветило, — осветило и просветило, — полное солнышко, горячее солнышко. Солнышко юга и вот тех финикийских и халдейских стран, цивилизаций, историй».

Я расспросил мужа, — и оказывается, кроме «этой дребедени» — немецкого, французского, английского языка, — жена его читает еще на пяти языках; что ей принадлежит перевод Сервантеса, вызвавший одобрение Академии наук, и некоторые другие классические переводы из Вальтер-Скотта и Бичер-Стоу. Историю же Египта, Финикии и всего Востока она любит беззаветно и занимается ею много лет.

«Это все в Сергиевом Посаде», подумал я, «где кроме колоколов ничего не звонит и никто не думает».

Расспросил и мужа о его прошлом. Род из богатого московского купечества. Прадед или дед его, однако, при занятии французами в 12-ом году Москвы, «сжег все свои дома»! И с тех пор род ослабел, «и мы вот с женой занимаемся литературой». «Она пишет, а я уж держу корректуру, и кое в чем помогаю».

Мне мелькнуло что-то героическое и я решил познакомиться. «Тут, на углу возле лавочки потребительской», — на заднем дворе и куда-то в яму, приютилось, как ласточкино гнездо из глины, помещенье-флигелек, всего в одну комнатку с прихожей. Платят 20 рублей. Все чисто, литературно. Оказывается, своим переводам она и счет потеряла. Работали «они» долго на одну богатейшую московскую книгоиздательскую фирму, с которою, увы, разорвали связь, когда она начала издавать «аховую» социал-демократическую газету с откровенным сивушным запахом. «Нас звали и туда, для работы, но мы оба — монархических убеждений». «А затем дело расклеилось и с переводами».

Совсем герои. И такие маленькие. Но я не сказал об «ней». В противоположность мужу, мягкотелому, крупному, чуть-чуть обломовского русского типа — она маленькая, худенькая, и вся горит, вся непрерывно пламенеет. «Мы идеалисты и ни на какой компромисс не пойдём».

— «За убеждения свои я всегда готова умереть. Он — тоже». Но я наблюдал связность «их двух»: в мелочах обращения, ставленья самовара, в обращении — совершенно старосветские помещики, как их описал еще Гоголь в незабвенном Афанасии Ивановиче и Пульхерии Ивановне.

«Ах, русские люди, русские люди!» — думал я. «Какие вы странные, какие вы славные, — какие вы мучительные *для мысли*». Писательскую богему я давно знаю, и знаю, до чего в конце концов и под давлением главным образом нужды ремесло залило в ней всякое искусство; и, что грустно особенно, — залило *художественную душу*, порыв к идеалу... Как и «правые» писательские, домашние, семейные — не из лучших, не из завидных...

Я не знаю, что говорю, и, главное, — к чему. Мне хотелось сказать о русской интеллигенции. Развеели бури ее мечты. Их надписи на знамени стерты, и самое знамя вывалилось или вываливается из рук. Во всех углах и на всех перекрестках ее клянут. И повинна в бедах отечества она неисчетно. Однако, если спросить: «Но *где* же и в *ком* спасение?» то только и можно ответить: — «В этой же интеллигенции, и ни в каком другом классе, формации населения. Ибо все прочее только косо и недвижно. Колокол без языка. Тот Иван Колокол, который повалился. Интеллигенция есть единственный нерв нашей жизни. И вся боль этой жизни, страдание и мука — в ней. И нам от нее уже некуда уйти, исторически некуда. Книга есть все-таки книга, идея есть все-таки идея, культура всемирная и всечеловеческая есть все-таки именно всечеловеческая и всемирная культура. Из связи времен и всемирного нерва нам нельзя выкинуться. Но для этой больной и страдальческой интеллигенции прежней приходит пора великой переработки. С тою же бесконечной энергией, с какою она уложила век бытия своего на разрушение, — одно разрушение и только разрушение, — доведя его до «Дна» Горького и «Ямы» Куприна, до последней трухи последней бессмыслицы, — с таковою же бесконечною энергией она должна возродить «Феникса из пепла», начать восстанавливать, воссоздавать. Мы довели историю свою до мглы, до ночи. Но — перелом. К свету, к рассвету! К великим утверждениям. К великим «да» в истории, на место целый век господствующих «нет».

Никита СТРУВЕ

ЕЩЕ ОБ АВТОРСТВЕ «РОМАНА С КОКАИНОМ»

В историческом альманахе «Минувшее» напечатана статья Г. Суперфина и М. Сорокиной, подводящая итоги их настойчивым и кропотливым архивным розыскам по восстановлению судьбы Марка Людвиговича Леви, скрывавшегося под псевдонимом М. Агеева.¹ Надо воздать должное обоим исследователям: им удалось установить биографические данные, легшие в основу «Романа с кокаином»: московская гимназия Рихарда Францевича Креймана (в романе Рихарда Себастьяновича Кеймана), в которой преподавали изображенные — без изменений фамилий — учителя немецкого и русского Фон-Фолькман и Семенов, и где учились не только сам Марк Леви, но и тройка героев романа, русский Буркевиц, еврей Айзенберг и армянин Тикиджянс (в романе Такаджиев).

Теперь с достаточной точностью установлено, что Марк Лазаревич (или Людвигович) Леви родился в 1898 г. в московской купеческой семье, после гимназии учился на юридическом факультете, работал в разных коммерческих советских учреждениях, в 1925 выехал в Германию, где купил себе парагвайский паспорт, в 1930 переехал в Стамбул, где, вероятно в 1939, стал советским подданным и откуда, в качестве такового, был выслан турецкими властями в 1942. В СССР он проживал в Армении, преподавал в Ереванском университете немецкий язык, обзавелся семьей и умер в 1973, 75 лет от роду.

К исследованию приложен ряд документов, в частности автобиография М. Леви 1939 года, написанная для советского консульства, в которой он о своей литературной деятельности не упоминает, но и справка консула, где, со слов Леви, о романе говорится: «Леви указывает, что это безобидная книжка, в ней не содержится ни одного слова, направленного против СССР (что неверно,

¹ «Минувшее», том 16, Москва 1994, стр. 265–288.

Н.С.), и вообще его вынужденное (sic!) произведение, написанное ради своего существования».

На основании всех этих данных (к ним еще нужно прибавить два коротеньких письма М. Леви и о нем Г. Иванова, найденные и опубликованные Б. Радвиным),² Г. Суперфин и М. Сорокина заключают, на наш взгляд несколько поспешно, что «проблема авторства «Романа с кокаином» решена. Литературной тайны, будоражившей столько лет воображение маститых литературоведов и поклонников «М. Агеева», больше не существует».

Однако авторы статьи, не выходящие за пределы биографизма (мы не знаем их личной оценки романа), не отвечают совсем или же крайне бегло и сбивчиво на три основных литературных вопроса, которые заставляют предполагать, что Агеев-Леви лишь (или отчасти) подставное имя, а что подлинным автором романа является не он, а опытный писатель, каким мог быть только В. Набоков-Сирин.

Первый вопрос (единственный, который ставят наши архивисты). «Почему Леви не обнаружился после появления хвалебных рецензий на роман»? Ответ они находят в самом «Романе»: «...сплошь да рядом уже случалось, что зарекомендованные знаменитости, эти пятерочники изящного искусства, получали у своих критиков восторженные отзывы даже за такие слабые и безалаберные вещи, что будь они созданы кем-нибудь другим, безымянным, то разве что в лучшем случае он мог бы рассчитывать на такаджиевскую тройку. Главной же трудностью (...) была не его безымянность, а что гораздо хуже, годами установившаяся репутация посредственного троечника...»

Но ведь с Агеевым-Леви случилось ровно обратное: за свое безымянное, *первое* произведение он получил как никто другой (включая к тому времени и знаменитого уже Набокова) сплошь хвалебные, если не восторженные отзывы, самую что ни на есть пятерку. Ведь Мережковский сравнил Агеева с Буниным и с Набоковым, даже

² «Даугава», 1992, № 2.

поставил его выше их, увидя в нем Достоевского 30-х годов...

Второй вопрос (поставленный Мережковским).

Как мог новичок в литературе написать такое блестящее произведение? Когда он успел «выписаться»? От себя добавим: как мог такой несомненный талант к литературе больше никогда не прикоснуться?

Третий вопрос (поставленный нами).

Как объяснить, что «Роман с кокаином» не только стоит на уровне бунинско-набоковского мастерства, но содержит в себе *все* темы и *все* приемы набоковского письма?³

Четвертый контр-вопрос.

Нам возразят: а биографические реалии романа, восходящие к гимназическим годам Марка Леви?

Мы никогда не отрицали, что М. Леви-Агеев был посредником-участником в мистификации, организованной Набоковым (для посрамления эмигрантских критиков). Следует предположить, что М. Леви сообщил свои гимназические реалии Набокову, которые кстати соответствуют и обстановке в Тенишевском училище: в набоковском классе, согласно его рассказам биографу Андрию Фильду, тоже была тройка, состоящая из блестящего еврея, смешного армянина и русского смельчака. Возможно и большее: Агеев-Леви мог набросать повесть из своей жизни, заново переписанную Набоковым (гипотеза проф. Ингольда). Случаи совместного писания Набокова с другими известны.

Остается еще один интригующий вопрос: почему Набоков-Сирин не отозвался ни единым словом на роман, столь близкий по манере и по стилю его собственным? Не потому ли, что он был его автором или со-автором?

³ См. наши анализы: «К разгадке одной литературной тайны». Вестник РХД, № 144, 1985, стр. 165-179 и № 146, 1986, стр. 156-175. В переработанном виде: «Роман-загадка», послесловие к изданию «Романа с кокаином» в «Художественной литературе», М., 1990, стр. 200-221. И, наконец, на французском языке, «Nabokov est-il l'auteur de Roman avec cocaïne» in *Cahiers de l'émigration russe*, 2, Institut d'Études Slaves, Paris, 1993, p. 51-55.

Но нам могут предложить и другой, шестой, вопрос (и вряд ли он будет последним): а почему, если Набоков и впрямь автор, и он впоследствии никогда «не обнаружился»?

Итак, проблема авторства «Романа с кокаином» совсем не решена. Несмотря на новые открытия она продолжает оставаться литературной тайной.

СУДЬБЫ РОССИИ

В.И. СОКОЛОВ

МЯТЕЖНОЕ ДЕТСТВО

(Главы из воспоминаний)

В основу рукописи положены документы, возможность ознакомления с которыми была предоставлена автору Президентом Казахстана. Речь идет о деле шести священников, включая и моего отца, расстрелянных в период истребления духовенства в последние месяцы 1937 г. Само «дело», как типовое для того глобального злодеяния, представляет исторический интерес не только специфичностью цели уничтожения носителя нравственного начала народа, подвергаемого духовному насилию, оно необычно и примененными в данном случае средствами, лживый и шулерский характер которых ярко выступает из прорех разорванных покровов Государственной Тайны.

Вышеуказанный документальный материал расширен за счет изложения недостаточно известных фактов религиозных гонений сталинизма.

Сюжетной осью повествования является многострадальная жизнь отца автора, священника И.Д. Соколова, выпускника Московской Духовной академии, впитавшего все ее позитивные традиции, преданного ученика выдающегося богослова о. Павла Флоренского.

Из безвестности возникают неистребимость духа и величие духа как самого патриарха Тихона, его митрополитов Петра, Вениамина и др., так и верных его сподвижников, священников: Флоренского, Воробьева, Соколова, Никольского, Канделинского и многих других упоминаемых в рукописи. На основании личных впечатлений и документов автор рассказывает о парадоксальном феномене, когда один и тот же церковный деятель, первоначально протоиерей, а в дальнейшем обновленческий митрополит Александр Введенский выступает как оппонент Луначарскому и другим антирелигиозникам в качестве защитника религии и одновременно проводит работу по разрушению православной церкви по планам ЧК-ГПУ.

В рукописи автор пытается восстановить забытый эпизод, когда гонители уже праздновали победу над религией, в 1937 г.

НКВД в Смоленске обнаруживает существование тайных богослужений под развалинами кремлевской башни и организует форменный штурм «советских катакомб».

Автор старается документально показать тщетность усилий сохранения тайны антирелигиозных злодеяний в отношении истребления русского духовенства, даже в отношении дат расстрелов.

За десятилетия атеистического воспитания наши души очерствели. Поток бездуховной, но прибыльной литературы продолжает дело убийства доброго начала в душах, и вместо сострадания и человечности произрастает равнодушие, трагические результаты которого известны еще по примеру Пилата.

В других случаях, расцвели эгоизм и недоброжелательство, ведущие к междоусобицам и кровопролитиям. Однако широкое ознакомление с делами и судьбами людей, своею жизнью заплативших за сохранение христианской традиции и доказавших незыблемость тезиса «Врата ада не одолеют Церковь», должно служить цели смягчения наших душ. Наоборот, замалчивание сделает нас соучастниками злодеяний.

+++++

(Штамп Прокуратуры
по-казахски)

(Штамп Прокуратуры
по-русски)

Герб

121248 г. Москва, Кутузовский
проспект, д. 2/1 кв. 181.
Соколову В.И.

Ваше заявление, поступившее в облпрокуратуру, нами проверено. Сообщаю, что Ваш отец Соколов Иван Данилович, 1879 года рождения, был арестован 13 ноября 1937 года органами НКВД и ему было предъявлено обвинение в том, что он является активным членом контрреволюционной группы церковников.

Постановлением особой тройки УНКВД по Восточно-Казахстанской области от 25 ноября 1937 года Соколов Иван Данилович был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Постановление приведено в исполнение 28 ноября 1937 года. Место захоронения не известно.

Постановлением президиума Семипалатинского областного суда от 26 марта 1966 года постановление особой тройки УНКВД по

ВКО от 25 ноября 1937 года в отношении Соколова И.Д. отменено, а дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Свидетельство о смерти Соколова И.Д. 1879 года рождения Вы можете получить в отделе ЗАГСа Бескерегайского района Семипалатинской области.

Первый заместитель
прокурора области
старший советник юстиции

(подпись) Б.К. Кенжебеков.

Мне было 4 года, когда произошла Февральская революция. Мои родители с тремя детьми проживали на казенной квартире при Орловском женском епархиальном училище, инспектором которого был мой отец Иван Данилович Соколов. Училище было расположено в самом центре города на Болховской улице, на бывшей территории женского монастыря. Здания последнего подверглись значительной реконструкции. От монастыря остались лишь Введенская церковь, расположенная в центре большого двора, да красивая легенда о его настоятельнице, как говорили, вдохновившей И.С. Тургенева к написанию романа «Дворянское гнездо».

У меня сохранилось в памяти уважительное отношение к отцу преподавателей и персонала училища и подлинно дочерняя любовь к нему учениц, особенно сирот, прибывших из разоренных мировой войной западных губерний России.

Энергичный тридцатисемилетний инспектор за несколько лет своей службы в этой должности, после окончания курса в Московской Духовной академии, добился разительных результатов в улучшении учебной подготовки и воспитания девочек и организации их быта. Он посещал занятия всех преподавателей, изменял учебные планы. Добился значительного пополнения училищной библиотеки произведениями русской классики и укомплектования физической лаборатории учебными приборами. Он выписал из Петрограда швейные машинки фирмы Зингер для обучения учениц машинному шитью

и из московского магазина Мюр и Мерелиз только что появившиеся механические полотеры для лучшей уборки помещений общежития. Все это требовало больших усилий. Он был частым ходатаем и в стенах консистории, и городской управы, и других присутственных мест. А однажды епископ Орловский Павел, к которому инспектор обратился за очередным финансированием, в раздражении даже замахнулся на него палкой, на которую всегда опирался из-за врожденной хромоты.

Помимо ежедневных административных и учебных забот у инспектора были и другие, обусловленные наличием у него священнического сана. По воскресеньям он совершал литургию в училищной церкви, где присутствовали почти все ученицы, часть которых составляла хор. После каждой службы инспектор — о. Иоанн — проносил проповедь, которую очень любили слушать ученицы. Происшедшая Февральская революция первоначально мало изменила ход нашей жизни. Разве что усилились разговоры о митингах различных партий, которые любила посещать моя мать. Последнее светлое воспоминание моего детства связано с выездом нашей семьи на дачу в мае 1917 г., в село Лепешкино под Орлом. Хорошо помню «казенную лошадь», красивого в яблоках рысака, принадлежавшего училищу, на котором произвел наш выезд. Все радовало мое детское воображение: и радушие наших дачных хозяев — семьи сельского диакона Введенского, и прекрасный парк в имении Остен-Сакена с вековыми деревьями и множеством ягод и грибов, и компания военных летчиков с аэродрома, находившегося поблизости, вежливых и веселых молодых людей, ухаживавших за местными барышнями, среди которых была и моя сестра. Здесь же я получил первое знакомство с жизненной драмой, когда на моих глазах разбился при взлете тогда еще весьма несовершенный аэроплан с летчиком по фамилии Комод, за пять минут перед этим простившимся с моими спутниками.

Мой отец радовался поддержке его деятельности в училище со стороны вновь назначенного епископа Орловского Серафима (Остроумова). Отца радовали и позитивные перемены в церковной жизни. В середине

августа был открыт в Москве поместный собор Русской Православной Церкви, восстанавливалась древняя церковная традиция выборности иерархов церкви после постыдной практики вмешательства в церковную жизнь таких исторических персонажей как Распутин.

Однако к концу 1917 г. епархиальное училище оказалось в центре бурных событий. Неожиданно зданием овладел вооруженный отряд, руководимый питерским рабочим Сухоносом. Последний объявил город Орел и его предместья независимым государством. Нам, детям, еще не было понятным происходящее. Однако вполне доходило до сознания услышанное в обрывках разговоров взрослых, что Сухонос, во время устроенной им вечеринки и будучи не вполне трезвым, застрелил одну барышню.

Однажды, проснувшись утром, мы увидели под своими окнами установленные артиллерийские орудия, а днем началась артиллерийская дуэль с частями Красной армии, наступавшими со стороны института благородных девиц. К вечеру сухоносцы отступили к вокзалу, но эвакуироваться по железной дороге не успели. Настигшие их красноармейцы тут же у станции расстреляли Сухоносова.

На какое-то время установилось равновесие в отношениях между учебным заведением и небольшим армейским гарнизоном, занявшим после Сухоносова часть помещений училища. Однако не обходилось и без инцидентов. Отец, проходя как-то мимо дверей училищной церкви, обнаружил на них укрепленную бумагу с приказом по гарнизону. Плакат находился на самом видном месте и мешал открыванию церковных дверей. Отец перевесил бумагу на ближайшую стену. Появившийся внезапно возбужденный человек в кожаной куртке, нервно вынимавший из кобуры наган, набросился на отца с обвинениями его в саботаже и угрозами «поставить к стенке». Спокойный тон разъяснений отца охладил пыл человека в кожаной куртке. Тот представился как военный комендант Кузьмин, а через два дня привел свою сестру, с просьбой принять ее в училище.

Жизнь учебного заведения снова вошла в спокойное русло. Пожилой швейцар, носивший большие усы, степенно проходил по коридорам училища в начале и конце каждого урока и массивным колокольчиком подавал необходимый сигнал. Ученицы бежали в буфет, а преподаватели шествовали в учительскую. Дети учителей и персонала, проживавших в училище, целыми днями играли во дворе, пользуясь вместо игрушек валявшимися прямо на лужайке патронами и гильзами. Солдаты охотно демонстрировали ребятам устройства винтовок и пулеметов, а бывшие среди них китайцы показывали невиданные заморские часы, компасы и т.д.

Неожиданно училище захватил отряд матросов. Это было в начале февраля 1918 года, когда вечером, перед тем как укладываться спать, мы услышали нарастающий шум и выкрики. Вдруг дверь, ведущая из нашей квартиры в коридор, с грохотом распахнулась и внутрь ворвалось несколько вооруженных матросов в бескозырках в сопровождении испуганных служащих училища. Тогда я впервые увидел людей, в последующем ставших хрестоматийными. Грудь каждого из них была крестообразно обвязана патронными лентами, на поясах висели гранаты, в руках были винтовки, а на боку висели шашки.

Вооруженному отряду противостояла группа трех детей с встревоженной матерью и вышедшим навстречу отцом, на лице которого было написано явное возмущение.

Увидев отца, они стали требовать какие-то ключи, утверждая, что в помещениях училища спрятано оружие и царские портреты. Не теряя самообладания, отец пытался объяснить матросам, что никакого оружия в училище нет, а в комнатах 2-го и 3-го этажей находится общежитие девочек-учениц, в основном сирот, которые уже спят и не следует их беспокоить криками. Это объяснение вызвало еще большую злобу людей в бескозырках. Особенно возбужден был один матрос с вытаращенными и ненавидящими глазами, который вдруг с размаху ударил прикладом винтовки по лицу отца. Я с ужасом увидел на месте головы отца сплошное кровавое пятно. Эта картина запечатлелась в моем детском мозгу на всю

жизнь. Я не знаю, что предпринял бы дальше озверевший матрос, очевидно вообразивший, что он берет крепость, но отчаянный крик моей матери оглушил всех, а ошеломленный матрос уже старался освободиться от вцепившихся в его лицо рук моей матери. Мы со старшим братом оказались в соседней комнате, куда нас кто-то вытолкнул. Здесь мы упали на колени перед образами, слабо освещенными лампадой, с горячей молитвой о спасении отца. Но вот мы очнулись от новой волны суматохи и бросились обратно. В соседней комнате оказались те же лица, исключая отца. Как оказалось, во время замешательства швейцару как-то удалось вытащить отца в коридор, откуда его, обливающегося кровью, увели сторожа за пределы здания. Матросы же продолжали оставаться в квартире, обшаривая шашками все закоулки, разыскивая отца. Вскоре жена швейцара увела нас к себе.

В то время, как описанное событие воспринималось моей семьей как драма, в историческом аспекте это был трафарет. Менее месяца до этого отряд матросов напал на территории Киево-Печерской лавры на митрополита Киевского и Галицкого Владимира. Исход того нападения был предопределен. Орловская педагогическая общественность была потрясена происшедшим в епархиальном училище. Возмущение вылилось в обращение депутации преподавателей города к председателю Совета рабочих и солдатских депутатов Квапинскому. Совдеп отмежевался от действий матросов и в доказательство своей позиции выдал инспектору следующее удостоверение:

«Исполнительный комитет Совета Рабочих и Солдатских депутатов дает сие удостоверение в том, что предьявитель сего Инспектор орловского Епархиального женского училища ИВАН ДАНИЛОВИЧ СОКОЛОВ пользуется полнейшей личной неприкосновенностью. Без предписания Исполнительного Комитета, НИКТО не имеет права лично его задержать. Подписи: Председатель, секретарь. 16/3 февраля 1918 г. № 840». (Из архива КГБ). Данный документ является пришедшим из далекого прошлого вестником всеобщего глубокого уважения к личности глубоко честного и гуманного человека. Здесь

утверждается полнейшая личная неприкосновенность его, следовательно, никто не имеет права его ударить, лишить свободы и т.д.

К приведенному документу имеется и глубокого смысла подтекст. Не прошло и двух недель после события, как пришло известие, что председатель Совдепа, подписавший удостоверение, убит при столкновении его отряда с той же группой матросов при попытке призвать ее к порядку.

В том же 1918 году нас постиг новый удар. Совнарком принял постановление о закрытии всех духовных школ страны. На основании этого постановления Епархиальное женское училище было закрыто, а в его здании образована 8-я Советская школа. Часть преподавателей и учащихся училища передавались школе. И.Д. Соколову было сообщено, что его как священника принять в школу не могут не только инспектором, но и обычным преподавателем. Кроме того квартиру при училище он должен освободить. Коллеги по училищу, знавшие отца как широко образованного и честнейшего человека, были поражены невозможностью применения его способностей в новом обществе. Отставка И.Д. Соколова получила большой резонанс и у бывших его учениц. Одна из них работала в Москве в аппарате Ленина. Она нашла возможность сказать Ленину о талантливом и честном человеке, оставшемся за бортом потому, что он священник. Ленин ответил. — Нам бесконечно нужны талантливые, знающие и честные люди. Но интеллигенция отказывается с нами сотрудничать. Передайте этому человеку, что мы найдем ему интересную для него работу, но конечно при условии, что он порвет с религиозным дурманом. — Условие Ленина было совершенно неприемлемо для отца. Он сообщил людям, передавшим предложение Ленина, о своем полном несогласии с ним по принципу «цель оправдывает средства». Тогда эта формула казалась мне загадочной, и потребовалось много времени для ее понимания. В то время нашлись священники, сознательно отдавшие себя новым идеям. Наиболее ярким примером явился священник Спас-Колтовской церкви Петрограда Галкин, сделавшийся активным со-

трудником VIII Отдела Народного Комиссариата Юстиции. Он активно включился в антирелигиозную борьбу с почитанием мощей святых православной русской церкви, естественно отказавшись от духовного сана.

Нашей семье пришлось срочно переехать на частную квартиру в доме на углу Николо-Песковской и Пуховой улиц. Епископ Серафим предложил отцу, продолжая служить в училищной церкви, начать работать в орловском епархиальном совете при епископе. Я довольно часто сопровождал отца на его новую работу, но не представлял, чем там занимаются. Внешне это выглядело так: проделав пешком большой отрезок пути от нашего дома до архиерейского, расположенного на крутом берегу Оки у Успенского собора, мы поднимались по лесенке на второй этаж в обширные и светлые комнаты, где находилось человек 15-20 светских лиц, работавших у заваленных бумагами столов. Из большой канцелярской комнаты мы проходили в менее просторную комнату, в которой за длинным столом на стульях сидело несколько членов совета в рясах и одна машинистка-секретарь. Поодаль находился небольшой столик председателя совета протоиерея Петрова. По прибытии я обычно некоторое время находился на балконе, выходящем в архиерейский сад. Обычно это длилось минут 15, вплоть до выхода из дальних покоев епископа Серафима. Обычно он останавливался в дверях и всех благословлял, выстроившихся по старшинству в очередь. Последним под благословение подходил я. Мне очень нравилось целовать перевитую четками надушенную руку архиерея, тем более чувствовать после благословения эту руку у себя на голове и струящуюся по шее нить четок. Затем епископ выслушивал доклады председателя и некоторых членов совета. Отдав необходимые распоряжения, хозяин иногда звал меня в свои покои, пропитанные ароматом ладана. Затем ласково, но и настоятельно предлагал мне помолиться рядом с ним перед большими, сверкающими позолоченными окладами образами в углу, освещенными несколькими разноцветными лампадами. Затем появлялся келейник Петр, хромой мужчина с большой бородой. Тот приносил редкие по тем временам лакомства,

которыми владыка угощал меня, расспрашивая о моих близких и не забыв послать им гостинцы. Я подходил вновь под благословение и уходил с ощущением уносимого тепла и радости.

В первые годы после революции люди ждали чудес и знамений. В феврале 1918 года в Москве над Храмом Христа Спасителя видели крест, образованный лучами заходящего солнца. Были слухи о неожиданном обновлении икон. В Орле как-то зимой пронеслась весть о чудесном цветении засохшего с осени венка, лежавшего на одной из икон. Это известие многих волновало, и народ повалил в ту церковь, где объявилось чудо. Совдеп создал комиссию для расследования данного события с привлечением представителя епархиального совета. В комиссию вошли преподаватели ботаники и физики школ, а от епархиального совета мой отец, прославившийся как универсально образованный человек. В докладе совету, представленном отцом, подтверждалась уникальность события и точность протокольных данных. Однако в докладе было отмечено, что Христос против порабощения человека чудом, за свободную веру, а не чудесную. Христос не хотел веры от чуда, веры насильственной, основанной на внешнем факте. Поэтому мистификация чуда церковниками исключена.

Зарботка отца явно не хватало для содержания большой семьи. Мало что дало в этом плане поступление на канцелярскую работу моей старшей сестры. Старые коллеги отца помогли определить старшего брата в детский дом, так называемую детскую колонию, находившийся в 150 км к югу от города Орла. Меня определили в детский дом для дошкольников, так называемый Дом свободного ребенка. Отец продолжал бывать в бывшем училище и даже состоять в учебном совете школы, но не получая за это вознаграждения.

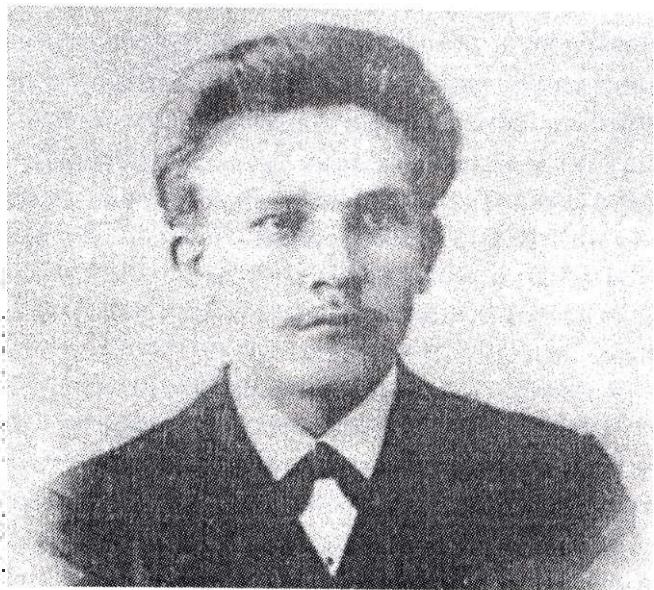
В солнечный сентябрьский день 1919 г. в окно нашего дома постучался оборванный грязный мальчик, имевший вид беспризорника. Вышедшая на улицу моя мать к своему ужасу в мальчишке узнала своего сына, а моего старшего брата. В шевелюре виднелось множество насекомых. До выяснения причин неожиданного появления

сына мать вынесла на улицу таз и ведро воды и устроила тут же импровизированную баню. Только после этого она узнала, что приют, где был сын, оказался в районе боев между конницей генерала Мамонтова и Красной армией. Персонал разбежался, и ребята оказались брошенными на произвол судьбы. Сколько брошенных ребят добралось домой, так и осталось неизвестным.

Неожиданно в начале октября в Орел переехал из Колозла штаб южного фронта, и сразу стала чувствоваться близость фронта. Колокольню б. училищной церкви, где служил отец, опечатали военные власти. Школьная администрация сообщила отцу о приказе быть готовыми к эвакуации без имущества школы. В случае временного выезда из школы персонала просили отца присмотреть за инвентарем лабораторий и книгами библиотеки.

Еще 25-го сентября 1919 г. в Москве было выпущено послание патриарха Тихона, в котором говорилось: «Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления. Пастыри церкви должны стоять выше и вне всяческих политических интересов, должны помнить канонические правила святой церкви, коими она возвращает своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны ...а тем более делать богослужebные обряды и священнодействия орудиями политических демонстраций, ... блюдите себя от творящих распри и раздоры, повинуйтесь вашему человеческому начальству в делах внешних, не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти, подчиняйтесь ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию». (МЦВ № 13, 1989). Данное послание являлось важнейшим ориентиром в условиях гражданской войны и сохранило много жизней верующих.

На состоявшемся в начале октября 1919 г. заседании Орловского епархиального совета мой отец внес предложение принять советом рекомендацию всем настоятелям и старостам церквей г. Орла в случае вступления в город белой армии печатей с входов на колокольни не снимать и духовенству не служить молебнов о даровании победы. Это предложение было принято большинством голосов членов совета, что соответствовало посланию патриарха.

Иван Данилович Соколов до принятия сана.

1922 г. Орел. Справа налево: прот. И. Соколов; сыновья Николай и Василий, матушка Юлия Ивановна, дочь Эмилия.

Орел. Справа о. Иоанн, матушка Юлия Ивановна, дочь Эмилия. Сидят: сыновья Николай и Василий.

Мне хорошо запомнился солнечный день 12 октября, когда из окна моего детского дома я увидел своего брата, шедшего за мною. Мне так хотелось скорее попасть домой, что я решил пожертвовать обедом и выбежал навстречу брату и с ним пошел домой, ведя беззаботный разговор. Высоко над нами вдруг что-то прожужжало в направлении к центру города. — Это снаряд, — произнес брат.

В тот вечер мои домочадцы легли спать довольно рано. Ночью я проснулся от звука сильного взрыва и дребезга вылетающих стекол. Комната была освещена, и взрослые стояли посередине, будучи одетыми. Старший брат продолжал спать. Ночь была довольно прохладной, судя по потоку воздуха из разбитой фрамуги болконной двери. Мать, став на стул, наскоро затыкала подушкой образовавшееся отверстие. Последовал новый взрыв, но уже не повлиявший на целостность стекол, однако разбудивший брата. Наступившую тишину нарушил голос отца, сказавшего, что очевидно взрывают железнодорожные мосты Курской железной дороги, расположенные недалеко от нашего дома. В последующее время взрывов не последовало и наша семья снова начала укладываться спать. Проснувшись поздно утром, я обнаружил дома одну мать, которая в это время еще не оправилась от перенесенного воспаления легких. Во второй половине дня мы слышали шум на улице и трезвон колоколов ближайшей к нам Николо-Песковской церкви. Хотя в этот день и был канун Покрова, для трезвона не было никаких оснований. Выбежав с матерью на крыльцо, мы увидели движущуюся рысью конницу, с всадниками, держащими пики наперевес, причем плечи их украшали погоны, от которых все уже отвыкли, а я, казалось, видел их в первый раз. Высыпавшие на улицу обыватели восторженно размахивали платками, а некоторые трехцветными флагами и кричали «ура». Особенно старалась наша хозяйка Закржевская. Прибежавший из города брат сообщил, что впереди колонны конников на пролетке ехал генерал. Со стороны центра слышались выстрелы.

Во дворе нашего дома вскоре разместилась полковая походная кухня. От нее распространялись вкусные аро-

маты. Обслуживавший кухню военный персонал охотно подкармливал детей, наливая в наши миски какую-то похлебку, казавшуюся для наших полуголодных желудков очень вкусной. С приходом белых в городе появилась торговля продовольствием, причем в ход шли «николаевские» и керенские деньги.

Недалеко от нашего дома, помимо Николо-Песковской церкви, располагалась еще другая сравнительно новая церковь в честь Смоленской иконы Божьей Матери. Около ее кирпичных неоштукатуренных стен часто собирались военные, которые, сильно жестикулируя, довольно эмоционально обсуждали какие-то проблемы. Мы с братом довольно близко проходили мимо этих возбужденных групп, но не имели понятия о предметах их споров. Но мы заметили, что с каждым днем пребывания белых в Орле накал споров увеличивался. Теперь, в исторической перспективе, можно догадываться о содержании тогдашних дискуссий у стен Смоленской церкви. Это, вероятно, могли быть разговоры о досадных балластах белого движения, мешавших успеху. О несоответствии в положении добровольцев и мобилизованных, приводившем иногда к подчинению поручикам полковников. О алкоголизме главнокомандующего генерала Май-Маевского и коррупции тыловиков и т.д. Эти балласты усиливали последствия объективных трудностей, таких как: отсутствие доверия между естественными союзниками, например с Польшей или Кубанской Радой, или бандитизм отрядов Махно, или измена чеченской республики, а главное отсутствие общей манящей идеи.

Однажды каптенармус походной кухни, располагавшейся во дворе нашего дома, предложил моей матери взять для детей усиленную порцию пищи в связи с передислокацией хозяйственного взвода. Но не все белые были такие добрые, как этот фельдфебель. Как-то мой брат оказался свидетелем на Кромской улице устроенного казаками погрома еврейской лавочки, а епископ Серафим и мой отец были вынуждены даже организовать в архиерейском доме убежище от погрома для евреев.

Во второй половине дня 19 октября были заметны спешные сборы наших постояльцев, которые даже пода-

рили матери несколько навивок толстой белой веревки для сушки мокрого белья, так они торопились.

Наутро двор нашего дома оказался пустым. Наступил день 20-го октября, когда возникла в нашей семье одна легенда, занимавшая мое детское воображение.

С утра отца дома не оказалось. На нашей улице было пустынно и тревожно. Тишина иногда нарушалась отдаленной стрельбой. Томительное ожидание стало прерываться появлением редких прохожих по Пуховой улице. Мы решили не обедать, пока не дождемся отца. Наконец за окном мелькнула его фигура и он остановился у входной двери, при этом он находился в сопровождении какого-то военного человека. Мы выбежали на крыльцо. Отец объявил нам, что его задержали на улице как подозрительного прохожего и ведут в Ставку командования для решения его участи. Конвоир согласился сделать небольшой крюк, чтобы дать возможность захватить необходимые документы и на всякий случай проститься с семьей. Самому же солдату требовалось срочно после боя умыться и утолить жажду. Здесь я перевел взгляд на военного. Лицо его было закопченное, но радостное. Несмотря на нежаркий день рукава френча были подняты до локтя, и, как у мясника на базаре у Оки, густо вымазаны кровью. Она была и на гимнастерке солдата, и особенно бросалась в глаза на штыке винтовки, висевшей за спиной. Тут же обнаружилась и наща хозяйка Закржевская, суетившаяся около солдата с кувшином воды для его умывания. На ее плече красовалось белоснежное широкое полотенце с затейливой вышивкой. На ломаном русском языке солдат стал спрашивать хозяйку, где в городе находятся лучшие рестораны и магазины. Подобострастно улыбаясь, хозяйка сообщила ему, что более чем два года прошло с тех пор, как в городе перестали работать рестораны и магазины, а ушедшие белые не успели их открыть.

Я же, еще не осознавая смертельной опасности, нависшей над моим отцом, разинув рот от удивления, разглядывал как инопланетянина этого латыша в ладно сидящей военной форме, на небритом лице которого было написано торжество победителя. И теперь я ду-

маю, разве не знаменательно то, что в руках его была невиданная заморская винтовка японского производства, на ножевидном штыке которой еще виднелась засохшая кровь. Тот невысокого роста латыш врезался в мою память как символ времени, так же, как и те революционные матросы, грудь которых обвивали пулеметные ленты. Но этот имел вид цивилизованного мстителя за свою поработанную страну, без следов бессмысленной дикости тех матросов.

Я, конечно, тогда не мог и представить себе, что являюсь свидетелем и даже участником великого исторического процесса. Примерно в то самое время или близкое к нему, когда я рассматривал этого латышского стрелка, сам Ленин в Кремле дрожащими руками разворачивал карту и прикидывал, подоспеет ли дивизия этого стрелка вовремя к Орлу для упреждения ударов по Красной армии корниловской дивизии.

Для волнения Ленина были основания. Только благодаря случаю 17 октября красные перехватили приказ и план разгрома группы войск, включавшей наиболее дорогую для Ленина латышскую дивизию. В связи с этим были срочно изменены планы боевых действий и латышская дивизия лихорадочно начала окружение Орла и в конечном счете добилась успеха, выйдя к городу с юга, что было неожиданным для белых. Ленин понимал, что главный шанс спасения революции заключался в беспощадном ударе по белым хорошо организованной и вооруженной армии, не имеющей русских корней, заинтересованной в восстановлении своей национальной гордости и независимости. Для такой армии самыми подходящими были формирования латышей и эстонцев.

Вот исторический хронометраж 20 октября: в 10.10 в Орел вошел с юго-запада 76 стрелковый полк, а за ним 5-й эстонский полк. В 11 час. в город вошел 9 латышский полк с частями 5-го латышского полка. В 12.15 в Орел без боя вошел латышский полк. О серьезности значения, которое придавал Ленин орловским боям, свидетельствует то обстоятельство, что именно 9-ый латышский полк пользовался наибольшим доверием Ленина и до переброски его на южный фронт он нес охрану

Кремля. Является наиболее вероятным, что мои пути пересеклись с путями латышского стрелка кремлевской дивизии, сопровождавшего моего отца.

Не на шутку встревоженные мои мать и сестра решили не отпускать отца одного, а сопровождать в ставку. Последняя оказалась в деревне Вшивка, в нескольких километрах от города на юг. По их рассказу, женщин не хотели пропускать в расположение ставки, говоря, что «здесь летают головы».

Наконец солдат подвел отца к крыльцу штаба, и тот попал в группу так же задержанных лиц, среди которой оказался еще один священник. Задержанных охраняло несколько солдат.

Через некоторое время на крыльце появился человек небольшого роста в военной форме, который крикнул с сильным грузинским акцентом: — Где здесь переодетые белогвардейцы? — Кто-то показал на моего отца, и другого священника. Грузин предложил сопровождавшему отца конвоиру доложить. Тот рассказал, что, когда его отряд поднимался по главной улице, с колокольни церкви застрочил пулемет. Отряд рассредоточился, а он с двумя товарищами взломал закрытую изнутри дверь входа на колокольню и незамеченным вскарабкался наверх. Два белых пулеметчика были заколоты, а третьему удалось спрыгнуть вниз и скрыться. Обыскивая участок происшествия, латыши наткнулись на моего отца выходящего из ворот находившегося неподалеку б. епархиального училища. — «Каким образом вы оказались в районе боевых действий», — строго спросил отца грузин. «Я был в училище, где проверял сохранность имущества, и заходил в свою церковь», — был ответ. «А в это время с колокольни стреляли?» — опять спросил грузин. Здесь вмешался другой священник, объяснив, что в данном случае идет речь о Введенской церкви, колокольня которой расположена во дворе здания и непригодна для стрельбы. Грузин спросил у отца документы, в ответ на что получил охранное удостоверение Орловского Совдепа. Грузин заинтересовался причинами выдачи документа и получил удовлетворивший его ответ. Он заторопился к телефону, на ходу бросив команду — отпустите!

Однако начальник конвоя не понял распоряжения и отпустил только второго священника. Пришедшая в ужас моя мать бросилась в дом за грузином, прося его вернуться и исправить ошибку. В итоге оба священника были освобождены.

В последующем И.Д. Соколов утверждал, что его освободителем был Сталин, всегда сохраняя к нему чувство благодарности. И в нашей семье возникла соответствующая легенда, а мое детское воображение рисовало картины, похожие на известную сцену из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, с участием Пугачева и Гринева.

Насколько достоверна версия моего отца? Из литературы известно: «4 октября был создан Реввоенсовет Южного фронта во главе с И.В. Сталиным и Ворошиловым К.Е. 7 октября Южному фронту (8-я, 13-я и 14-я армии) были переподчинены конный корпус С.М. Буденного, а затем Латышская и Эстонская стрелковые дивизии». (БСЭ, изд. II, т. 31).

4-го октября штаб южного фронта был переведен из Козлова в Орел. Далее: «В качестве члена Реввоенсовета 14-й армии Г.К. Орджоникидзе непосредственно руководит боями под Орлом...» (БСЭ, изд. II, т. 31). Остается открытым вопрос: кто из двух исторических грузин освободил моего отца? И важен ли теперь ответ на поставленный вопрос?

После возвращения красных в Орел, был расстрелян о. Чижов, настоятель Георгиевской церкви на Болховской улице, с колокольни которой стреляли. Несколько священников ушло с белыми.

По экономическим причинам наша семья вынуждена была переехать с квартиры в доме на Пуховой улице на другую окраину города, в дом, находившийся в переулке, против сада бывшего института благородных девиц, не принадлежавший коммунальному хозяйству города. Введенская церковь после закрытия епархиального училища влачила жалкое существование из-за отсутствия средств для ее содержания, так как она не относилась к приходским храмам и не обслуживала населения. Для того, чтобы привлечь внимание последнего к этой церк-

ви, епископ Серафим решил провести в ней архиерейскую службу вкупе с только что хиротонисанным епископом Даниилом. Мне по-своему запомнилась эта служба. Так как у епископа Серафима был свой жезлоносец, а у второго иерарха такового еще не было, отец решил на эту вакансию привлечь меня, хотя мне едва исполнилось семь лет да еще отсутствовал опыт. Помню, как я, облаченный в белый стихарь, стоял посередине храма рядом с епископом Даниилом, который, кажется, также служил в новом сане в первый раз, а я изо всех сил сжимал двумя руками золоченый архиерейский посох. Временами я любовался двумя золотыми змеями с загнутыми кверху головами на конце. Так как накануне выполнения ответственной миссии от волнения я не спал ночь, меня стало сильно клонить ко сну. Я пошатнулся и, падая, открыл глаза, и почувствовал крепкую, поддерживающую меня руку владыки, спасшую меня от потери равновесия. С этого момента вероятно не я держал посох, а епископ помимо посоха еще поддерживал и меня. После богослужения оба архиерея по обычаю решили отдать визит настоятелю, т.е. моему отцу, и подкрепиться слабым угощением в виде фруктового чая с сахарином и черных сухарей. При входе в нашу квартиру иерархи вручили мне на хранение оба свои дорожные посоха с серебряными набалдашниками, с которыми я долго не знал, что делать.

Наконец отправился в небольшую кладовку при квартире, уселся здесь на тюк белья, и обняв оба посоха, крепко заснул. Я проснулся от суматохи, которая возникла, когда уходящим гостям потребовались посохи, а мои домочадцы сбились с ног, разыскивая меня.

Смущенный и растерянный, стоял в дверях, передавая посохи двум архиереям, забыв, какой из них кому принадлежит. Весь этот эпизод всплыл у меня в памяти спустя несколько десятилетий, когда я развернул журнал «Православное чтение 1990 № 4» и на одной из страниц увидел фотографию, под которой была подпись: «У могилы архиепископа Иллариона (Троицкого) на Новодевичьем кладбище г. Ленинграда епископ Рославльский Даниил (Троицкий † 1934), брат покойного, и свя-

щенник Иоанн Макаров. 1930 г.». На фотографии, в ее центре, видна гора цветов и венков на месте упокоения ближайшего соратника патриарха Тихона архиепископа Иллариона, яркая жизнь которого закончилась в больничном бараке лагеря, а слева благообразная фигура епископа Даниила, до конца жизни которого тогда оставалось 4 года.

В связи с прекращением работы духовных школ и изменением жизненного уклада государства, в Орловской епархии стало не хватать в сельской местности священников. Епархиальный совет решил организовать подготовку их из псаломщиков и людей, близких к церкви, через временно организуемые пасторские курсы. Деятельное участие в этом деле принял И.Д. Соколов. Я помню, как группа будущих пастырей занималась непосредственно в нашей квартире и примыкавших к ней подсобных помещениях. Я помню, как он проводил занятия по истории церкви и другим предметам, на которых, несмотря на свой возраст, непременно присутствовал и я, глубоко переживая гонения на первых христиан со стороны императора Нерона, отступничество Юлиана и благие деяния Константина Великого. Увлекал рассказ отца о первом периоде истории русской церкви после Крещения Руси и благотворном влиянии ее на материальную и духовную жизнь общества. Но вот прекратил свое существование епархиальный совет, происходит закрытие Введенской церкви, заканчивается работа пастырских курсов. Деятельный и энергичный человек, каковым являлся мой отец, остается без работы и без источников существования. Орловский епископ Серафим, очевидно, не имел возможности тогда помочь отцу в силу осложненного положения церкви. Неожиданно отцу Иоанну поступает предложение от главного врача городской больницы Чеботарева работать в больничной канцелярии и одновременно преподавать его дочери греческий язык.

Наш кормилец каждое утро уходил на новую работу, принося изредка оттуда так называемый паек: маленькие мешочки с мукой, сахаром и крупой, а также несколько розовых бумажек миллионного достоинства денег, одна-

ко не представлявших никакой ценности. Эта жизнь тянулась несколько месяцев, и ее окончание совпало с двумя событиями. Как-то ночью в больницу, в которой работал мой отец, приползли два окровавленных молодых человека, очевидно бывших белых офицеров. Сравнительно недалеко от больницы находилось Троицкое кладбище, где после группового расстрела ЧК остались в живых эти несчастные. В больнице им была оказана первая медицинская помощь. Однако утром было сообщено в ЧК о вновь поступивших раненых и за ними был прислан грузовик, который и доставил их в находившееся довольно близко, почти рядом с главным городским собором, здание ЧК, где и была исправлена ошибка. Второе событие наступило довольно быстро после первого — это внезапное тяжелое заболевание отца суставным ревматизмом. В этот момент я пребывал в интернате для детей с легочными заболеваниями, в котором проводились и школьные занятия. Интернат находился в частном доме Кулабуховых, расположенном на окраине города в окружении обширного фруктового сада. Здесь дети не чувствовали голода. Мы знали, что о нас заботилось какое-то мифическое общество с загадочным названием «АРА». В последующем много клеветы было вылито на эту организацию, причисленную к разведывательным службам. Теперь стала совершенно ясной громадная позитивная роль этого общества, препятствовавшего умирать детям с голода. Находясь в интернате, при внешнем благополучии, меня все более и более мучила тоска по отцу, к которому я чувствовал большую привязанность. Однажды я не выдержал, вышел за ворота и побежал в направлении своего дома, находившегося довольно далеко. Поднимаясь по лестнице к себе на второй этаж, я все более явственно стал различать негромкое пение дребезжащим голосом. Становились различимы и слова: «Всех скорбящих радости и обидимых заступнице... обуреваемых пристанище, больных посещение...» Открыв дверь, я увидал на подушке исхудавшее, почти безжизненное лицо, на котором светились верой глаза, а губы продолжали: «Мати Божия потщися, молимся, спастися рабом твоим». Трудно было сдержать слезы.

В разгар болезни о. Иоанна приехал его навестить епископ Серафим и вдруг, развернув и одев епитрахиль, стал служить молебен. Он сам читал и пел. Произнеся необходимые слова о возведении отца в сан протоиерея, епископ сам троекратно пропел «аксиос», не обращая внимания на удивление моей матери. Много позже архиерей добродушно шутил, говоря, что тогда он опасался за жизнь отца Иоанна и потерю возможности поминать его за упокой в качестве протоиерея.

Большого часто навещали орловские врачи, стремясь сделать все возможное для его спасения. Все знали о трудном материальном положении семьи Соколовых. Поэтому никто из врачей не рассчитывал на гонорар. Бывали иногда курьезные случаи, когда уходивший врач говорил матери: «Что это вы разбрасываете деньги», — указывая на лежащую на кровати отца денежную купюру, оставленную врачом для нуждающегося больного.

А болезнь тем временем прогрессировала, и стало казаться, что дни больного сочтены. И вот в это время приехал снова к нам епископ Серафим, казавшийся необычайно серьезным. В чемодане у него оказались кроме епитрахили свечи, кадило, крест и др. Он торжественно и истово провел чин соборования, над, казалось, уже бездыханным о. Иоанном. Неожиданно началось улучшение здоровья моего отца. Прошло около месяца, и больной уже стал подниматься, но о работе еще не могло быть и речи. Через некоторое время было решено отправить моего отца на поправку к его сестре, Анне Даниловне Соколовой, в г. Смоленск.

В то время (1921–22 г.) путешествие не было простым делом, особенно для тех, у кого не было средств. Тогда моя сестра уже работала на новом месте в учреждении с загадочным названием — «Дорпрофсоюз», имевшем отношение к железной дороге. Ей удалось выхлопотать у себя на работе отцу бесплатный именной билет для проезда до Смоленска. Потребовалась даже фотография, которую изготовил наш сосед по дому, фотограф-любитель.

Отъезд отца оказался для меня сильным ударом и я стал ежеминутно ощущать его отсутствие. Понятно, что

по сравнению с другими детьми он уделял мне наибольшее внимание. Моя сестра считалась взрослой девушкой и в свои 16 лет уже работала учительницей в селе Философово, верстах в 40 от Орла. Брат был старше меня на 5 лет. Он ухитрился научиться разводить кроликов и подкармливать семью. Я оказался самым маленьким и беззащитным. Поэтому, когда я не был в детском доме или школе, отец уделял мне наибольшее внимание, а я стремился быть около него. Я очень любил пилить с ним двуручной пилой дрова для топки печи в нашей квартире. Это отец делал мастерски. Когда, после закрытия епархиального училища, его начальницу разбил паралич и та вынуждена была доживать в одиночестве свой век в оставленной ей комнатухе, отец регулярно ездил к ней пилить дрова, а заодно протопить там печь и покормить больную.

Прекратились с отъездом отца и вечера семейных чтений при свете тускло горевшей угольной электрической лампочки. Обычно читали либо сестра Детскую энциклопедию, либо отец Священное писание. Мое детское воображение поражали образы Апокалипсиса и такие пророчества, как «отрет Господь всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни». Производил сильное впечатление и суд Соломона, когда к царю обратились две женщины, оспаривавшие право на ребенка. Поражал и образный евангельский текст о сучке в глазу брата и бревне в собственном, которое не чувствуешь.

А как умел отец шутить. Как-то у нас ночевали приезжие из села, в котором учительствовала сестра, председатель и заместитель председателя Комбеда. После их отъезда исчезли серебряные часы — дореволюционный подарок отца моей сестре, висевшие на цепочке, где ночевали гости. Моя мать и я расстроились, так как намечалось в ближайший базарный день обменять их на продукты. Отец утешил нас, сославшись на слова апостола: «корень всех зол есть сребролюбие», которое является большим грехом.

Месяца через два после отъезда отца к нам пришел фининспектор. Он объявил о цели своего визита — про-

ведение описи имущества за систематическую неуплату денег за квартиру. Мать очень просила чиновника отсрочить проведение санкции, но тот неумолимо отрицательно качал головой. Вдруг он заметил на стене висевшую гитару, на которой я в последнее время учился играть. Тотчас же выражение его лица смягчилось и он изрек: «Ладно, пусть мальчик донесет мне гитару до Болховской улицы». Мать радостно сняла инструмент и передала в мои руки, а я зашагал по улице сзади узурпатора, нежно сжимая дорогой мне предмет, не стесняясь слез, текших по моим щекам. Меня уже некому было утешить.

Однажды вечером во дворе нашего дома местный комсомольский активист просвещал группу ребят детского возраста, среди которых находился и я. — Попы — это паразиты. Они обманывают трудящихся, наживаясь на этом, за счет невежества людей. — И далее в том же роде. Не выдержав, я перебил агитатора и не менее горячо стал говорить, что все это ложь, что мой отец никому никогда не говорил неправду, что он всегда помогал всем нуждающимся, что он самый честный и справедливый человек, а когда работал в училище, все свое время тратил в заботах о учениках. Пораженный неожиданным отпором, парень смотрел на меня с удивлением и бормотал: «Ну, может быть и есть исключения, из миллиона один». Так заканчивалось мое мятежное детство.

(Окончание следует)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ — ЕЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

Наблюдения посетителя и лектора русских духовных учебных заведений

Проблемы восстановления Православия в странах СНГ в значительной степени вызваны изоляцией общества в бывшем СССР — в том числе Русской Православной Церкви, ее пастырей и паствы — от тех процессов в духовной жизни стран христианской цивилизации, которые произошли с 1917-го года, а именно их секуляризации. В России секуляризация началась при Временном Правительстве и непременно произошла бы, возможно с сохранением за Православной Церковью статуса первой среди равных, как постановил Собор 1917–18 года; но, как мы знаем на примере целого ряда современных европейских стран, сохранивших даже официально статус государственной Церкви за исторически-национальной религией, это не помешало реальной на практике секуляризации этих государств. В СССР же сначала было почти поголовное уничтожение церкви под именем секуляризации, а с 1943-го года некий неравный и, по меткому выражению покойного петербургского протоиерея и узника сталинских лагерей Медведского,¹ незаконный брак между атеистическим государством и Церковью, а не отделение Церкви от государства.

Так общественность Советского Союза проглядела секуляризацию, неправильно принимая советскую политику за таковую. Проглядела она и наступление так

¹ Его «доверительное сообщение» Ленинградскому уполномоченному СДР Г. Жаринову, 10-1.68 г. По его словам, так рассуждают многие священники, что если до революции был брак законный (? — ДП), то советская церковная политика — это брак незаконный, а не отделение Церкви от государства. Госархив Рос. Федерации, Ф. 6991, оп. 6, д. 154, лл. 115–122.

называемой пост-христианской эры, предполагая, что «за бугром» процветает и развивается христианская культура. Историческая память напоминала о дореволюционной эпохе, как о каком-то райском времени для верующих по сравнению с советским. Подсоветский «антисоветский человек» полагал, что то было нормальное состояние христианских государств и что таково же приблизительно положение религий в современных некоммунистических странах. Поэтому, когда в 1988 году стала определено меняться государственная политика по отношению к Церкви, а само коммунистическое государство на глазах разваливалось, подсоветский человек ожидал от Запада полного сочувствия и поддержки возрождению и восстановлению Православной Церкви в России. Статус Церкви он представлял себе в качестве противоположности ее положению при коммунистах, т.е. более-менее в качестве государственной, что-то похожее даже не на реальное дореволюционное ее положение, когда она была зажата в тисках государственной бюрократии и ей подчинена, а на положение господствующей государственной Церкви, каковой ее рисовала лживая большевистская пропаганда.² Эта своеобразная идеализация дореволюционной эпохи и задала тот право-монархический дух, который характерен для большинства православной паствы и значительной части духовенства современной России. Неожиданным и разочаровывающим в Западе для русских верующих оказалось открытие западного пост-христианства, религиозного безразличия и всеядства, наплыв оттуда масс каких-то непонятных сектантов-фундаменталистов и непосредственного духовно-разлагающего зла в виде всевозможных оккультизм-кришнаитов, мунистов и пр. На этих настроениях и паразитируют сегодня всевозможные красно-коричневые политиканы, прикрывающиеся знаменем православия.

² Такое стремление к государственной Церкви особенно заметно среди мирян, что пишущему эти строки приходилось наблюдать на нескольких церковных конференциях в России. Духовенство относится к перспективе государственной Церкви весьма скептически; а Патриарх несколько раз высказывался решительно против нового симбиоза Церкви и государства. Церковь отделена от государства, но не от народа и не от национальной жизни, по его формуле.

Когда в связи с тысячелетием крещения Руси о Церкви заговорили все советские средства массовой информации, а представители церковного руководства и даже просто священники замелькали на экранах телевизоров, взоры многих и многих, в том числе и нерелигиозных людей, обратились к Церкви с надеждой получить от нее живительные соки духовного и нравственного обновления нации. Народ, да и власти, перед лицом катастрофически растущих преступности, алкоголизма, нравственной безответственности обезбоженного народа, ожидали от Церкви чуда. Только чуда. Ведь рациональная логика не могла допустить, что Церковь, которую в течение семидесяти лет обескровливали, лучших пастырей которой систематически уничтожали, которую лишили печатного станка и права обучать основам вероучения мирян, а кандидатов в священники — каким-либо наукам, кроме необходимых для требоисполнения, что Церковь, доведенная до такого состояния, может вдруг подняться во весь рост и духовно возглавить, возродить народ, замордованный коммунистической пропагандой зла, ненависти, подозрительности.

Чуда не произошло. Вернее, чудо уже в том, что Церковь не погибла и сегодня дает немало здоровых ростков, хотя плевелы и виднее. Но того чуда, которого от нее ожидала нация, не произошло: современная Русская Православная Церковь не стала той мощной духовной силой, которая повела бы и направила на путь духовного исцеления верующих, а неверующих — к массовому воцерковлению.

Первым важным признаком изменения положения Церкви в тогда еще Советском Союзе был юбилейный собор 1988 года. Чтобы как-то решить наболевшие за 70 лет вопросы, быть может и не потребовалось бы тех 13 месяцев, в течение которых великий московский Поместный Собор 1917–18-го гг. успел осуществить примерно 70% своей программы, пока большевики не вынудили его распуститься. В 1988-м году достаточно было бы представить решения того московского собора на рассмотрение нынешнего. Что-то изменить, что-то приспособить к современным условиям и попытаться закон-

чить работу тогдашнего собора, сорванную большевиками.³ Но несомненно необходим собор, рассчитанный на несколько месяцев, на котором все стороны могли бы высказаться, решения которого поэтому имели бы силу подлинного соборного голоса *всей* Церкви, т.е. духовенства и мирян, а не одного епископата. Трех-четырехдневные соборы в лучшем случае дают лишь епископату, вернее патриаршему Синоду, некоторое представление о настроениях на периферии, наиболее острых проблемах — на основании нескольких десятков выступлений с мест. Тем не менее Собор 1988-го года — первый собор в Русской Церкви с 17-го века, не связанный с избранием патриарха, — не был пустой декорацией к празднованию 1000-летия. На нем при всеобщей поддержке были отменены навязанные Церкви безбожной властью в 1961-м году поправки к Положению об управлении Русской Православной Церкви, которые лишали всякой власти и епископов, и настоятелей приходов за исключением т.н. «отправления культа». Вся реальная власть в приходе переходила в руки приходского совета из трех человек, который мог приступить к исполнению своих обязанностей, только если местный райсовет одобрял лиц, в него входящих. В результате приходами правили ставленники местных коммунистических структур, часто люди неверующие, обкрадывавшие церковную кассу, делясь при этом с местными коммунистическими начальниками. Нельзя было даже собрать приходское собрание без разрешения местного совета, так что и сменить состав тройки, управлявшей храмом, не могли без разрешения председателя райсовета ни прихожане, ни священник.

Юбилейный собор — и это крайне важно — принял новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви»,⁴ который по своему содержанию и более совершенен, и ближе к соборности, чем «сталинское» Поло-

³ Среди нерешенных тогда тем повестки были вопросы литургической реформы, в том числе богослужбного языка и календаря, а также вопрос возрождения института диаконов в Церкви — эти темы являются злободневнейшими вопросами бытия Церкви сегодня.

⁴ Странный образец утраты чувства языка у его составителей: управление Церковью, а не Церкви (управляют чем, а не чего!).

жение 1945-го г., предельно централизованное, не предусматривавшее ни церковных судов, ни периодичности соборов, ни даже обязательности епархиальных советов. Все это есть в новом уставе: поместные соборы должны созываться не реже одного раза в 5 лет, соборы всего епископата — не реже одного раза в два года, епархиальные и приходские собрания не реже раза в год; при епархиальном архиерее должен быть епархиальный совет, создаваемый не реже двух раз в год. Ни у каких гражданских властей Церковь не должна испрашивать каких-либо разрешений на созыв собраний или соборов, на выбор тех или иных лиц в приходской или епархиальный совет. Настоятель прихода снова становится председателем приходского совета и приходских собраний.

Нельзя отрицать, однако, что этот устав значительно уступает и по соборности, и по своей относительной недоговоренности Приходскому уставу и другим определениям Собора 17-го–18-го гг., касающимся структуры Церкви. Например, определения того великого собора предусматривали участие мирян в выборе кандидатов на служение епархиальным архиереем, а тем более в выборе приходского настоятеля.⁵ Устав утверждал несменяемость причта прихода иначе как по суду или по ходатайству самого члена причта и закреплял приходской храм и все его движимое и недвижимое имущество за приходом, оговаривая: «В случае прекращения существования прихода... все храмовое и приходское имущество передается распоряжением епархиальной власти другому храму и приходу» и добавляется: «Приходский храм и приход являются особыми юридическими лицами».⁶ Все весьма ясно и определенно.

Ничего такого определенного о правах прихода и причта нет в Уставе 1988 г. Но это и понятно. Ведь когда принимался этот устав — кстати, несмотря на краткость и поместного собора, и предсоборного архиерейского собора, споры по отдельным частям устава были, благодаря которым, например, интервалы между соборами

были сокращены вдвое — так вот, когда принимался устав, у власти еще были коммунисты, ни приход, ни вся Церковь не были юридическими лицами и следовательно не могли быть собственниками недвижимости. Священнослужители же перемещались с места на место по произволу уполномоченных Совета по делам религии, т.ч. ни о каком постоянстве места служения не могло быть и речи.

Но вот с тех пор прошло шесть лет, Церковь по государственному законодательству 1990 г. получила статус юридического лица со всеми вытекающими из этого правами, но имущественные права прихода, равно как и права духовенства на всех ступенях по отношению к своей вышестоящей власти до сих пор никак не определены. Все остается централизованным по советской структуре, где у каждого священнослужителя есть права только по отношению к нижестоящим инстанциям и лицам.

У Церкви сегодня, как и у всего российского общества, масса проблем. Далеко не последняя из них — финансовая. И нет из нее простого выхода в условиях нынешнего обнищания большинства прихожан; хотя непонятно, почему не вводится существующее во всем христианском мире понятие прихожанина не только как потребителя святых Таин Христовых, но и как обязующегося вносить свою посильную, но регулярную лепту на содержание храма и духовенства. Только имея такие обязательства может приход иметь свой определенный бюджет. Прихожанин почувствует полностью свою ответственность за храм, духовенство и их судьбу, только если он будет знать, что этот храм *принадлежит* общине, в которой он состоит и что пока существует приход, никто не может посягнуть на этот храм и все принадлежащее ему — ни государственная власть, ни патриарх. Об этом писалось еще в годы обсуждения и подготовки собора в начале века, да и во время обсуждения необходимых церковных реформ при Александре II.⁷ Говорилось, что

⁷ См. след. книги А.А. Папкова: 1. «Начало возрождения церковно-приходской жизни в России», Москва, 1900; 2. «Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-освободителя», С.-Пбг., 1902. А также: «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»,

⁵ «Приходский устав Православной Церкви», гл. III, п. 15. Варшава, 1922, с. 9.

⁶ Там же, п. 16 и гл. I, соотв. пп. 6 и 7.

до тех пор, пока приход не является юридическим лицом с правом неотчуждаемой собственности, прихожане не начнут заботиться о храме, не будут чувствовать собственную ответственность за него. И наоборот, приход начнет обраться собственными благотворительными, культурными и прочими учреждениями, получать в дар доходные наделы земли и постройки в качестве пожертвованных состоятельных лиц, чувствующих конкретную свою принадлежность к нему.

Ничего этого, никаких имущественных гарантий, нету сегодня у прихода. Вот конкретный случай с приходом и общиной московского священника о. Георгия Кочеткова. Экономист по образованию, пришедший в Церковь взрослым, о. Георгий бросает светскую карьеру и поступает в Ленинградскую Духовную академию. Там он с несколькими друзьями создает подпольные катехизаторские курсы для взрослых. Об этом со временем узнает КГБ и добивается его изгнания из академии. Несколько лет мирянин Георгий Кочетков мыкается с волчьим билетом в Москве, работает церковным сторожем и сколачивает вокруг себя снова подпольные катехизаторские курсы по подготовке взрослых к крещению. Наконец, в 90-м г. рукополагается в священники и получает развалину бывшей церкви в Электроуглях под Москвой. В 91-м году ему удается получить небольшую часть прекрасного храма начала 17-го века Сретения Владимирской иконы Богородицы, что на Большой Лубянке, — на три четверти храм занят уродливыми отсеками реставраторов. Школу свою он регистрирует в Москве, под именем Высшей православно-христианской богословской школы, в которой I-ый курс — катехизаторский, подготовительный ко крещению, остальные три или четыре богословские, дающие все необходимые знания для *современного* священнослужителя-миссионера. Община его растет из нескольких десятков в 90-м году до полутора тысяч к 94-му. Только к началу 93-го года о. Георгию удалось добиться очистки всего храма от реставрационных мастерских.

3 тома + том приложений. С.-Пбг., 1906; С.Д. Бабушкин «Церковно-приходская община и земский собор», Казань, 1905; «Преобразования в Русской Церкви», п./ред. Н.Д. Кузнецова, М., 1906 и др.

Приведение храма в должный вид, приобретение нужных икон и всего прочего стоило колоссальных усилий и затраты немалых денег. Ко времени окончания этих работ храм уже не вмещал всех прихожан. И вот буквально на расстоянии одного квартала от него о. Георгию удается получить другой храм, немного поменьше этого, в котором размещался морской музей. О. Георгий надеялся, что московский епархиальный архиерей, которым является сам Патриарх, рукоположит одного из его воспитанников священником в этот второй храм. Но получилось совсем не так. Красно-коричневый Союз православных братств развернул бешеную кампанию клеветы против о. Георгия и его общины за следующие его «ереси»: русификация богослужебного языка, причащение за каждой литургией почти всех прихожан, требуемый священником уход из храма некрещенных и оглашаемых после возгласа «Оглашенные, изыдите!», а при возгласе «Двери, двери!» закрываются двери в храм. Не нравится красно-коричневым, по-видимому, и всеобщее пение, всеобщее целование после возгласа «обымем друг друга», чтение Евангелия и Апостола не только по-русски, но и лицом к верующим, так, чтобы все слышали и *понимали* Священное писание, и разделение прихода на малые группы, каждая из которых встречается раз в неделю на дому для совместной вечери-агапе. Надо сказать, что приход его состоит не менее чем на 90% из неопитов, среди которых немало евреев. И вот на о. Георгия набросились антисемиты, обвиняя его (заодно с покойным о. А. Менем) в ереси «жидовствующих» и пр. чепухе. И вот в феврале 1994 г. о. Георгий получает Указ Патриарха сдать храм монашеской общине, образующей в нем подворье Псково-Печерского монастыря, а со своей общиной переселиться в вышеуказанный храм, который еще предстоит переоборудовать и очистить от следов музея.

Что касается городских властей Москвы, то храм был передан общине, а не Патриархии, и если бы о. Георгий был «обновленцем», как его обвинял Союз братств, то он мог бы преспокойно оставаться со своей общиной в храме, но, как и подобает православному пастырю, он кротко подчинился указу Патриарха. Однако того энту-

зиязма, с которым община была готова жертвовать всем на обустройство первого храма, у нее уже не было. «Вот и этот храм, после того как мы приведем его в божеский вид, у нас отберут», — говорили многие. Решение о передаче Сретенского храма патриархия объясняет тем, что там до большевистского разгрома был монастырь, а патриархия приняла решение по мере возможности возвращать все монастыри и монастырские храмы монашеским общинам. Но московские верующие относятся к этому объяснению скептически, зная, *каким* монахам передан храм. Говорят, что возглавитель Подворья, иеромонах Тихон, изгонялся уже из двух монастырей за пьяные дебоши. Как бы то ни было, но остается вопиющий факт полного пренебрежения к труду, усилиям, денежным расходам людей, да и к принципу собственности, владения, с руки большевикам, но никак не Церкви.

Вероятно случай со Сретенским храмом, получивший очень широкую огласку как в России, так и за рубежом, сыграл некоторую роль и в том, что Государственная Дума 20 июля 1994 г. отклонила составленный или во всяком случае одобренный Синодом законопроект «О признании имущественных прав российских религиозных объединений», причем таким огромным большинством (450 против 63), что явно против проекта голосовали и православные члены Думы, которые в принципе за то, чтобы Ельцинский указ о передаче всего бывшего церковного имущества Церкви начал бы наконец систематически проводиться в жизнь,⁸ но которым надоела келейность принимаемых Синодом решений. Дело в том, что по старой памяти законопроект был подготовлен без какой-либо консультации с соборным голосом всей Церкви. Составленный в синодальных кулуарах законопроект формально собственником церковного имущества называет как будто в равной степени патриархию («религиозные центры») и конкретные религиозные объединения («приходы, монастыри, братства» и т.д.). Такая неопределенная двойственность на практике

⁸ См.: Глеб Якунин — Об имущественных правах Русской Православной Церкви и их законодательном регулировании. Обращение к правящим архиереям. «Русская мысль», 20-26.X.94, с. 8.

явно — и в этом убеждает прецедент со Сретенским храмом — выразится в папистской формулировке, где все церковное имущество принадлежит церковному центру. Именно против этого и за восстановление соборности боролись светлые силы в Русской Церкви накануне Собора 1917-го года и в значительной степени добились восстановления соборного принципа в приходском уставе того собора. Так зачем же возвращаться снова в латинское пленение, как называет о. Георгий Флоровский более чем двухвековое влияние католического и протестантского богословия в православии, из-под которого оно начало освобождаться лишь со второй половины XIX века?

Итак, Устав 1988 года безусловно уступает Уставу 1918-го года, и не только формально, но и духовно. В Уставе 1918-го года самое ценное содержится в иностранных Введении и Приложениях к нему, где в сжатом виде изложена богословская суть храма как христианской общины и как мистического тела Христова. Есть там и основы пастырского богословия, указывающие пастырю на необходимость духовного воспитания хотя бы части прихожан, чтобы устав мог полностью заработать. Рекомендуются пастырю «от своего личного пастырского воодушевления вложить “дух жизни” в сухие кости положения о православном приходе».⁹ Устав же 1988 г. (правда, это общий Устав Церкви, а не только прихода) написан сухим светско-юридическим языком. И тем не менее, устав есть, и он значительно лучше предыдущих документов возрожденной после Второй мировой войны Московской Патриархии. Все необходимое для нормальной жизни Церкви в нем есть, предусмотрено в том числе и формирование церковного суда на всех ступенях. Казалось бы, с падением коммунистического контроля за Церковью все, что надо, это добавить несколько небольших поправок (как то: вопрос о приходской собственности) и жить по нему. Но беда не только в том, что поправки эти до сих пор не внесены (и надо надеяться, что назначенный на конец 1995 г. Поместный Собор

⁹ Указ. ист., сс. 1-6.

внесет эти поправки¹⁰), а в том, что и в первоначальном виде этот Устав не соблюдается.

Так, до сих пор нет нормальных церковных судов. Архиереи либо деспотичны, либо предоставляют приходскому священнику полную независимость, а епархии — анархию. Если священник уж слишком распоясывается и на него катятся жалобы прихожан, его снимают, переводят заштат или лишают сана административным путем, без всякого судебного разбирательства, что превращает даже заслуженно наказанного священника в «невинно пострадавшего», которого нередко принимает в сущем сане другой епархиальный архиерей или такие раскольничьи группировки, как Зарубежная Карловацкая и ее российский филиал под названием «Свободная Российская Церковь». В крайнем случае такой священник подается в одну из трех украинских автокефальных юрисдикций или в модные теперь, когда за это ничего не грозит, всевозможные «катакомбные» группировки. Наглядный случай произошел с курским священником — Львом Лебедевым, который до своего богословского образования окончил истфак МГУ, где был комсоргом исторического факультета, затем работал научным сотрудником Истринского музея (Новоиерусалимский м-рь). Но всюду за ним тянулась запойная болезнь с психическими осложнениями. И в университетские и семинарские годы его отчисляли и направляли на лечение в санатории.¹¹ И вот в году 1991-м Курский архиепископ Ювеналий,¹² проезжая на машине, увидел лежащего на обочине дороги о. Льва совершенно пьяного, но в рясе и с крестом, за что он тут же был окончательно отчислен заштат. После этого Лебедев переходит в Карловацкую юрисдикцию и даже печатает в Монреальском издатель-

¹⁰ О сроках Собора объявлено Синодом 5.X.94 г.: ОВЦС, Служба коммуникаций. 13.10.94.

¹¹ Медицинский диагноз: параноидальная психопатия на почве хронического алкоголизма. Рапорт Трушина, П. Андреева и Позднеева, СДР. Госархив Российской Федерации (ГАРФ), фонд 9661с, оп. 6, д. 91, лл. 3-7, 1967 г.

¹² Автору эту версию подтвердил лично владыка Ювеналий, человек честный и преданный Церкви, за что весьма пострадал в хрущевские годы.

стве митрополита Виталия брошюру — «Почему я перешел в Русскую Зарубежную Православную Церковь», весьма убедительно подводя принципиальные доводы своего, якобы, добровольного перехода. Писать-то он умеет!

Еще более отвратительная история получилась с бывшим архимандритом Адрианом в подмосковном городе Ногинске (Богородск). Человек очень талантливый как администратор и организатор, он сумел в годы перестройки получить закрытый до того главный собор города, несколько зданий под церковные нужды, создал две приходские школы разных ступеней, собирался открывать целую семинарию, наладил бесплатную кухню-столовую для бедных. И вдруг скандал: жалобы сотен родителей на изнасилование Адрианом школьников. Его епархиальное начальство действует по старой памяти келейно и полумерами — приказывает ему перейти в Симбирский собор одним из священников под наблюдение настоятеля и тамошнего епископа. Адриан отказывается уходить из ногинского собора. Местные власти, давно им подкупленные, держат его сторону, часть родителей — очевидно тех детей, которые не пострадали, — тоже на его стороне: школа у него хорошая. Прикинувшись невинным страдальцем, он переходит в январе 1993 г. в т.н. «Свободную» Церковь, возглавлявшуюся тогда в России епископом Валентином Суздальским (карловацкой хиротонии). Но уже через два месяца Зарубежный Синод, разобравшись, в чем дело, запрещает его в служении «на основании весьма тяжелых нравственных проступков». Заодно запрещен Карловацким Синодом в служении был и его суздальский епископ, якобы тоже за аморальные поступки. Но тут дело было в том, что епископ Валентин совместно с карловацким священником из Вашингтона Виктором Потаповым и Манхеттенским карловацким епископом Иларионом на пресс-конференции в Москве в ноябре 92-го года осудил карловацких священников в Москве (Аверьянова и Поздняева), а также наезжавшего в Москву карловацкого Каннского епископа Варнаву в антисемитизме и поддержке фашистской организации «Память». В результате Валентин собрал

летом 93-го года соборик примерно 65 карловацких приходов в России, на котором было постановлено порвать связь с Карловацким Синодом и объявить временную автокефалию. И вот в эту-то независимую «Свободную Русскую Церковь» Валентин принял Адриана в сущем сане архимандрита. Но уже 23 января 94-го г. Валентин запрещает Адриана в служении «за нарушение апостольских правил и святоотеческих канонов, а также за допущение нерукоположенных лиц к священнослужению и наложению прещений без архиерейского одобрения». После этого Адриан отправляется в Киев к низложенному бывшему митрополиту Филарету и там получает архиерейскую хиротонию со званием Российского Экзарха Киевского Патриархата.¹³

Скорее всего таких скандалов не было бы, если бы существовал ответственный, открытый и авторитетный церковный суд на всех уровнях. Тогда и киевский Филарет был бы своевременно низложен с соблюдением всех канонов и правил, к тому же задолго до 1992 г., когда патриархия и собор архиереев решились на низложение митрополита только после того, как его разоблачение в светской печати сделало его пребывание в составе патриаршего епископата невозможным. Будучи формально монахом, он жил с женой и нажитыми с ней детьми. Жена эта, шантажируя его, фактически управляла Украинской Церковью, назначая и снимая епископов и священников руками своего мужа. По документам КГБ, Филарет был одним из самых ретивых и исполнительных его сотрудников. Церковью он управлял, как своей вотчиной, наказывая и изгоняя духовенство за малейшую критику или несогласие с ним. На Церкви он нажил себе миллионы и жил в роскоши, а когда его сняли, оказалось, что счет митрополии в банке был на его имя и он

¹³ М. Поздняев — Как протопоп Аверьянов с патриотом Васильевым президента Ельцина на ум наставляли. «Русская мысль», 27.3.1992; А. Гришин — С Богом, но без «Памяти». «Литгазета», 18.XI.92; С. Бычков — Воскрешение мифа. «М. нов.», 7.3.93; В. Потапов — «Русская Зарубежная Церковь: два документа». «Р.м.», 21-27.5.93; Р. Вершилло — Зарубежная Церковь поделилась на чистых и нечистых. «Сегодня», 6.7.93; ОВЦС Московского Патриархата, Отдел коммуникаций, 4.2.94.

снял всю кассу митрополии, оставив своего преемника, митрополита Владимира, без гроша.

За закрытыми дверями Собор 92-го года единодушно осудил Филарета и взял с него обещание под присягой на Евангелии, что по возвращении в Киев он созовет собор украинского епископата, подаст в отставку и предложит избрать себе преемника. Но открыто, для внешнего мира, заявление Собора гласило, что Филарет уходит по собственному желанию, и даже выражало ему благодарность за его служение Церкви. Это и дало возможность Филарету по возвращении в Киев заявить, что «москальи» его заставили подать в отставку за его украинизацию Церкви, хотя на самом деле до 91-го года он был гонителем украинофилов и отказывался не только служить, но и проповедовать на украинском языке. Под предлогом того, что присяга, данная под насилием, недействительна, Филарет объявил о создании автокефального Киевского Патриархата, получив всецелую поддержку от своего друга — президента Кравчука, и силовых структур, как украинского государства, так и националистических движений. Путем физических нападений на храмы и верующих и силовых захватов за первый год своего существования непризнанный ни одной поместной православной Церковью «киевский патриархат» разросся до полутора тысяч приходов. Этому помог автокефальный раскол, учиненный Житомирским архиепископом Иоанном (Бондарчуком) еще в 1989 г., который признал своим возглавителем ныне покойного митрополита Мстислава (Скрыпника), главу зарубежной Украинской Автокефальной Церкви, торжественно интронизовав его в Киевской Софии в 90-м году в качестве Патриарха Киевского и всея Украины. Эта автокефалия тоже признания не получила, т.к., хотя сам Мстислав был канонической хиротонии Польской Православной Церкви, но, возродив украинскую автокефалию на Украине под немецкой оккупацией, он без перерукоположения принимал духовенство Липковских «самосвяттов».¹⁴ Так вот Филарет объявил себя

¹⁴ Термин этот восходит к 1921 г., когда на первом Киевском соборе по созданию Украинской автокефальной Церкви (УАПЦ) не оказалось ни одного архиерея. Тогда приходские священники и миряне возло-

в 92-м году экзархом патриарха Мстислава (поскольку 90-летний «патриарх» сразу после интронизации вернулся в свою резиденцию в штате Нью-Джерси). Но разобравшись, в чем дело, Мстислав отрекся от Филарета в 93-м г., призвав его подчиниться прещению, наложенному на него его каноническим начальством, обратившись одновременно к Кравчуку с призывом узаконить «подлинную» Украинскую автокефальную Церковь со своим центром во Львове, которая порвала с Филаретом по его, Мстислава, указанию.¹⁵

Филарет, как и следовало ожидать, не подчинился распоряжению Мстислава. Однако после его смерти, в июне 93-го года, две упомянутые автокефальные Церкви окончательно разделились. Каждая созвала по собору и избрала себе по патриарху. Львовская УАПЦ, в то время примерно с 500-ми приходами избрала 77-летнего священника Петра Ярему, ставшего патриархом Димитрием. Собор же «Киевского патриархата» избрал узника брежневских концлагерей священника Василия Романюка, который стал «патриархом» Володымером. Хотя Филарету так и не удалось стать патриархом, но большой алкоголик Романюк оказался сразу же пленником Филарета.¹⁶

Если в Центральной Украине (Приднепровье, Волынь, Подолия) к помощи ОМОНа и военизированных нацистов-бендеровцев прибегали филаретовцы — и все же на 1994 г. подавляющее большинство приходов, около 5.500, осталось у канонической Украинской Православной Церкви Московского Патриархата (УПЦ-МП), — то в Галиции, где у власти находятся националисты-униаты,

жили руки на женатого протоиерея Василия Липковского и провозгласили его митрополитом — главой УАПЦ. Затем он уже хиротонисал последующих епископов УАПЦ. Поскольку этим была нарушена апостольская преемственность епископата, эта Церковь, а от нее и автокефалия Сикорского-Скрыпника, по сей день не признана ни одной поместной Церковью.

¹⁵ 8-страничная брошюрка под названием «Українська автокефальна православна Церква», без даты и места издания, рассылавшаяся, по-видимому, самим «патриархом», вернее, его канцелярией.

¹⁶ "Some Insights into Strife Dividing Church in Ukraine". *The Church Messenger*. Johnstown, Pa., 21 November 1993, pp. 4; 8. Статья дает совершенно нереальные цифры: 3 000 приходов у Филарета и 1.500 у УАПЦ.

теми же методами против местных православных действовали униаты во главе с «Союзом защиты Украинской католической Церкви», действовавшим силовыми методами под командой бывшего узника брежневских лагерей Ивана Геля, прославившегося в лагерях избиениями украинцев за дружбу с русскими и евреями.¹⁷ Униатское наступление шло не так под богословскими, как под националистическими лозунгами, отождествлявшими православие с Москвой и чуть ли не с коммунизмом до тех пор, пока не появилась УАПЦ, которую обвинить в москвофильстве уже не было никакой возможности. Разрыв этой группировки с Филаретом и ее, так сказать, коренизация во Львове, по-видимому, окончательно остановили рост униатства. И по данным 1992 года даже в самом Львове униатских церквей всего 20 против 20 приходов УАПЦ, 1-го УПЦ-КП и 1-го УПЦ-МП. По всей Львовской области более 800 православных церквей (из коих 65 Московской патриархии) против 1200 униатских; украинское же население состоит на 42% из православных и на 45% из униатов, а если прибавить к этому местное русскоязычное население, составляющее 15% жителей города Львова и менее 5% — жителей области, и учесть, что более 70% из них назвали себя православными, то значит, что даже в такой колыбели униатства, как Львовская епархия, православных и униатов примерно поровну.¹⁸

В отличие от филаретовцев, которые проявили себя гонителями и УПЦ-МП, и УАПЦ, между Львовской УАПЦ и Украинской Православной Церковью Московского Патриархата неофициально сложились приличные отношения. Так, был случай совместной пресс-конференции в Киеве в 93-м г., где представители обеих Церквей требовали прекращения гонений, а представитель УПЦ-

¹⁷ В частности, он избил и о. Василия Романюка, нынешнего филаретовского «патриарха». Мордовские лагеря. «Хроника текущих событий», № 47. Переиздание Хроники-пресс Валерия Чалидзе, 1978 г.

¹⁸ Данные из исследовательской работы Ian Bremmer. "Post-Soviet Politics and Political Integration in Lviv". Working Papers in International Studies, I-94-13. Hoover Institution, Stanford, October 1994, pp. 7 & Table 4.1; а также из частного письма православного священника Тернопольской епархии, Олега Плаксия. Сентябрь 1994 г.

МП — ректор Киевских духовных академии и семинарии протопресвитер Александр Кутелис — заявил, повторяя слова своего митрополита, что и УПЦ-МП за автокефалию, но за канонический путь к ней, через поместный собор, и тогда, когда автокефалия не вызовет раскола в Церкви.¹⁹ Однако о сослужении духовенства обеих Церквей пока не может быть и речи. Не только из-за связи с неканонической эмигрантской Украинской Автокефальной Церковью. Эту преграду можно было бы и перешагнуть, ибо, как было указано выше, хиротония Мстислава была каноничной и ни одного священнослужителя липковского рукоположения среди духовенства УАПЦ на Украине больше нет. Но дело в том, что в 1989-м году возрождение УАПЦ началось с того, что взбунтовавшийся Житомирский архиерей Иоанн пригласил некоего Викентия из Тулы, называвшего себя катакомбным архиереем, и совместно с ним высветил первых епископов для УАПЦ.

На самом деле Викентий — бывший диакон Тульской епархии Московской патриархии, лишенный сана за изнасилование мальчиков, за что отсидел и срок в лагерях. Около 1988 года он отправился в центр Карловацкой Церкви в США, но там его катакомбным архиереем не признали. Потерпев фиаско на этом фронте, он в 90-м году объявил себя греко-католиком, и униатский Львовский митрополит Стернюк признал его епископом-представителем Униатской Церкви на Россию, за что Стернюку затем влетело от кардинала Любачивского. Следовательно, епископат нынешней УАПЦ недействителен и должен быть перехиротонисан.

И тут мы опять встречаемся с пагубностью келейно-административных действий Московской Патриархии, с необходимостью наладить авторитетное судопроизводство. Ведь если бы все делалось открыто и был бы церковный судебный процесс над так называемым Викентием, не смог бы он ввести кого-либо в заблуждение. А заявления задним числом, после скандала, что мы-то всегда его знали, он такой-сякой, всегда вызывают недо-

¹⁹ А. Терехов — Стань преградой на пути вражды. «Огонек», апрель 1993, с. 22.

верие. Естественно, где-то в середине 80-х гг., когда был расстрижен псевдо-Викентий, у Церкви не было прав на собственное судопроизводство, но теперь-то эти права есть. А ведь как рассказывают в патриархии, этот Викентий работал прорабом на восстановлении Данилова монастыря. Прокрался. Его тихонько рассчитали, чтобы избежать скандала. Вот после этого он и превратился в катакомбного «епископа». А если бы судили открыто, никакой истории с фальсификацией епископства не могло бы быть.²⁰

Что касается филаретовцев, то, несмотря на поддержку Кравчука, это церковное объединение начало распадаться почти за год до падения Кравчука. В феврале 1994 г. пять филаретовских епископов, во главе с митрополитом Антонием (Масендич) — председателем ОВЦС «киевского патриархата» — перешли в Московскую Патриархию, принеся покаяние и приведя с собой 8 монастырей и несколько сотен приходов. По-видимому не меньшее количество приходов перешло от филаретовцев ко львовской УАПЦ, т.к. к июню 94-го года у Филарета оставалось лишь около 500 приходов, а УАПЦ разрослась до 1.500.²¹

Но вернемся к делам российским.

После кровопролитной конфронтации между президентом и Верховным Советом в октябре 1993 г., в которой священники оказались по обе стороны баррикад, руководство Русской Православной Церкви приняло разумное решение запретить духовенству баллотироваться в законодательные учреждения страны. Этому решению способствовали также многочисленные письма верующих в патриархию, которых возмущали телевизионные кадры дебатов в Верховном Совете, в которых депутаты-священники в рясах и с наперсным крестом, разгоряченные, с пеной у рта нападали на своих политических противников. Это никак не совпадало с традиционным обликом православного священника-примирителя. Приняв и обна-

²⁰ С. Белавенец — И снова самосвяты. «Московский церковный вестник», № 2, 1991.

²¹ Сведения, сообщенные автору Святейшим Патриархом Алексием II в начале июня 94 г.

родовав в прессе это постановление, Синод вызвал всех священнослужителей, выдвинувших свои кандидатуры в Думу, и предложил им выбор: снять свои кандидатуры или быть лишенными священства. В ответ все священнослужители, за исключением Глеба Якунина, сняли свои кандидатуры. В продолжительной беседе Патриарх предложил Якунину в качестве компромисса войти в исполнительные структуры власти, но только не в парламент. Якунин стоял на своем и за это был лишен сана. Несколько днями позднее он был в Вашингтоне на конференции²² по вопросам Церкви и государства в СНГ, и там изобразил это снятие сана как некое политическое гонение Синода лично против него за его демократические взгляды и критику синодальной политики. За это сразу же ухватились карловчане и прочие круги на Западе, априорно настроенные против Московской Патриархии, например т.н. Кестонский исследовательский центр (раньше в пригороде Лондона — Кестоне, а ныне в Оксфорде), упростив все в схему преследования реакционным «полубольшевистским» Синодом старого диссидента и узника брежневско-андроповских лагерей, борца за права человека — Якунина.

И опять же подобным кривотолкам почву дал сам Синод. Тут целый ряд нарушений. Во-первых, запрет на свободное участие духовенства в политической деятельности и государственных гражданских учреждениях сняли Собор 1917-1918 гг. и Указ Патриарха от 8 октября 1919 года, на основании отделения Церкви от государства, которое освобождает Церковь от ответственности за деятельность своих чад как граждан. Никто постановления того собора не отменял, и по канонам они могут быть отменены только собором ббльшим того собора, на котором эти каноны были установлены. Синод же оправдывал свое решение канонами Вселенских соборов, но, казалось бы, обстановка Собора 1917-18 гг. ближе к современности, чем соборы, происходившие полторы тысячи лет назад, при господстве идеи симфонии Церкви и государства! Во-вторых, лишить сана священника можно лишь за ересь, богохульство или за моральные и

²² В которой участвовал и пишущий эти строки.

прочие преступления, и такие решения должны быть приняты церковным судом, а не административно. За, так сказать, злостное нарушение церковной дисциплины Синод мог запретить Якунина в служении, но лишить сана мог только поместный собор, предварительно отменив определение Собора 17-18-го гг. Если бы существовал церковный суд, Якунин, вместо сенсационных заявлений в прессе и за рубежом, обжаловал бы постановление Синода через церковный суд. Все было бы гласно и ясно, и без скандалов.

Да и Синод сам по себе при его нынешней структуре не может иметь бесспорного авторитета в Церкви, т.к. он сам себя назначает. По определению Собора 7 декабря 1917 г., «Священный Синод состоит из Председателя-Патриарха, ... Киевского митрополита, ... шести иерархов, избираемых Поместным Всероссийским Собором на 3 года, и 5 иерархов, вызываемых по очереди на один год». Кроме того, был создан Высший Церковный Совет из 15 членов: «три иерарха из состава Священного Синода, по его избранию, и по избранию ... Поместного собора: один монах, ... 5 клириков и 6 мирян».²³ В нынешнем же Синоде постоянными членами являются, помимо Патриарха, митрополиты Киевский, С.-Петербургский и Крутицкий и по должности — управляющий делами Патриархии и председатель отдела внешних церковных сношений, а также 5 епархиальных архиереев, вызываемых Синодом на одну сессию по очереди. Смешанного же Высшего Церковного Совета в сегодняшней структуре Церкви вообще нет, следовательно приходское духовенство и миряне не представлены никак.²⁴

Итак, без постоянно действующего открыто-состязательного церковного суда и без двусторонней связи между высшим церковным управлением и церковным народом и его непосредственными пастырями, вместо полноты церковной, состоящей из духовенства и мирян,

²³ Священный Собор Православной российской Церкви «Собрание определений и постановлений». Выпуск 1-й, приложение 2-е. М-ва, 1918.

²⁴ «Устав об управлении...», с. 13. Синодальное издание без выходных данных.

господствует клерикализм и деспотический архиерейский произвол, что никак не способствует ни единству Церкви, ни авторитету самих архиереев, а тем более архиерейского Синода. И церковный организм будет разрываться фракционной борьбой с постоянной угрозой расколов да отколов. Еще молодой архиепископ Сергей, будущий патриарх, писал в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», что архиереи не будут пользоваться авторитетом у церковного народа, пока они назначаются бюрократически, пока они не являются избранниками всей церковной полноты, т.е. при участии пастырей и паствы. Только приобретя такой мандат они смогут авторитетно решать вопросы от имени Церкви. Нужно надеяться, что и в этой области произойдут какие-то сдвиги на следующем поместном соборе.

В этих условиях современная Церковь в России в структурном отношении — это некая мозаика, зависящая от личности епископа. Одни епископы — деспоты, но только не в греческом, а русском значении этого слова. Зажимают инициативу священников, мертвят епархию. Даже с самыми лучшими намерениями и искренностью деспотический епископ не может объять собою всю епархию, а держа настоятелей в полном и мелочном себе подчинении, он обрекает их на бездеятельность. Другие епископы не вмешиваются в жизнь епархии, и настоятели делают, что хотят. Деятельные, активные священники предпочитают епископов последнего типа. Епископ нужен, говорят они, чтобы рукополагать священников; а затем, чем меньше он вмешивается в жизнь епархии, тем лучше.

Беда современных духовных школ — это почти полное отсутствие учебников по богословию, хотя, казалось бы, любой специалист своего дела — профессор духовной академии или преподаватель семинарии — мог бы за эти четыре года запросто составить учебник по своей специальности на основании своих лекционных конспектов. И вот один преподаватель МДА наконец выпустил два небольших учебника. Один из них — по истории РПЦ в XX веке — написан с такими оглядками на все возможные и невозможные повороты в церковно-госу-

дарственной политике, что фактически студент больше узнает об истории русской Церкви из случайных газетно-журнальных статей на эту тему, чем из указанного пособия. Но и журналы не всегда доступны семинаристам. Так, автор этих строк три года назад подарил библиотеке МДА подборку «Вестника Русского Христианского Движения» лет за 10, но библиотекарь, по-видимому, решил, что этот на сегодня лучший русский журнал религиозной мысли опасен для студентов. О его существовании в библиотеке студенты понятия не имеют²⁵ и в каталог он не занесен.²⁶ Вместо расширения своего богословского и общекультурного кругозора при помощи таких изданий, как «Вестник РХД», студенты вынуждены, в основном, зазубривать конспекты читаемых на уроках лекций. А Московская Духовная академия, чтобы избежать соблазнов, отменила в 1993–94-м учебном году преподавание философии. В результате преподаватель, читавший курс русской религиозной философии, ведет теперь этот предмет в Московском Католическом колледже; а церковные власти нарекают на католический прозелитизм.

Прозелитизм действительно захлестывает страну, и не так католический, как фундаменталистско-сектантско-протестантский, наряду со всякими оккультными учениями, как импортными типа «муновцев», кришнаитов и пр., так и доморожденных вроде «Белого Братства» и «Богородичного центра». Но судя по исследованиям общественного мнения, количественно урожай прозелитов западных конфессий ограничен. Так, если пропорция лиц, причисляющих себя к верующим христианам, среди всего населения России выросла с 27% в 1990-м г. до 40% в 92-м, то к протестантским и католической религиям

²⁵ Данные 1993 г.

²⁶ Так во всяком случае было в начале 1993 г. Кстати, в читальном зале библиотеки были тогда такие газеты, как коммунистическая «Правда», национал-большевистская «Советская Россия», фашистский «День» и ряд других красно-коричневых органов; но ни одной демократической газеты, несмотря на существование еженедельной религиозной страницы в таких газетах, как «Сегодня» и «Независимая газета» и часто появляющихся статей священнослужителей РПЦ в «Московских новостях».

причисляло себя в общей сложности менее 1% (т.е. менее 2,5% из числа верующих христиан) в 92-м г. Однако если в 1990-м г. более 80% верующих назвали себя православными (т.е. менее 18% из совокупного населения), то в 92-м г. православными назвало себя только 15% населения (т.е. 38% из числа назвавших себя христианами). Иными словами, в общем населении страны контингент лиц, причисляющих себя к Православию, сократился на 3% при общем росте верующих христиан за этот же срок почти на 50%.²⁷

В условиях религиозной свободы и бороться с прозелитизмом, и приводить в Церковь нецерковных христиан может только динамичное миссионерство православной Церкви, идущее в народ и к народу, как апостолы первых веков христианства и как Кирилл и Мефодий среди славян, или русские миссионеры среди сибирских племен, народов Аляски и наконец Японии. Все они начинали с переводов Священного Писания и служебников на разговорные языки этих народов. Но вот те немногие священники — как упомянутый о. Кочетков, духовные ученики и преемники зверски убитого о. Александра Меня и пр., — которые успешно занимаются миссионерством, пользуясь при этом всем понятным русским языком, а не мертвым и непонятым современному человеку славянским, оплеваются Союзом православных братств. Невежественность выступлений глашатаев этого союза и его журнала вызывает подозрения, что это сплошь вчерашние комсомольцы, а то и наспех и только внешне перекрасившиеся активные безбожники. Оперирова знаменами монархизма и наклеивая на каждого несогласного с ними ярлык жидомасонства — даже на Патриарха за его меморандум американскому раввинуату, в котором он указал на духовную общность христианства и иудейства через общих ветхозаветных пророков — Союз братств и близкие ему красно-коричневые круги буквально терроризировали церковное руководство. Как же иначе назвать, как не эффектом террора, что один из умней-

ших епископов современной РПЦ, митрополит Кирилл Смоленский, который на Соборе 1988 года предупреждал против превращения Церкви в музей, указывал на необходимость сделать богослужение понятным современному человеку, отвечающим на его духовные нужды, настаивал на необходимости создания литургической комиссии для обновления богослужения,²⁸ весной 94-го года выступил по телевидению с критикой тех пастырей, которые именно этим занимаются и успешно приводят тысячи новых чад в Церковь. На Соборе 88-го г. тогда еще архиепископ Кирилл правильно указывал: «Если бы мы сейчас пришли в Троицкий собор времен преподобного Сергия, то с удивлением обнаружили бы, что там совершается иное богослужение, чем мы сейчас совершаем». А в 94-м г. на телевидении митрополит Кирилл заявил, что он против экспериментаторства с языком богослужения. Но как же выработать нужный для восприятия современного человека язык, если не проверять его на опыте, тем более, что плодов какой-либо литургической комиссии патриархии, если такая вообще существует, нет пока никаких? До каких пор можно идти навстречу невежественным «охранителям чистоты православия», которых, например, страшно возмущает, что о. Георгий Кочетков заменил слова «о благорастворении воздухов» молитвой «о хорошей погоде», эффект которой почему-то автор статьи считает разрушительным для православия?²⁹ Ведь поддакиванием таким глупостям Церковь будет терять именно тех потенциальных своих чад, о которых митрополит Кирилл печаловался на соборе. Что же касается «красно-коричневых», то если они заподозрили в «ереси жидовствующих» такого «правого» священника, как о. Воробьев, то уж «леваку» — митрополиту Кириллу они никогда не поверят. Вообще, когда читаешь «опусы», появляющиеся в «Вестнике Союза братств» и подобных изданиях, начинаешь подозревать, а не продолжение ли это антирелигиозной кампании большевиков под новым

²⁷ А. Кырлежев — Бог в эпоху «смерти Бога». «Континент», 1992, № 2(72), с. 265; С. Филатов и Л. Воронцов — Как идет религиозное возрождение в России? «Наука и религия», 1993, № 5, 1993.

²⁸ «Поместный собор Русской православной Церкви», Московская Патриархия, 1990, сс. 398-99.

²⁹ С. Носов — О церковном модернизме. «Русский вестник», № 21-26, 1994 г.

прикрытием? Стоит просмотреть перечень священнослужителей, которых в журнале оплеывают, и видишь веер лиц самых разнообразных настроений, объединяет которых лишь кипучая просветительно-миссионерская деятельность на ниве церковной и успешность этой деятельности. Отсюда напрашивается вывод, что это продолжение той же кампании за опорочение, а то и уничтожение наиболее активных священников, начатое в посткоммунистическое время убийством о. Александра Меня.

Судя по тому, что герой Союза братств — «благостный», но совершенно пассивный и не способный к какой-либо административно-организаторской деятельности митрополит Санкт-Петербургский Иоанн, эти деятели, точно так же, как доперестроечный Совет по делам религий, готовы терпеть и поддерживать только «попатребоисполнителя». Митрополит Иоанн, серый, косноязычный человек, масштаба не выше сельского протоиерея, вдруг усилиями пишущих от его имени расистов национал-социалистического направления, превратился и в национального историка, и в некоего «спасителя России» от якобы всемирного жидо-масонского заговора. Пишущий эти строки убедился в неспособности митрополита к членораздельной речи после участия в двух конференциях, в которых участвовал и он. А члены Синода говорят, что когда он выступает на Синоде, то это так нечленораздельно, что приходится догадываться, что он хочет сказать, и договаривать за него. Когда же его упрекнули, что в то время, как Патриарх и остальные члены Синода подписали Ельцинский договор об общественном согласии, он подписал противоположный призыв коммунистов, митрополит открыл рот: «Неужели? А я думал, что подписал тот же призыв к согласию. Я тоже за согласие».

Но взгляните в «Наш современник» и вы найдете там целые тома псевдонаучных, полных фактических ошибок, но выглядящих весьма научно, трудов по историсофии России, подписанных митрополитом Иоанном. Митрополит Иоанн стал несменяемым, ибо патриархия боится, что иначе он перейдет к карловчанам и, сделав-

шись знаменем псевдоправославных экстремистов, потянет за собой достаточно невежественного народа, подпавшего под влияние их злобствующей пропаганды. Уход Иоанна, говорят в патриархии, поведет к расколу.

Так вот митрополит Иоанн (вернее пишущие от его имени и его спичрайтеры), а вместе с ним Союз братств, поносят всех, кто смеет заикнуться о богослужении на русском языке, обвиняя их в «обновленчестве», расколотельстве и даже в возрождении ереси жидовствующих. Митрополит Иоанн заявил, что на русском языке служить нельзя, т.к. это язык проституток и воров. Таков его патриотизм! Поразительно, что богослужение на русском языке церковные реакционеры называют изменой делу Кирилла и Мефодия, не соображая, что именно это и есть продолжение их дела.³⁰ ведь все, что эти «учители словенские» сделали, это создали грамоту для неписьменного диалекта, на котором разговаривали славяне, жившие в Салониках. Они сделали для славян то же, что в XIX веке сделал для жителей Аляски святой Иннокентий. И так же, как теперь обвиняют церковных миссионеров-русистов в опошлении богослужения, переводе его на разговорный язык, так же обвиняли в IX веке Кирилла и Мефодия.

Патриархия сетует на недостаток священнослужителей, из-за чего вынуждена рукополагать выпускников духовных училищ с их всего двухлетней программой после окончания средней школы, а то и лиц вовсе без богословского образования. А тут рядом в Москве Высшая Богословская школа о. Кочеткова и так называемый Открытый православный университет имени о. Александра Меня. Выпускники обоих институтов получают не только солидное богословское образование, шире по профилю традиционных семинарий, но к тому же направленное на миссионерство или апостолат в современном мире. Однако, выпускников этих школ пока не рукополагают,

³⁰ В. Шишкин, О. Шведов, Е. Семенов — Письмо... Патриарху... Алексию II. «Русский вестник», № 3-6, 1994; Письмо Патриарху А. Рогова, В. Белова и др., 23 февраля 1994 г. «Литературная Россия», 4.3.94. Больше всего поражает под этим безграмотным письмом подпись такого серьезного ученого-балканиста, как Рогов.

страха ради Союза братств. Патриархия отлично знает, что эти так называемые левые христиане раскола не учинят, будучи верными иерархическому принципу православия; а вот от национал-социалистов из Союза братств да из окружения митрополита Иоанна, которые так близки по духу к карловчанам, раскола ожидать можно вполне. Святейший Патриарх не раз высказывался в печати о недопустимости антисемитизма и расизма в христианстве, несовместимости христианства с крайним национализмом и враждебностью к другим народам. Патриарх в этом же ключе дал благословение Братству Всемилоостивого Спаса (которое, как и большинство подлинно церковных братств, вышло из Союза братств) на открытие Православного Богословского института им. св. Патриарха Тихона. Этот институт, рассчитанный на 5-летний курс обучения для выпускников средних школ в дневном отделе и на 4-х-летний для вечерников и заочников, куда принимаются только лица с высшим образованием, делится на несколько факультетов, как то: религиозно-философский, церковного искусства, пастырско-богословский, и является как бы соперником окостеневшим и подпавшим под пагубное влияние Союза братств МДС/МДА. Институт уже привлек более тысячи студентов обоего пола и кроме того имеет филиал в Кемерове. Ректор института — влиятельный пастырь и исключительно талантливый организатор, возглавляющий, помимо института и братства, еще одну из самых больших в Москве воскресных школ и летний лагерь на Волге для детей и родителей — протоиерей Владимир Воробьев, несмотря на свой консерватизм и монархизм, числился до недавнего времени в черном списке Союза братств в числе «жидовствующих».³¹

При всем своем здравомыслии, чему доказательством — обсуждаемые ниже решения декабрьского 1994-го г. архиерейского собора, патриархия не решается непосред-

³¹ Демин В.К. — О ереси жидовствующих и Заявление 4-го съезда Союза Православных братств. «Вестник Союза Православных братств», № 43, май 1993, сс. 15-29. По-видимому после проведенной им 14-15 ноября 94 г. от имени Тихоновского ин-та конференции, неудавшейся целью которой был разгром общин Кочеткова и «меневцев», этот ярлык Союз братств с него снимет.

ственно одернуть распоясавшихся красно-коричневых «братчиков» и близких им «богословов», выпустить указ, ставящий точки над *i*.³² В результате человек с улицы, так сказать, принимает за подлинный голос православия шумный Союз братств, входящие в который откровенно нацистские «братства» выпускают ряд чело-веконенавистнических газеток. От этого страдает дело православного миссионерства; а свято место пусто не бывает и его захватывают американские сектанты, учащие о материальном богатстве как Божьем избранничестве, а то и просто оккультисты, о которых уже говорилось выше.

Церкви критически не хватает просвещенных интеллигентных священников. Однако прием в обе духовные академии не растет, а сокращается, хотя желающих много. Так в 1993 г. достойных быть принятыми заявителей на первый курс Московской Академии было более 90, но патриархия из-за острого финансового кризиса разрешила принять только 30. И дело не только в финансовом кризисе, а и в приоритетах. Финансовые субсидии даются Синодом духовным учебным заведениям по остаточному принципу. На первом месте стоят монастыри, которых задействовано уже около 300, хотя в новооткрываемых мужских монастырях часто всего по два-три монаха, и восстановление храмов в их первоначальном благолепии. Конечно, храмы необходимы. Но, во-первых, на нынешнем этапе безденежья вместо затрат миллиардов рублей на золочение куполов и страшно дорогое восстановление из развалин — очень часто в центральных частях города, где и так уже сравнительно много храмов, но мало жителей — можно было бы сосредоточиться на создании гораздо большего числа скромных временных молитвенных домов, и именно в пригородах, поселках, новостройках, где храмов катастрофически не хватает и народ меньше всего окормляется духовно. А сбереженные деньги должны бы идти на духовное образование и православную прессу, чтобы православное слово стало так же доступно, как светское (и сектантское).

³² Не исключено, что Патриарх в этих вопросах находится в меньшинстве в Синоде.

Поразительно, что и в таких условиях численность духовных школ самых различных уровней растет весьма интенсивно — от трех семинарий и двух духовных академий во всем Советском Союзе в 1987-м году до 23-х двухгодичных духовных училищ, 14 четырехгодичных семинарий и 11 духовных академий, богословских институтов, факультетов и православных университетов. Все это продукты местной инициативы и энтузиазма отдельных пастырей и архипастырей. Почти все новые школы находятся на грани, а то и за гранью нищеты. Учебников фактически нет, библиотеки неудовлетворительны — как правило, нет даже библиотечного бюджета — и остро не хватает педагогов. Повсеместно жалуются, что священники, окончившие духовные академии, которые по идее должны готовить ученых богословов и профессоров, в большинстве оказываются непригодными к преподаванию. Лучшими и самыми популярными преподавателями — и не только в новых семинариях, но даже в устоявшихся московской и петербургской — оказались, как правило, т.н. «варяги», т.е. профессора светских вузов, приобретшие богословские знания самостоятельно,³³ или получившие богословское образование, уже имея диплом гражданского вуза. Следовательно, необходима решительная реформа православной высшей школы. Она должна строиться на расширении кругозора, развитии в студенте способности самостоятельно мыслить, а не на зубрежке.

И надо сказать, что в новых духовных школах больше открытости, свободы, поиска новых методов преподавания. Многие из них, например, Курская и Смоленская семинарии — обе выросли из двухгодичных училищ — тесно сотрудничают с соседними гражданскими вузами. Светские предметы в них читают преподаватели этих последних, а преподаватели семинарии преподают в

³³ Не впервые русское богословие развивают не семинарские школяры, а богословы-самоучки: славянофилы Хомяков, Киреевский и др., богословы русского религиозного возрождения XX века: С. Булгаков, Франк, Вышеславцев и др. Очевидно в традиционной русской бурсе все-таки было недостаточно творческой свободы для развития самостоятельной мысли. Это надо иметь в виду, приступая к преобразованию духовной школы в России сегодня.

гражданских вузах основы православного богословия, историю Церкви и т.д. Таким образом семинария ведет и миссионерско-просветительную работу в светской школе. Вовлекаются в этот процесс и студенты. Так, в Курске семинаристы занимаются насельниками детдомов, занимаются с ними законом Божиим, крестят, водят в церковь, устраивают им елку с подарками на Рождество и т.д. Такие же открытость и сотрудничество со светскими вузами и у новых православных университетов, назначение которых — создавать кадры богословски грамотной православной интеллигенции. Конечно, в каждом из них есть и пастырско-богословский факультет. Таковы: Православный университет Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, Открытый Православный университет им. о. Александра Меня в Москве, Православный университет в Волгограде, созданный и возглавляемый архиепископом Германом, и еще один в ходе формирования на северном Кавказе.

Все это радостные лучики, подающие надежду на оживление и возрождение подлинного просвещенного и просвещающего православия, преодоления им нынешних изуверских псевдо-православных течений и политиканства, прикрывающихся православием. Своеобразной вехой такого изуверства был погром кочетковской Высшей Православно-христианской школы группой невежественных псково-печерских монахов и вооруженных нагайками «казаков» под предводительством игумена Тихона (Шевкунова), для которого под дворью Псково-Печерского м-ря и был за полгода до того отобран Сретенский храм у о. Георгия. Как это делали в прошлом нацисты (и более скрытно большевики), погромщики в первую очередь разгромили библиотеку и... иконописную мастерскую (это православные монахи-то!). На улицу летели книги и ломаемые иконы. Очевидно это уже переполнило чашу терпения Патриарха, приказавшего монахам вернуть здание школе, а самим немедленно обратиться обратно в Псковский монастырь.³⁴

³⁴ "Further Incidents Affecting the Catechetical School of Father Kochetkov". Sourzh: a Journal of Orthodox Life and Thought, N° 58. London, November 1994, pp. 47-48.

¹ Но на этом красно-коричневые не успокоились. Как уже упоминалось выше, под шапкой Тихоновского института они создали 14-15 ноября 94-го г. «научную» конференцию с явно запрограммированной целью разгромить «кочетковцев» и «меневцев» к архиерейскому собору 28 ноября – 2 декабря. Помимо этого конференция предложила ввести духовную цензуру и некое учреждение типа инквизиции для приструнивания духовенства. Конференция решительно осудила все формы экуменизма, западное христианство и контакты с ним. Проект постановления конференции, по-большевистски составленный еще до ее открытия, определял без всякого суда священников вышеупомянутых общин в качестве еретиков, а их катехизаторскую, литургическую, просветительскую, экуменическую и даже благотворительную деятельность как «крайне вредную» и требовал от патриархии осудить их на предстоявшем архиерейском соборе. Однако под давлением присутствовавшей православной общественности устроители были вынуждены допустить в комиссию по утверждению окончательного текста постановления одного представителя Кочетковской общины и профессора Осипова из МДА. Они настояли на изменении текста постановления, поскольку, как выяснили прения и выступления на конференции, первоначальный текст не отражал всех мнений. Итоговый документ поэтому состоял лишь из перечня тем, обсуждавшихся на конференции, — гора родила мышь.³⁵

И вот, по-видимому, неприятной неожиданностью для устроителей явились постановления самого многочисленного с 1918 г. архиерейского собора — в нем участвовало 128 архиереев РПЦ.

Собор оценил состояние современного российского общества как крайне тревожное, с рекордными показателями разводов, аборт, самоубийств, преступности, и назначил специальную рабочую группу для выработки «социальной доктрины Церкви» (выдел. в оригинале), которая будет представлена на утверждение очередному поместному собору, долженствующему состояться не

³⁵ Юрий Табак — Хроника одной конференции. «Русская мысль», 24-30. XI. 1994, с. 8.

позже начала 96-го года. Собор одобрил (выдел. Д. П.) в принципе экономические реформы, но, учитывая предстоящий период безработицы, призвал правительство к мерам социальной защиты беднейших слоев населения в ходе проведения реформ.

Обращаясь к вопросам Церкви как таковой, собор наконец принял необходимое решение выдвинуть вопрос образования духовенства на первый план, постановив в ближайшее время добиться того, чтобы рукополагались только лица с высшим образованием, для чего поднять сроки обучения и качество семинарий до университетского уровня. Относительно общего религиозного просвещения принято постановление добиваться обеспечения всех общеобразовательных школ факультативным преподаванием основ вероучения и квалифицированными преподавателями этого предмета, а также максимально расширять сеть воскресных школ. До преподавания основ вероучения должны допускаться лишь лица, одобренные в качестве таковых соответствующими органами тех религий, которые они представляют.³⁶ Собор одобрил экуменическую деятельность Русской Православной Церкви и, в частности, канонизировал замученного большевиками протоиерея Александра Хотовицкого, который был активнейшим экуменистом в годы своего пребывания в США до революции в качестве священника-миссионера Православной Архиепископии Америки и Канады. И наконец, собор признал, что ныне совершаемые в России богослужения непонятны современным поколениям, и назначил комиссию для довершения той литургической реформы, которую разогнанный большевиками Собор 1917-18 гг. не успел провести.

Как известно, запроектированной Великим Московским Поместным Собором, но не осуществленной частью литургических реформ были такие вопросы, как: руссификация литургического языка, сокращение длитель-

³⁶ Это направлено на то, чтобы прекратить практику преподавания «христианства» бывшими советскими религиоведами-атсистами, равно как и всякими оккультистами вроде «муновцев», кришнаитов и пр. Характерно, что постановление говорит о праве представителей всех местных российских религий преподавать свои учения, а не исключительно о православных. Уже это — удар по антиэкуменистам.

ности богослужений, служение с открытыми царскими вратами, чтение так называемых «тайных» молитв вслух, сокращение постов и вопрос календаря. Что из этого примет комиссия и что затем одобрит предстоящий поместный собор, покажет будущее. Определение Архиерейского собора воздерживается от уточнений. Более определенно и многозначительно он высказался по миссионерству, которое естественно и неразрывно связано и с литургической реформой:

Миссионерское служение неразрывно связано с задачей восстановления полнокровной церковной жизни в епархиях и приходах, необходимостью расширить усилия в области религиозного образования, катехизации и евангелизации... Православная миссия должна учитывать многоликость современного общества [перечисляются различные профессии и социальные группы, в т.ч. заключенные и военнослужащие]... Необходимо особо выделить миссионерскую работу с молодежью, организацию богослужений и религиозных бесед для детей и подростков.³⁷

Как известно, наиболее активно такой миссионерской работой, катехизацией и русификацией богослужбного языка занимаются именно общины и духовенство Сретенского братства (Кочетков) и последователей о. Александра Меня. Следовательно, как указывает сын о. Александра, Михаил Мень, определения декабрьского архиерейского собора следует считать победой реформаторов и поражением реакционеров.³⁸

К сожалению, слово в России далеко не всегда претворяется в дело. Церковь в этом не составляет исключения, особенно в таких острых вопросах, как церковная реформа. Неслучайно и на Великом Московском Соборе вопрос литургической реформы был отложен на сессию 1919 года, которая не состоялась из-за хаоса гражданской войны и красного террора.

³⁷ Отдел внешних церковных сношений Московского Патриархата. Служба коммуникаций. Сообщение 5.12.94, с. 2.

³⁸ Какой быть Церкви в XXI веке? «Р. м.», 15-21.XII.1994, с. 7.

В заключение следует сказать несколько слов о вполне разумном в нынешних российских условиях противостоянии подтверждению архиерейским собором запрещения духовенству баллотироваться в законодательные государственные структуры. Если в октябре прошлого года запрет распространялся только на Россию, то теперь он распространен на духовенство РПЦ во всех странах. Печальной стороной этого определения является предупреждение Глебу Якунину, что он будет отлучен от Церкви, если не перестанет носить священнические рясу и наперсный крест. Возможно не менее прискорбно то, что Якунин демонстративно показывает свое пренебрежение по отношению к Патриарху и Синоду, продолжая носить священническое облачение, будучи лишен сана за то, что баллотировался в Думу, несмотря на запрет своего канонического церковного начальства. Еще печальнее то, что носит он это облачение в качестве некой политической демонстрации — на думских сессиях и прочих мероприятиях общественно-политического характера. Но такие страшные церковные наказания, как отлучение, могут иметь каноническое значение лишь после того, как источник конфликта Якунина с иерархией будет канонически осужден. Иными словами, сначала поместный собор должен отменить постановление Великого Московского Собора, разрешившего духовенству участвовать в политических и государственных структурах (а Патриарх Тихон еще в 1905 г., до выборов в Думу, выступал за активное участие духовенства в государственных законодательных учреждениях). И только после этого могут законно выноситься такие наказания, как лишение сана за нарушение такого местного канона данной поместной Церкви. Скороспелое, не основанное на местных канонах, лишение сана, а тем более отлучение без специального соборного и церковно-судебного определения, является чистейшим произволом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Михаил Назаров. *Миссия русской эмиграции*. Москва 1994. Изд. второе, исправленное, 416 стр.

Книга М. Назарова, советского переводчика на стройках в Алжире, в 70-х годах избравшего свободу, не лишена достоинств. Автор проработал большой материал, пишет по источникам, слог его прост и ясен. К эмиграции он относится с большой симпатией, даже с восхищением.

Однако, пробыв свою десятилетнюю эмигрантскую жизнь в Мюнхене (ныне он вернулся в Россию), М. Назаров испытал влияние крайне правых православных кругов карловацкой ориентации и, несмотря на старание быть объективным, видит миссию русской эмиграции сквозь их призму. Опубликованное книгу московское националистическое издательство «Родник», к стати, снабдив книгу крайне безвкусной обложкой, все же сочло нужным на оборотной странице титула отмежеваться от позиции автора в церковном вопросе: «Публикация в нашем издательстве книги М.В. Назарова не означает нашего согласия с позицией Зарубежной Церкви по отношению к Русской Православной Церкви, нашедшей отражение в некоторых главах настоящей книги».

Но не только церковный вопрос освещен в книге неправильно. Политическая миссия эмиграции видится автору однобоко: для него параметр «непримиримости» к советской власти единственен. Прав тот, кто более всех непримирим. Увы, это не всегда так. Да и сама категория «непримиримости» является лишь отрицательным моментом. Не менее существенно положительное содержание непримиримости. Ради каких положительных и жизнеспособных ценностей заявляется непримиримость. Так, какой-нибудь Марков II был несомненно столь же

непримирим к советской власти, что и П.Б. Струве, но не ради свободы, как последний, а ради отживших и отрицательных идей (см. суждение о нем Ивана Ильина в письме к П.Б. Струве в № 171 Вестника, стр. 96.)

Некоторых непримиримых бросило в объятия к итальянскому фашизму и, что еще хуже, к гитлеровскому нацизму, что снижало качество и действенность их непримиримости.

От своих менторов М. Назаров унаследовал масонологию. Настоящий вопрос занимает в книге место, совершенно не соответствующее реальному значению масонства в эмиграции. До Революции среди либеральных политических, финансовых и общественных деятелей (особенно в кадетской партии) было много масонов. Большинство из них остались масонами в эмиграции. Ну что из этого? Гораздо интереснее тот факт, что ни один из крупных мыслителей в эмиграции, как Бердяев, Франк, Булгаков, Струве, Зеньковский, Лосский и т.д., масонами не были, хотя крайне правые в своем масонобесии облыжно их клеймили в масонстве и прочих грехах.

М. Назаров не чувствует, что крайне правые, которым он сочувствует, в своем антисемитизме, антимасонстве, антилиберализме и прочих анти, развивали идеологию политически враждебную большевизму, но по духу ему близкую, и тем самым мешали эмиграции в ее главной миссии: свидетельствовать о подлинной России, и, шире, о самостоянии и свободе человека.

Этот коренной недостаток в концепции, трудно исправимый, портит книгу, которая ценна собранным в ней богатым материалом.

Н. Струве

О возвращении музейных икон Церкви

Многоуважаемый Никита Алексеевич!

С Вашей деятельностью и творчеством я очень мало знакома — читала две Ваши публикации о покойном Патриархе Сергии, о его Декларации. Мной строй и ритм Ваших рассуждений был воспринят как живой метод исследования, отражающий действительность глубоко и непредвзято. Ваши статьи принесли радость. И вдруг увидела Вас в обществе Александра Исаевича Солженицына по телевидению. Мне 76 лет, я прикована к площади комнаты из-за ног, живу под Москвой и передача была неожиданным подарком.

Почему же Вам пишу? Вы не обидитесь, что я претендую отнять у Вас время? Беда вся в том, что Вы в случайной фразе коснулись предмета, который, в известном смысле слова, является источником моей жизни. Я библиотекарь по необходимости, по образованию же — историк (МГУ, древняя история, провинция времен Августа, понятно, что и история христианства).

Что же меня взволновало? Обсуждая с Александром Исаевичем трудный вопрос о передаче икон из музеев храмам, Вы упомянули, что Святые, как, например, «Троицу» Рублева, может быть верней сохранить в музее, где ее увидит «очень много народа, чем в какой-нибудь церкви». Александр Исаевич не очень развернуто добавил, что в Церкви иконы сохранялись сотни лет, правда, некоторые и погибали. (Хотя бы приблизительно, сколько, когда и где погибали? Это моя придирка к недопустимости в таком вопросе «общих фраз и мнений»).

Даю небольшую справку, исходя из внешних обстоятельств. Икону Пресвятой Троицы Андрей Рублев написал в похвалу «отцу своему, преп. Сергию». Преп. Никон просил его это сделать. Преп. Никон — «послушания добрый рачитель был еси... и церковь прекрасную

Св. Троицы в похвалу отцу своему Сергию воздвиг еси...» В эту «похвалу» вошел и преп. Андрей. По закрытии Лавры будущие академики Грабарь, Лазарев, Алпатов смогли сохранить икону в музее. Остальные иконы Рублевского иконостаса остались в закрытом Троицком соборе. После открытия Лавры в 47-ом году, уже с 1948 года начались реставрационные работы, в первую очередь Барановским (иконостас). Потом началась реставрация и фресок собора под руководством художника Павла Голубцова (в будущем архиепископа Сергия). Реставрация проходила и прошла удачно под непосредственным контролем покойного Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского). Открылся Троицкий собор. За соблюдением нужной температуры и влажности в соборе следил иеромонах Никон (в миру Сергей Петрович Преображенский, работник Румянцевского музея, писал диссертацию по архитектуре русских храмов. Был ходячая энциклопедия, лично известный Грабарю). Когда умер в 60-ые годы о. Никон, был назначен другой «наблюдатель». По этой ли причине, или потому, что для иконы самое безопасное место в плане сохранности — иконостас (будущие искусствоведы наверняка смогут произвести точные исследования по этому поводу), но и в 70-ые годы иконостас не требовал никаких «поправок». Кроме «рублевских» были сохранены народной памятью и верхние ряды иконостаса (написаны по желанию Бориса Годунова).

Списки икон Троицы в Лавре прекрасные и промоленные и, конечно, естественно бы было, чтобы главная икона Пресвятой Троицы наконец бы смогла осуществлять свою жизнь, отвечая на молитвы молящихся, преображая их внутренний мир, приносимый в дар ей. В музее икона влачит жалкую жизнь. По своей сути она не предмет обычного искусства живописи, а «богословие в красках», и ей отведена огромная роль в научении Богопознанию в нашем Православном Богослужении. Пока не ввелась дороговизна на билеты и не были открыты разрушенные, поруганные храмы, в Лавру съезжались тысячи паломников в течение года. И Св. Троица продолжала бы расширять дело преп. Сергия по стяжанию Троической любви в людях, являясь источником

Образа Бога в их складывающемся духовном мире. Кроме того, исходя из непосредственного чувства приходящих в Лавру верующих людей, странно допустить, чтобы икона, написанная для Него, с его благодатной помощью, могла бы существовать отдельно от Него. Какие бы открытия мог делать каждый в отношении ее с его помощью в данный момент. Сила его благодати переполняет Лавру и всех прибегающих к Нему, и это нельзя вычеркивать из жизни. Открытию этого посвящено наше Богослужение, как ответ Христу на его призыв «Шедше, научите все языцы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святого Духа». Никакой музей никогда не мог бы этого осуществить, потому что в музей ходят смотреть, но не молиться, даже самые восприимчивые. Кто же имеет право лишать икону ее жизни? Жизни чудотворной? Приходится принимать во внимание, что подход к иконе у верующего и неверующего человека совершенно различный. Для верующего «честь иконе воздаваемая на Первообразное восходит», что неверующему человеку совершенно чуждо.

Приведу Вам простой пример мистической жизни икон, существующих как живой организм. Нам отдали иконы, обнаруженные в туалете. Принесла мне на работу активный член партии. Спаситель — XIX век. Его можно было разобрать. А две иконы — просто две черные досочки. Одну — побольше — мы повесили на терраске, которая не отапливается и зимой промерзает. Вторую поставили в Святой угол. И вот лет через пять, вытирая пыль, мы увидели, что икона, висящая на терраске, — икона Иерусалимской Божией Матери с ликом и ясными красками. Как это произошло, непонятно. А вторая иконочка, когда я заболела года три тому назад, тоже вдруг пояснела: Св. Вмч. Екатерина и Св. Вмч. Меркурий. Лики, одежды, фигуры, нимбы стали ясными, но фон иконы по-прежнему коричневый.

Когда началась кампания по возвращению икон, еще в 1991 году, Церкви пришлось испытать чашу терпения.

* И не забудьте, что хозяин иконы Пресв. Троицы действительно и реально Сам преп. Сергей, посвятивший служению Троице всю жизнь.

В Новгороде не отдавали из музея чудотворную икону «Знамение». (См. журнал «Златоуст», № 2, 1993 г., стр. 218, Галина Столова «Новгородское чудо»). После долгого сопротивления главный реставратор подписал бумагу о возвращении. Вымолили!!! Но в течение года музейными работниками было обнаружено, что указы Президента можно и не выполнять. На этом основании и решили не отдавать икон из музеев. Патриарх, очевидно, в силу своей тактичности не употребляет жестких мер. И мирянами было решено не писать протестующих статей, чтобы не разжигать страсти. И говорить нечего, что место Рублевской Троицы в Троицком соборе, в Посаде, но там очень трудная криминогенная обстановка. Троицу могут просто уволочь.

Ваше появление на экране телевизора совпало с очень болезненными переживаниями по поводу участи священников Кочеткова и Борисова. Об о. Георгии (Кочеткове) особый разговор, рядом с о. Александром (Борисовым) он не может быть поставлен, но болезнь у них одна: исходя из рационального постижения истин христианства, подчинить этому пониманию имеющееся реальное наследство, в котором выражено совершенно иное понимание Церкви, выкинув из него все то, что не вмещается в их рациональное понимание. Вот, может быть, молитвенное вживание в Образ Троицы будет мостом между этими разными сознаниями. Разница в понимании очень четко была выражена в книге о. Александра (Борисова) «Побелевшие нивы». Тем, кто жил церковной жизнью в течение 30-х-60-х годов, эта книга доставила невероятную боль своим незнанием церковной жизни в эти десятилетия, в результате получилась карикатура на эту жизнь. После 70-х годов жизнь нашей Церкви резко изменилась, так как умерли иерархи высокой духовной жизни и в епископате, и среди священников, а также среди мирян. Целое поколение.

После смерти Патриарха Сергия, при Патриархе Алексии (Симанском) жизнь церкви приобрела также другой оттенок, чем при Патриархе Сергии. Патриарха Алексия в его духовный путь благословили словами: «Всю жизнь, каждую минуту жизни посвети любви ко Христу, осталь-

ное все приложится». Когда он стал Патриархом, сознательно сделали так, что он от внешних сношений был отгорожен каким-то «чином», взятым из византийской практики. НКВД не имел доступа непосредственно к Патриарху. С властью предержащими разговаривал Даниил Андреевич Остапов (в прошлом один из первых иподиаконов Святейшего, сопровождавший его с семьей даже в ссылку. Святейшего он считал Святым, не задумываясь отдал бы за него жизнь.) Как только возникал какой-нибудь вопрос, требующий решения Патриарха, то механизм выработки ответа был таков: Даниил Андреевич докладывал Патриарху. Установка же Патриарха была всегда неизменна — сначала молиться, пока не будет ясно, что нужно сделать, и только тогда решать. Из-за этого часто задерживались ответы на требования властей. Например, когда были венгерские события, требуют высказывания церкви. Патриарх тянет. Колчицкий (Управляющий Делами Патриархии) выходит из себя. Тянули долго, т.к. понимали, что высказывания Церкви даются с властью. И высказались. Смысл такой: произошли трагические события, тяжесть неслась с обеих сторон, но это уже прошлое. Нужно в мире принять, что есть. Патриарху, конечно, приходилось принимать всякие делегации и участвовать в празднованиях в Кремле, но это занимало мало времени, основное же время было посвящено молитвенному подвигу. В результате главным и единственным двигателем и общественно-социальной, и частной жизни Патриарх считал «Общую молитву» в богослужениях. Святое место пусто не бывает, поэтому на служения Патриарха, в течение десятков лет, сходились, съезжались со всех уголков страны десятки тысяч людей, которые с собой увозили этот мистический заряд Царствия Божия. Я предполагаю, что изумительная работа о. Александра (Шмемана) «Евхаристия» и др. были написаны по вдохновению, которое шло от нашей церкви в это время, т.е., другими словами, он писал с «натуры», которой и была Литургия нашей Церкви в эти годы. К возможности такого предположения толкнула меня мысль Бориса Леонидовича Пастернака, которую он изложил мне 13 октября 1941 года, при

отъезде его в эвакуацию из Москвы. «Я давно пришел к выводу, — сказал он, — что настоящее художественное произведение затем воплощается каким-то нам неизвестным механизмом жизни в самой жизни. Вот почему так ответственно, показываешь ли ты натуру в свете замысла о ней Бога». Относительно самого Пастернака, мы тогда уточнили, что он видит натуру через глаза Христа, которого он страстно полюбил в 5 лет. Мировую отзывчивость Христовой любви я считала особенностью Пастернака, и он со мной согласился. От других художников это его отличало, т.к. они идут от освященности «натуры» Духом Святым, а он видел Спасение «некрасоты» Христом с последующим преображением ее Животворящим Духом.

Как-то раз на службе Святейшего в Елоховском соборе присутствовал грузинский Каталикос Калистрат, а также какая-то именитая протестантская делегация. После службы Каталикос вышел на солею и обратился к нам, мокрым от пота (пошевелиться было нельзя): «Дети, какой радости нас сподобил Господь, мы вместе были в Царствии Небесном». Мы и правда были. Он умер через две недели. Его слезы, обращенные к нам, нашли полный радостный отклик в наших сердцах. Затем к нам обратился член протестантской делегации с очень добрым лицом, скромной улыбкой. «Я рад, что я присутствовал на вашем богослужении; хотя мне оно и далеко, но меня поразило ваше пение «Верую» и «Отче наш». А вхождение в Царствие Божие на Вечерю Господню у него не произошло.

Еще нужно отметить, что война и бесчисленные массовые репрессии изменили отношение у верующих людей к жизни, к Богу и Церкви. И в 40-е, и в 50-е, и в 60-е годы в Церковь несли израненные сердца, сознательно надеясь на помощь Божию. А в связи с очень высоким уровнем священников и очень высоким по духовности ядром церковной жизни, пришедшие получали ответы на свои запросы и сами втягивались в русло духовной жизни. Катехизация зиждилась на объяснении в проповедях смысла Литургии, смысла духовной жизни, необходимости духовных качеств, приближающих нас к Богу, и необходимости ежедневного чтения Евангелия.

И вот после 70-ых произошла смена поколений, и все изменилось. О. Александр (Борисов) пишет, что на исповеди часто говорят, что «что-то есть». Думается, было бы хорошо и начать преобразить сознание, постепенно добираясь до сердца. Объяснить, что не «что-то» есть, а «Кто-то есть» и это Пресвятая Троица, которую мы постигаем не только через «учение» о Ней, но и через изображение Ее Рублевым. С этого и начинать *сейчас* катехизацию.

В XVII веке было признано не каноничным изображение иконы «Отечества» — Бог Отец — старик, Христос — молодой мужчина и Св. Дух — голубь (изображать-то продолжают, но уже мало). Постижение религиозно-молитвенное Троицы не несет в себе опасности идолослужения, зато, как и должно, организует сознание, постепенно наполняя его конкретностью благодатной Жизни Каждого Лица Бога. Соотношение Лиц Св. Троицы разными искусствоведами трактовалось по-разному. Мне ближе толкование академика Лазарева: самый правый Ангел — Бог Отец. Справа от Него — в середине — Христос и Левый Ангел, ближайший к церковному престолу — Дух Святый. В замечательной диссертации архимандрита Вениамина (Милова) — в последствии епископа — «Тройческая любовь» — Бог Отец характеризуется как «Милосердие», Бог Сын — как «Смирение» и Бог Дух Святый — как «Чистота». Последняя характеристика перекликается с высказываниями, помещенными в журнале «Новая Европа» (№ 3, 1993 г.) известного деятеля экуменизма архимандрита Ирины (Тоще). Статья прекрасная. Он рассказывает, что совершение богослужения по чину Русской Православной Церкви имело большое влияние на окружающих, даже на неверующих. Он объяснил это наличием в этом богослужении «красоты», которая, по выражению Достоевского, «спасет мир». Диссертацию епископа Вениамина мы переживали в течение десятков лет. Также есть прекрасная статья о рублевской Троице архиепископа Сергия (Голубцова) в «Трудах Московской Патриархии», номер я забыла. Еще добавлю небольшую житейскую деталь о Новгороде. В 1938 году наш курс участвовал в археологических рас-

копках Новгородской вечевой площади. В свободное время мы обошли все «памятники». Новгород был красив необычайно. София утопала в розах. Церковь «Преображения» с фресками Феофана Грека, самая бесподобная по красоте. Кругом синие реки, стога сена и церкви, сохранные верующими сторожами, которые с радостью пускали и одиночек, если те хотели помолиться. Молиться хотелось все ночи напролет, так приказывал делать «Господин Великий Новгород». Когда я рассказала об этом появившейся у нас в Академии в 1957 г. монахине, пожилой алтарнице матери Ефросинии, она сообщила следующее. В 1917-18 гг. (не помню точно) она вместе с ее двоюродной сестрой, которая жила в их семье и была единокровной сестрой Блока, Ангелиной, работали в госпитале в Новгороде и окормлялись у будущего Патриарха Алексия. «Лиля» (монахиня Ефросинья) приняла монашество. Ангелина не успела — умерла от тифа. Хоронили ее как Святую. Приехал Блок и сказал матушке, что он понимает Ангелину. (Хотя до этого лет за пять он писал в дневнике, что Ангелина поражает чистотой, но ограничена, восхищается романами о Христе /какой-то англичанки/ и бегаёт на проповеди, кажется, Илиодора). Так вот по камням Новгорода ходил Блок и бегали ножки Ангелины. А как они молились в то время!! Еще деталь о Патриархе Алексии. В 1958-59 гг. (не помню точно) он и митрополит Николай (Ярушевич) были вызваны к Хрущеву и тот «орал» на них. На следующий день была Международная Конференция или Конгресс Церквей. Патриарх выступал на нем. Ему в то время было 80 лет. Его отличала простота и ясность речи. И он изложил положение Православной Церкви в прошлом и настоящем так, как оно действительно было. Свое выступление он не сокращал. Мы думали, что на другой день его уже не будет в Москве. Но он остался, и как всегда торжественно служил в Елоховской. Митрополит Николай в своей кафедральной церкви на Преображенке начал ряд необычных проповедей, называя все своими именами. Через год у него уже был обширный инфаркт. Пришли закрывать церковь, «бабки» и «старухи», о которых так презрительно написал о. Александр (Борисов), не уходили с поста

вокруг церкви несколько дней. Вообще наша церковь сохранилась пламенной любовью этих самых «старух».

Никита Алексеевич!

Извините за спонтанное и, может быть, невнятное изложение вещей, которые меня волнуют невероятно. Дело в том, что я стара, и желание поделиться тем, что имею, подчас, берет верх над возможностью усидчиво работать над своими текстами. Бог даст, Вам что-нибудь пригодится.

Храни Вас Бог.

Екатерина Александровна Крашенинникова
Московская область. Ст. Ашукинская.
Ул. Водопьянова, д. № 2.

Комментарий:

Вы сами назвали проблему местонахождения иконы — трудной. На самом деле проблема проста по существу — всякая икона должна быть в храме — и сложна из-за превратностей как гражданской, так и церковной истории (тесно переплетающихся).

Вы правильно отметили: у икон своя мистическая судьба. Иконы являются, самообновляются. Но церковная история знает и забвение иконы как откровения божественной красоты, превращения ее в только священный предмет. Так, подлинную красоту Рублевской иконы забыли и открыли лишь в бурные революционные дни 1905 года, когда стало возможно снять с нее, хотя бы на время, заковавшую ее ризу. И только после революционных событий 1917 года Рублевская икона засияла для всех в своей первобытной красоте, но уже не в церкви, а в музее.

Тут закономерность всей священной истории: за небрежение, измену, дар свыше отнимается у обладавших им, и передается другим.

Отныне, что кончились дни гнева Божьего, что очистившаяся Церковь вновь поняла значение «умозрения в красках», законно считать, что место Рублевской иконы у преподобного Сергия, ее вдохновителя. Но порою кажется, что назначение этой иконы, вводящей в неизре-

ченную тайну Пресв. Троицы, универсальнее: находясь в музее, не исполняет ли она новую миссию, ей отныне предназначенную: свидетельствовать не только для верных, но и для инаковерящих или для безверных?

Н. С.

P.S. Комментарий был уже написан, когда мой опыт проблемы, поставленной Е. Крашенинниковой, обогатился двумя наблюдениями:

1. В действующем Свято-Успенском монастыре во Владимире древнейшая русская икона Боголюбской Божьей Матери (XII-ый век) содержится в музейных условиях сохранности, под стеклом и с аппаратом, регуливающим температуру и влажность: это оптимальный вариант, когда икона, при гарантированной сохранности, может быть одновременно предметом религиозного почитания и художественного лицезрения (с тем только ограничением, что монастырская церковь не имеет «все-народности» музея).

2. Новое расположение икон в Третьяковской галерее усугубляет их «музейный» (т.е. несколько «мертвый») характер. В прежнем помещении икон было, правда, меньше, но зато они смотрелись на расстоянии, как «явления», а не как объекты: так «Троица» Рублева, которая стояла посередине большого зала, теперь помещена в боковом закутке, на том же уровне, что и другие иконы.

P.P.S. Будучи в Москве, я узнал о новом проекте поместить некоторые иконы, одновременно высшей художественной ценности и особо чтимые, как Владимирскую икону Божьей Матери и Троицу Андрея Рублева, в соседний с Третьяковской галереей храм св. Николы в Толмачах, который в настоящее время реставрируется. Там они будут одновременно под опекой музейных работников и Церкви и выполнят свою двойную роль свидетельствовать об истине христианства перед всем миром и служить молитвенному поклонению верующих. Это — оптимальное решение сложного вопроса.

В связи с международной конференцией, посвященной 125-летию со дня рождения в Перми П.Б. Струве, состоялась презентация и дар всех книг, изданных ИМКА-Пресс за 70 лет (одновременно с даром французских книг от французского посольства).

Н.А. Струве прочел вступительную лекцию на конференции, начертав как политический, так и нравственно-религиозный облик своего знаменитого деда, родившегося в последний год пермского губернаторства его отца, Бернгарда Васильевича. Еще в феврале 1995 г. в самый день рождения П. Б. на губернаторском доме была установлена, по почину Дмитрия Олеговича Рогинского, председателя Конгресса русских общин, мемориальная доска с изображением П. Б. и со следующей надписью: «В этом доме 28 января / 7 февраля 1870 года родился Петр Бернгардович Струве, экономист, философ, выдающийся деятель либерально-демократического движения России».

Пермь, индустриальный город с миллионным населением, раскинувшийся на целых 70 километров по обе стороны Камы, в культурном отношении не слишком богат: он славится своим Университетом, основанным в 1916 г. из эвакуировавшегося Дерптского университета, а также балетом и балетной школой, созданной во время Второй Мировой войны на основании эвакуировавшейся Ленинградской труппы. Он гордится тремя уроженцами: Дягилевым (в его доме экспериментальная передовая школа и музей), М. Осоргиным и П.Б. Струве (все трое жили после Революции в эмиграции). По случаю конференции краеведческий музей организовал выставку, посвященную «Пяти годам из жизни губернского города. (Семья Струве и Пермь)». На открытии обсуждалась возможность открыть настоящую мемориальную комнату в честь П.Б. Струве. Для почину Н. Струве передал в дар музею несколько фотографий и автографов П. Б.

В сопровождении директора «Русского пути» В.А. Москвина, организатора всех имковских поездок, Н.А. Струве встречался с главой администрации города В.Е. Фи-

лем, с ректором Университета В.В. Маланиным, дал пресс-конференцию и часовое телевизионное интервью для местной программы. Особо теплая была встреча-обед с архиепископом Пермским Афанасием, духовенством и активными мирянами. Церковная жизнь в Перми быстро возрождается, хотя, как во многих крупных городах Сибири и Урала, остро чувствуется последствие насильственной дехристианизации. Сейчас в городе открыто уже 10 храмов, в епархии действуют два монастыря (до перестройки в Перми была всего лишь одна действующая церковь).

... во Владимире и Ярославле (27–30 июня)

В конце июня, по приглашению города и архиепископа Владимирского Евлогия, было передано собрание книг ИМКА-Пресс Владимирской областной библиотеки. Оплату имковских книг взял на себя митрополит Гор Ливанских Георгий Ходр, в память профессоров Сергиевского Подворья, в котором он учился в 50-х годах. Митр. Георгий специально приехал из Ливана для передачи книжного дара. На следующий день после открытия выставки он, в сопровождении Н.А. и М.А. Струве, В. Москвина и Е. Гениевой, поехал в Суздаль, где осматривал монастыри и церкви (в то же время Н.А. Струве читал лекцию о Солженицыне в изысканном Суздальском клубе).

Из Суздали отправились в Ярославль, где состоялась передача книг ИМКА-Пресс недавно открывшемуся духовному училищу, на средства и в память о Игоря Верника, последнего духовника Р.С.Х. Движения. Гости были радушно встречены игуменьей Толгского монастыря и владыкой Михеем. Встреча-передача состоялась в соборе (так как училище в каникулярное время было на ремонте) в присутствии местного духовенства, среди которого выделялась маститая фигура прот. Бориса Старка, близкого друга по Парижу о. Игоря Верника.

Митр. Георгий Ходр в кратком, но ярком слове подчеркнул как много ему дали в Париже русские эмигрантские богословы.

Продолжается благородная миссия старейшего издательства русского зарубежья — ИМКА-Пресс. Все большее количество библиотек и читальных залов страны принимают в свои фонды книги, выпущенные ИМКой, — плоды десятилетий кропотливого и нелегкого труда на ниве русской словесности. И, что примечательно, — наряду с крупными административными центрами России книги издательства получают и малые города, та самая наша «глубинка», сердцевина, на нерастраченную чистоту которой мы сегодня возлагаем надежды, коль речь заходит о духовном возрождении и нравственном преображении страны.

До последнего времени в нашей области наследие ИМКА-Пресс было представлено в библиотеках двух городов — Воронежа (с сентября 1992 г.) и Борисоглебска (с июля 1994 г.). На сегодняшний день на этой «издательско-географической карте» возник еще один город — районный центр Калач.

Открытие выставки-библиотеки ИМКА-Пресс в Калаче счастливо совпало со временем проведения в Воронеже дней французской культуры, и в рамках этого обширного и торжественного мероприятия стало едва ли не единственным событием, прошедшим вне Воронежа. По этой же причине — празднования Дней Франции, повлекшего за собой наплыв самых разных гостей, — состав делегации, прибывшей в Калач, оказался в чем-то уникальным. К сожалению, директор издательства — Никита Струве — не смог на этот раз посетить Воронежскую область. Но были неизменные организаторы — «полпреды» ИМКА-Пресс в России (Виктор Москвин, директор СП «Русский путь») и в Центральном Черноземье (Владимир Бойков, директор выставочно-издательского центра «Русская усадьба»). И вместе с ними появились представители крупнейших французских издательств — Анни Шевалье («Галлимар») и Мишель Парфенов («Селин»). Прибывшие в Воронеж для участия в издательской конференции, они включили в программу своего пребывания и эту поездку. Это вполне естественно: Мишель

Парфенов и Анни Шевалье, урожденная Четверикова, — представители второго поколения первой волны русской эмиграции. Поколения, родившегося за пределами России, открывшего ее для себе «физически», «географически» уже в зрелом возрасте, но бережно хранящего в себе ее дух, ее историю, ее язык.

В центре Калача, в тесноватом, но ухоженном здании районной библиотеки, прошла церемония открытия выставки ИМКА-Пресс, Виктор Москвин поведал собравшимся (среди которых — школьники, учителя и другие представители местной интеллигенции) краткую историю возникновения и становления издательства, рассказал о нынешней деятельности ИМКА-Пресс в России. Выступившие затем — и «русские французы» Анни Шевалье и Мишель Парфенов, и воронежцы — издатель Владимир Бойков, искусствовед Владимир Добромиров — были едины в своих высказываниях. Речь о единстве и нерасторжимости культуры, закрепление данного тезиса в общественном сознании требуют точных слов. Слова были найдены, а деяния — книги — на полках...

Среди выступавших с ответными словами благодарности к гостям обратился настоятель Вознесенской церкви отец Олег. После того, как были произнесены ответные слова, собравшиеся получили возможность поближе познакомиться с экспозицией. Точнее, испытать момент начального соприкосновения — ведь в дальнейшем все эти книги должны стать предметом живого читательского спроса, погружения в них, открытия живой мятущейся мысли.

На полках — более двухсот пятидесяти наименований книг, среди потерянных — экземпляры уникальные, раритетные. Никакой скидки на «малое население» Калача — это принципиальный фактор: каждая из книг достойна крупнейших библиотек России. Да и «проходных» книг и быть не может: духовные установки вкупе со сложнейшими условиями выпуска литературы (ИМКА-Пресс никогда не была в ряду «преуспевающих» издательств) просто исключают выход «случайной» литературы. Примечательно, что совместное предприятие «Русский путь», подхватившее эстафету парижского

издательства в России, занимается в настоящее время переизданием некоторых книг, выпущенных в свое время ИМКА-Пресс. Труд этот, выполняемый в меру сил, весьма скромных (что естественно для издателей некоммерческой литературы, выходящей в свет среди засилья красочно-глянцевой чепухи), венчают первые победы. На стендах калачеевской библиотеки — переизданная предприятием «Русский путь» книга В. Леонтовича «История либерализма в России», вышедшая в 1980-м году в знаменитой серии «Исследования новейшей русской истории» под редакцией Александра Солженицына. Российское переиздание (тираж — 50 тысяч экземпляров) открывает широкий доступ к этой книге всем, кто неравнодушен к событиям, не столь от нас отдаленным.

Простое перечисление книг, «прописанных» отныне в районной библиотеке Калача, — занятие, невозможное в принципе. Стоит произнести лишь несколько имен — Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Семен Франк... — и уже можно затеряться в этом космосе мысли и стояния, в этом необъятном наследии, за которым — еще десятки и сотни творцов слова, живущего рядом с нами — на расстоянии протянутой руки.

Говоря о подготовке и организации выставки в Калаче, нельзя не упомянуть добрым словом действия местной администрации: большая часть книг приобретена на средства, выделенные из районного бюджета, явно не перенасыщенного финансами. Подобный «материальный» отклик по нынешним временам — редкость. Что ж, если представители власти понимают, что благосостояние обретается не хлебом единым — подобный подход к делу вызывает искреннее уважение.

Еще один малый российский город стал богаче. Богатство это подсчету не поддается. Но заложен фундамент, рассчитанный на будущее, на день завтрашний. Помните, Борис Пастернак определял книгу как «клуб горячей, дымящейся совести»?.. Несомненно, что концентрированное, «горячее» движение мысли поможет нам в мучительных поисках спасения души и страны.

Лев Лазаренко.

Патриарх Сербский ПАВЕЛ

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «НИН»

«Не только во всем мире, но и в Сербии немолчно звучат голоса тех, кто непременно хочет создать чувство вины у сербской Церкви и всего сербского народа... Сербская Церковь не раз призывала нынешних борцов за существование Сербии избегать соблазна преступлений, помнить о человеческом отношении к недругам... Если не только Великая, но даже Малая Сербия может быть сохранена лишь ценой преступления, то я не согласен», — сказал, как всем известно, Патриарх Сербский Павел.

Как же случилось, что несмотря на решительные слова Патриарха в пользу приемлемого для всех сторон, мирного разрешения конфликта сербскую Церковь обвиняют в одобрении военного выбора? Неужели мир глух к голосам из Белграда? Или политические, экономические и военные интересы Европы и Америки ничего не дают расслышать? Может быть благодаря тому, что сербская Церковь прекрасно понимает положение боснийских сербов, и создалось некое непроницаемое поле, а также легенда о поголовно вооружившемся крестом и мечом сербском духовенстве?

В интервью, данном 27 января 95 г. журналу «Нин», Патриарх Сербский Павел отвечает на вопросы, касающиеся боснийской драмы, судьбы сербов и сербских национальных и государственных интересов.

Интервью ведет Мило Глигориевич.

Мило Глигориевич : Ваше Святейшество, Вам суждено было патриаршество во времена более чем смутные и трагические. Сербы воюют за пределами Сербии, сербы в Сербии по-разному относятся к этой войне. Какую роль, по вашему мнению, играет в такое время Церковь?

Патриарх Павел : Иисус Христос, Сын Божий, основал Церковь на вечные времена. Заповеди, которые Он дал как Бог и Человек, действительны для любых столетий, для всех человеческих поколений и для всякого человека

в отдельности, ибо Господь, одаряя человека, дал ему не только ум, сердце и волю, но и свободу. Свобода воли делает человека личностью. Ответственность без свободы была бы недостойна Бога, а свобода без ответственности недостойна человека.

М.Г.: В самом деле, у нас есть свобода выбора...

П.П.: Во всяком случае, свобода позволяет нам поступать по воле Божьей, но также — и противно ей. И от многого зависит, куда человека заведет, — от его прошлого, от эпохи, от семьи, от исторического момента, от общества, в котором мы живем.

Но важно другое. По многочисленным примерам из Ветхого и Нового Заветов, из истории Церкви видно, как часто посреди сонма грешников оставался один-единственный праведник. Когда люди развратились, Бог послал потоп на грешный мир, а спас одного Ноя. Можете себе представить, как выглядел в глазах соотечественников Ной, строивший на суше ковчег. Разумеется, он знал то, о чем другие не ведали, потому что был достоин Божественного откровения.

Ну а в конце концов все-таки от нас зависит — как люди мы поступаем или как изверги.

М.Г.: Что же должна делать Церковь, чтобы люди были людьми?

П.П.: Предупреждать, учить и объяснять, что ни дело Божье, ни личные, семейные или национальные интересы не дают нам права на преступление отвечать преступлением.

М.Г.: Несмотря на то, что и Вы, и многие архиереи уже указывали на все это, злодеяния продолжают совершаться всеми воюющими сторонами, в том числе и сербской...

П.П.: К сожалению, от этой истины нам никуда не деться.

М.Г.: Например, хорваты и мусульмане разрушают сербские святыни, сербы разрушают хорватские и мусульманские святыни. Разрушен Житомирский монастырь Благовещения на реке Неретве, воздвигнутый в 1563 году. Разрушены мечети в Бане-Луке, Ферхадия и Арнаудия, обе 16-го столетия, шедевры исламской архитектуры. Уничтожена Аладжа в Фоче. «Уничтожено» и самое имя Фоча, несмотря на то, что это старославянский топоним, происходящий от слова Ходжа. В этой гражданской войне разрушено много из того, что пережило предыдущие войны.

П.П.: Мы осудили разрушение всех святынь, и наших и чужих.

М.Г.: Говорят, это был вялый дипломатический протест.

П.П.: Не только в мире, но и в Сербии неумолчно звучат голоса тех, кто непременно хочет создать чувство вины у сербской Церкви и всего сербского народа, само существование которого стоит под вопросом, с которым воюет не только мусульманская власть в Боснии, но и хорватская в Хорватии и «Боснии и Герцеговине», а силой пропаганды — весь мир. Так неужели еще и Церковь должна истязать свой народ?! Сербским политическим и военным вождям мы всегда напоминали, что сербский солдат не смеет походить на своих врагов. Во всех прежних освободительных войнах на протяжении всей нашей истории сербский солдат всегда был солдатом. Он воевал, но не мстил. Возьмите Балканские войны или Первую Мировую войну, сербы воевали за «крест честной и свободу златую»: никакой мести, никакого разгрома мечетей, или осквернения кладбищ, никогда! Возьмите мечеть Синан-паши в Призрене, построенную на развалинах храма Святых Архангелов, заложенного царем Душаном, он там и покоем. В 1912 году сербская армия освобождает город, мечеть остается нетронутой, она и по сей день стоит в самом центре города. Вот и мавзолей Мурата на Косовом поле, там, вероятно, и по

сей день теплится лампадка, или мавзолеей Дамид-паши, на самом чтимом месте Калемегданской крепости, над церковью Ружица и Святой Параскевы. Вот, наконец, и австро-венгерское военное кладбище 1917 года, и поныне сохранившееся, там лежат «защитники габсбургского царства», оккупанты Сербии. Во время первой Югославии (1918–1941) на Кошутняку существовало немецкое военное кладбище, немцы растоптали Сербию в 1915 году, но за кладбищем ухаживали с надлежащим почтением, ибо погибший воин перестает быть врагом.

М.Г.: Но это кладбище уничтожено после войны...

П.П.: Уничтожено только после 1945 года, когда прогнали и немецкое меньшинство из Югославии, по закону новой власти и идеологии того времени.

Сербская Церковь не раз призывала нынешних борцов за существование Сербии избегать соблазна преступлений, помнить о человеческом отношении к недругам. Но в теперешней остервенелой вражде этому соблазну подвержены все три воюющие стороны. И за каждую сражается ведь человек, Божье творенье. Так что постоянно указывать на вину одного только своего собственного народа значило бы оправдывать тех, кто накликал эту войну, кто хотел, чтобы в Боснии, Герцеговине, Краине, Славонии и Барани жили только одни или только другие, но во всяком случае не сербы, а сербы — исконно самый многочисленный народ между Дриной и Плитвидами. Начало антисербской войны оправдывают и так, и этак, но всегда упускают из виду, что ей предшествовало освящение костей мучеников из братских могил Герцеговины, в церкви-памятнике в Пребиловцах, в Житомисличе. Как только война захватила Боснию и Герцеговину, эту народную святыню, памятник веры и борьбы за свое национальное существование, стерли с лица земли, а останки сожгли и уничтожили. Значит, начали с того, чтобы уничтожить следы преступлений усташей, следы геноцида, и открыть путь для нового геноцида. Кое-кто не слышит призывов нашей Церкви, направленных против всеобщего безумия и обращенных в первую очередь

к нашему народу, который почти ничего не знает о преступлениях сербской стороны. Поскольку теперь известно, что преступления — дело рук отдельных безбожников, которые поспешно вырядились сербскими националистами, а на самом деле остались насильниками, воспитанными в той идеологии, для которой Бога нет, а значит все позволено, т.е. позволено надругательство над верой отцов и над православной жизнью. Так что не вижу, что бы я такое должен был сказать, кроме уже мною сказанного. Мы осудили ужас и безумие, но безумие взяло верх. Я, например, родился в Славонии, так хорваты разрушили в моем родном селе церковь только потому, что я там родился. Как будто я мог выбирать место рождения, а деревня того, кто в ней родится.

М.Г.: Когда безумие и стычки только начинали разгораться, некоторые епископы тоже говорили, что войну затевают атеисты. Думаете ли Вы, что если бы Господь Бог не был вытеснен из душ югославян, то не дошло бы до войны?

П.П.: Если бы все поступали по-христиански, если бы человек поступал по отношению к ближнему так, как он хочет, чтобы и с ним поступали, а это одна из основных заповедей христианства, возможно и не было бы этой войны. То есть если бы мы были истинными христианами, и мы, сербы, и католики-хорваты, если бы мусульмане соблюдали Божьи заповеди, ибо они тоже веруют в бессмертие души и должны знать, что на том свете всем нам воздастся по заслугам, то наша действительность была бы иной. Если бы война все-таки началась, то, верю, быстро бы и закончилась.

М.Г.: Большую часть жизни Вы прожили в Косово, колыбели сербского народа. Что там атеисты застали и что после падения коммунизма оставили?

П.П.: До Первой Мировой войны жизнь была тяжелой и мучительной для православных. Священник должен был быть и учителем, и судьей, а иногда даже вооруженным защитником своего и чужого очага. Люди надея-

лись, что настанут времена, когда священник будет священником, учитель учителем, судья судьей, когда все смогут заняться своим делом. Однако история распорядилась по-своему. После освобождения от турок в 1912 году, пришел 1913 год, год болгарской войны, затем 1914–1918, годы австрийской войны. Пострадало больше половины мужского населения, кто погиб, а кто умер от эпидемий. Погибли самые жертвенные, а оставшиеся, когда народ не набрался еще новых сил, познали ужас Второй Мировой войны, которая вновь унесла самых лучших, самых одаренных.

А что произошло в Косове после Второй Мировой войны? Власть сделала все, чтобы вытеснить духовное начало и не допускать его развития впредь. Приобрели мы духовный вакуум, опустошенность, а в опустошенности — все позволено. И теперь человек не может, вы видите, за ночь изменить душу свою, приобрести новые навыки.

М.Г.: Часть прессы обвиняет некоторых епископов за то, что в их публичных выступлениях нет той благости, которая слышится в Ваших. Иные комментаторы находят даже капитальную разницу между Вашей позицией и позицией «воинствующих архиереев». Говорят также, что эта разница замалчивается, что молчите и Вы, боясь вызвать новый раскол Церкви.

П.П.: Насколько мне видно, это разница чисто индивидуальная. Не все люди достигают одной и той же степени зрелости и умственного развития одновременно. По моему мнению, было бы большим несчастьем, если бы все, вся Церковь на мои слова сказала «аминь». Беда не в различии, а беда в том, что недостаточно созревший человек вдруг заявляет, что он уже всего достиг.

Св. Василий Великий (IV век) говорит, что в духовном возрастании 3 степени: раб исполняет волю хозяина, ибо он пуглив, боится наказания и смерти. В духовном плане его можно сравнить с христианином, который, боясь ада, творит волю Божию. Вторая степень, говорит Св. Василий Великий, степень наемника. В те времена множество свободных людей получало плату за их труд. В духовном

плане с ними можно сравнить христианина, который покоряется воле Божьей, чтобы получить место в раю. Третья степень, говорит Святой, степень сына. Существовали тогда и рабы, и наемники, но сын или дочь выполняли волю отца не из страха перед наказанием, не за отцовскую награду, а по желанию доставить отцу удовольствие. Первые двое ставят в центр себя, третий — Отца. Третий и есть настоящий христианин, но никто не может подняться на этот уровень, не пройдя двух первых. Сколько времени проведет он на каждом уровне, зависит, конечно, от него самого. Требовать от находящегося на первом уровне, чтобы он поступал так, как находящийся на втором, или даже на третьем, совсем бесполезно, ибо это требование неосуществимо. Я постоянно повторяю, что если я могу нести груз в 30 килограммов, то добавьте мне еще только полкилограмма — и я не смогу нести ничего, я просто упаду.

М.Г.: Значит, разница неизбежна.

П.П.: Разница неизбежна, но было бы очень худо, если бы мы, блудному сыну подобно, отвернулись от Отца и уклонились в ложный путь. Сегодня, в больших несчастьях, трудно остаться на пути Отца. Я часто рассказывал, как один мой земляк, оттуда, из Пакраца, в 1992 году защищал свою деревню. Под натиском хорватов защитники отступили, но когда вернулись, вернулся и он с ними навестить свою родню. Нашел их всех зарезанными. «Попадись мне тогда под руку хорватское дитя, не смог бы сдержаться». Он знал, что дети невиновны, но в такой момент не до размышлений. В такие моменты человек нуждается в большой силе, чтобы на преступление не ответить преступлением, остаться человеком и защищаться, как подобает человеку.

М.Г.: Сербскую оборону, Ваше Святейшество, большая часть мира принимает за агрессию. Давно, еще до аннексии Боснии и Герцеговины, Гладстон сказал Владимиру Йовановичу, отцу Слободана Йовановича, что если сербы из Сербии будут оказывать помощь сербам вне Сербии,

то весь мир отнесется к этому враждебно. Мой вопрос, почему это так? Почему Европа и Америка видят в сербах нарушителей европейского мира?

П.П.: Мне кажется, любой человек более или менее склонен мерить себя одним мерилом, а других другим. Неоднократно повторял людям, живущим за границей, умолял их: не слушайте, как свое несчастье представляют только сербы, или только хорваты, или только мусульмане. Вы не сербы, не мусульмане, не хорваты, вас эти несчастья непосредственно не затрагивают, вы сможете взглянуть объективней. Узнайте полную правду, а не правду одной, второй или третьей стороны.

Когда в Лиссабоне шли переговоры между Караджичем, Изетбеговичем и Ключичем и был составлен договор, по которому Босния входила в конфедерацию, нашлись доброжелатели, которые, слушая только одну сторону, помогли только порче договора и согласия. Тогда Европа и Америка провозгласили Боснию единым государством, а Алия Изетбегович заявил, что готов начать войну за защиту той Боснии, которую признал весь мир. Кто такую Боснию не признает, тот агрессор, преступник.

М.Г.: Что может сделать церковная дипломатия в решении сербского национального вопроса? Упоминаю церковную дипломатию, т.к. недавно было много спекуляций в связи с вероятным приездом Папы в Белград. Были разговоры о важности Вашей встречи с Папой. На первой странице Ново-Садского журнала «Свет» перефразируются слова адвоката Ильи Радуловича: «Папа обещал Вуку (речь идет о Драшковиче), что Сербия получит кредит на полтора миллиарда долларов и снятие санкций, а Патриарх Павел ответил Вуку на это: не допустим приезда Папы в Белград на таких условиях, при которых в Сербии ни одного младенца в живых не останется».

П.П.: Это сущая ложь. Никогда и никому я этого не говорил.

М.Г.: Вы лично не слышали об этом?

П.П.: Кто-то мне говорил, что на меня нападали, но толком не знаю, в чем дело. Господин Вук Драшкович был здесь и упоминал о приезде Папы. Я сказал то же, что говорил всем, — что мы не получали никаких письменных предложений, только устные намеки и попутные уверения, будто бы Папа желает приехать. Я отвечал то, что и сегодня говорю, — что в таких делах я не представляю себя самого, свое личное мнение. Принять решение может только архиерейский Собор. Я не Собор, а только его председатель, первый между равными. Это я всем говорил. Что же касается меня лично, то я готов, если этим можно было бы приблизиться к миру хоть на сантиметр, встретиться с любым человеком. В таком важном деле мы бы, конечно, посоветовались с остальными православными церквями, т.к. это была бы первая встреча сербского Патриарха с Папой. Я не могу принять это решение единолично.

М.Г.: Упоминался ли в разговоре с Вуком Драшковичем кредит в полтора миллиарда?

П.П.: Не помню такого. Знаю, что Драшкович говорил о пользе, которую мы, сербы, могли бы извлечь из приезда Папы.

М.Г.: Что Вы скажете, Ваше Святейшество, о недоразумении между Сербской Церковью и Всемирным Советом Церквей?

П.П.: Нам ставят в вину, что мы думаем только о себе, говорим только о наших бедах, что совсем неверно. Затем, нужно сказать, что и во Всемирном Совете Церквей есть люди, которым нужно объяснять, что сербы живут в Боснии больше тысячелетия, что верить в то, что сербы сейчас вдруг начали завоевывать свою собственную землю, совершенно абсурдно. Мусульмане называются теперь босняками, и несведущие люди думают, что босняки — это коренное население, а сербы пришельцы и агрессоры.

М.Г.: Некоторые обозреватели думают, что симпатии духовенства — на стороне Караджича и Сербской Респуб-

лики, т.е. военного решения, а не на стороне Слободана Милошевича и Республики Сербии. Говорят также, что лидеры Сербской Республики близки к церкви, посещают церковь, поют «Боже Правде» (гимн), а по эту сторону реки Дрины в Сербии и Герцеговине сохраняются коммунистические символы.

П.П.: В обращении экстраординарного заседания Св. Архиерейского Собора в Бане-Луке (октябрь 1994 года) сказано: «Мы, как пастыри и духовные наставники, не отождествляем себя с властями по ту или по другую сторону Дрины, но мы не можем также отделить себя от нашего хотя и грешного, но все-таки Божьего народа и останемся с ним на кресте, на котором он распят». Во всяком случае, сербы в Боснии, Герцеговине и Краине находятся сейчас в тяжелейшем положении. Все наши помыслы устремлены на помощь пострадавшим, не только от военных невзгод, но и от недостаточной братской помощи и поддержки.

М.Г.: Должен уточнить мой вопрос. Видите ли Вы разницу в образе мыслей и заявлениях сербского руководства в Белграде и в Пале? Говорят о большом различии в стратегии и взглядах на прошлое и будущее.

П.П.: Разница есть, к тому же большая. В общем, насколько я смог наблюдать, в Боснии нет той нетерпимости и того разделения на бывших четников и бывших партизан.

М.Г.: Там было объявлено национальное примирение.

П.П.: Люди сообразили, что разбираться в разногласиях, если они существуют, нужно в мирное время, а не теперь, когда эти пререкания идут на пользу только врагу.

М.Г.: Создается впечатление, что в Белграде самые ярые противники традиций и веры, защищая свой выбор и приверженность Тито в прошлом, на самом деле защищают свою биографию.

П.П.: Понятно, что у человека есть и право защиты, но нельзя же защищаться любым способом. И когда, оправдываясь, доходят до разлада, нужно стараться употреблять не «сильные слова», а сильные доводы.

М.Г.: Ваше Святейшество, вот еще о чем хотелось бы спросить. Конечно, сейчас Церковь прежде всего должна позаботиться о голодных, бездомных, о сиротах, и поэтому вполне понятно, что работы по устройству храма Св. Саввы замедлились. Но все же в некоторых приходах ускоренно строятся церкви и, по словам одного епископа, церкви-памятники. Почему же при этом большинство священников так мало заботится о том, чтобы отучить паству ставить кладбищенские памятники, которые не соответствуют духу православной традиции и по-настоящему уродуют наши города и села? Почему священники без слова протеста участвуют в расточительных празднествах, свадьбах и банкетах, где тратится больше, чем нужно было бы для сирот?

П.П.: Все это так, но кое-что можно объяснить и по-иному. После Второй Мировой войны Белград, к примеру, увеличился в пять-шесть раз, а построена была только одна маленькая церковь на Карабурми. Целые селения без церквей. Новый Белград без церкви. А кладбищ наших безвкусица? Так ведь суэта и расточительность везде существуют, и на кладбищах тоже. Один христианский апологет, живший во II веке, укорял своих земляков в том, что они носят цветы и венки на могилы. На том свете никакой пользы не будет несчастным, если мы увенчаем их головы, а счастливы будут те, кто сподобился Царствия Небесного, их цветы будут красивее всего, что мы можем себе вообразить.

К сожалению, человек, живущий в духовной пустоте, видит только этот мир и угождает его суете. Один ветхозаветный пророк укорял иерусалимских богачей, у которых ложа были из слоновой кости, а Иоанн Златоуст спрашивал — разве слаще спать на ложе из слоновой кости? Затем, обращаясь к богачам, говорил: если бы у вас была душа и если бы вы замечали тех, у кого ничего

нет и кто спит на земле, то и вам было бы трудней спать на ваших ложах из слоновой кости.

М.Г.: Еще один вопрос: в Вашем послании верующим Вы осудили аборт. С каким чувством встречаете Вы критику Вашей позиции?

П.П.: Десятилетиями уча, что Царствия Небесного нет, что его нужно создать здесь, на земле, — мы видим, как его создали и на что оно похоже, — сербские вожди создали опустошенного человека, которому безразличны и предки, и потомки, и прошлое, и будущее. Его не волнует Косово без сербов, как не волнуют сербы без Косова. Св. Апостол Павел говорит: если мертвые не воскреснут, то будем есть, пить и веселиться, ведь завтра все равно помрем! Там, где не верят в бессмертие души, воистину, смысл жизни не в семье, не в потомстве, а только в проходящих удовольствиях. Вот мой ответ.

М.Г.: Ваше Святейшество, как Вы объясняете склонность нашего народа к умножению и преувеличению ненависти и междоусобиц?

П.П.: К сожалению, наш народ склонен к стычкам из-за пустяков. Одна преподавательница рассказывала, как она, во время оккупации, избегала обнаруживать знание немецкого языка, чтобы избежать обвинений в связи с немцами. Однако случилось, что нужно было помочь попавшему на улице сербу, который не умел объясниться самостоятельно. «Несколько раз приходилось мне, — рассказывала она, — ходить к немецкому коменданту с людьми, оказавшимися в беде. В 1943 году была я у коменданта с двумя несчастными. Комендант, выслушав все, решил дело. Когда я пошла вслед уходящим, он повернулся ко мне и сказал: вы, сербы, никчемный народ. Благодаря вашим доносам мы ежедневно сажаем в тюрьму человек 15-16». Перелетела когда-то, давным-давно, соседская курица через плетень, покопалась в грядках с луком, а сегодня, когда нет уже ни курицы, ни грядки, человек мстит соседу с помощью немецкого коменданта. Вот это наше больше несчастье.

Ю. КУБЛАНОВСКИЙ

ВЕРА И СЛОВО

Есть в «Литературной газете» известная рубрика «Точка зрения», где время от времени литераторы делятся своими соображениями о наболевшем. По просьбе газеты и я поделился своими соображениями о ... современной пушкинистике. Одобренная соответствующим отделом статья уже стояла в № 39 (1995 г.) — когда в последний момент распоряжением замредактора Кривицкого была вынута прямо из гранок...

Когда Николай I узнал про смертельное ранение Пушкина, он послал ему записку с напоминанием про исповедь и причастие.

«До какой степени инакомыслящим представлялся Пушкин тем, кто стоял у кормила власти, — справедливо замечает прекрасный современный пушкинист Стелла Абрамович, — если царь счел необходимым в полночь срочно отправить фельдьегера с таким письмом».

Далее она пишет: «Но, судя по всему, что нам известно, поэт не помышлял об отказе от последнего христианского обряда. Широта взглядов, к которой он пришел в зрелые годы, обусловила и его терпимость и “уважение к преданию”».

Итак, страдающий от тяжелой раны поэт на смертном одре проявил — по Абрамович — «широту взглядов» и из «уважения к преданию» добровольно согласился на исповедь и причастие. Просто традиционная дань обычаю и не больше.

Утром 28 января Пушкин стал прощаться с детьми: «кчал им на голову руку; крестил...»

Потом подошедшей к нему Е.А. Карамзиной сказал: «Перекрестите меня!» «Я, уходя, — рассказала Карамзина, — осенила его издали крестом, он опять мне протянул руку и сказал тихо: “Перекрестите еще“, тогда я уже перекрестила, прикладывая пальцы на лоб...»

Неужели и это все из «уважения к преданию» — и только?

...Но вникая в каждую минуту, час, день скрупулезно составленной Абрамович предсмертной пушкинской хроники, не находишь другого определения: кончина Пушкина была воистину х р и с т и а н с к о й, осветленной не просто его мужеством и терпением, а настоящим всепрощающим религиозным катарсисом. К людям, судьбе, даже смерти — он испытал то высшее «благоволение», о котором, как о ключевом для духа понятии, говорил друзьям в преддверные свои дни и которое определило пафос его зрелой поэзии. Об этом проникновенно писали Соловьев, Франк, в наши дни — Солженицын. Представить Пушкина умирающим без причастия невозможно.

...В предисловии к хронике «Пушкин в 1833 году» С. Абрамович напоминает: «Теперь уже очевидно, что нравственный опыт пушкинской жизни оказался необычайно значимым для нас. Первым об этом сказал Давид Самойлов». Не Белинский, не Ап. Григорьев, не Достоевский — Самойлов.

Дело не в первенстве, разумеется. А в том, что мы, экс-советские люди, с нашим поневоле уплотненным представлением о духовности Пушкина и его эпохи, порою «изобретаем велосипед», на уровне подкорки игнорируя свидетельства, размышления и слова людей, несравненно более тому времени близких и еще тоталитаризмом XX века не обворованных. Ведь ныне нам несравненно труднее поставить себя в, так сказать, органические отношения с миром Пушкина. Одни делают из него чуть ли не сусального праведника, другие замуровывают в просветительско-декабристскую идеологию, списывая его духовную и творческую эволюцию на зрелую «широту взглядов» всего лишь. Каждый понимает Пушкина, и шире — всю русскую культурную дореволюционную жизнь — в меру собственных убеждений, в меру того, насколько переварены нами идеологические советские принципы.

Наконец, в меру интенсивности личной религиозности. То, что о Сергию Булгакову представлялось «духовным чудом» (речь снова идет о последних днях и часах

поэта), теплохладному Ходасевичу виделось «лишь исканием христианской кончины». Все же, в конце концов, именно эмиграции удалось сказать новое слово о духовности Пушкина.

Тогда как у нас — по понятным причинам — разрабатывалась, в основном, фактология, обильно приправленная идеологической данью. Под пером советского пушкиниста мир Пушкина — религиозный, идейный, эротический — становился площе, элементарнее. Мне уже приходилось упоминать о рецидивах «вульгарной социологии» даже у такого зоркого и глубокого мыслителя, как Ю.М. Лотман (ЛГ, 15.03.95). Но ученые его поколения «подцепили» ее еще у своих предшественников, заслуженных исследователей 20-х годов. Например, тогда в ходу была присказка — «без черемухи»: дескать, половая физиология и никаких сантиментов. «Без черемухи» рисовали тогда и любовный мир Пушкина пушкинисты: «Любви, как проникновения в духовный облик другого существа, Пушкин вероятно не знал» (Л. Гроссман). Не знал глубокой любви, веры — бедный гений.

«Секуляризировать» Пушкина — значит заведомо опреснить его бездонную жизненно-творческую вселенную, значит проделывать с его поэтическим миром операцию, равным счетом обратную тому, что было сделано серафимом в «Пророке».

...Сегодня, когда государственной цензуры не существует, слова Пушкина, от цензуры пострадавшего, звучат особенно веско и убедительно: «Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографского снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно».

Но есть исключение, подтверждающее это мудрое правило: сам Пушкин.

«Допускайте же его овладеть вами совершенно» — и наша культура преобразится. А с ней и Россия.

В МОСКВЕ СОЗДАНА БИБЛИОТЕКА-ФОНД РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Когда этот номер «Вестника» дойдет до подписчиков, уже состоится официальное открытие «Библиотеки-фонда русской эмиграции» в Москве.

Учредителями являются Департамент культуры города Москвы, Русский Общественный фонд, основанный А.И. Солженицыным, и издательство ИМКА-Пресс. «Библиотека-фонд» разместится в доме (районная библиотека № 17) на Нижней Радищевской улице, около Таганской площади.

Фонд будет состоять из книг, рукописей, архивов, предметов, имеющих отношение к русской эмиграции. Учредителями уже пожертвовано более 1000 книг (в том числе коллекция поэтических сборников эмигрантских поэтов с дарственными надписями), серия автографов, ряд архивных собраний...

В дальнейшем в библиотеке планируются исследовательская работа, регулярные «чтения», посвященные изучению русской эмиграции.

Лиц, желающих поддержать это начинание материально или вкладом книг или архивов, просим обращаться:

в Западной Европе — к проф. Н.А. Струве (N.A. Struve)
61, rue des Maraîchers, 91140 Villebon-sur-Yvette;

в Америке — к проф. О.Г. Хьюз (Mrs. O. Hughes-Raevsky)
P.O.Box 1207, Berkeley, Ca 94701.

БИБЛИОТЕКИ «YMCA-PRESS» В РОССИИ

Программа устройства выставок и читальных залов по большим и малым городам России не может быть выполнена без помощи всех, кому дорога русская религиозно-философская и художественная традиция, расцветшая за рубежом и столь нужная теперь возрождающейся из-под развалин России. Каждая библиотека-читальня (больше 300 названий), подаренная городу, обходится «YMCA-Press» в 30.000 франков.

С 1990 по 1996 «YMCA-Press» устроила 30 постоянных библиотек по городам России, Эстонии и Украины... и 20 уездных городов обслуживается передвижной библиотекой.

Денежную помощь просим направлять по адресу:

«Association des amis d'YMCA-Press»,
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève,
75005 Paris, France

Всех заранее сердечно благодарим.

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции. Антихрист в Москве? — *Никита Струве* 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Общность и «инаковость» — *митр. Иоанн Зизюлас* (Константинополь)..... 5

Христианство в плюралистическом мире.
Смотрение Святого Духа — *митр. Георгий Хогр* (Ливан)..... 23

Любовь творит меня Богом, а Тебя, Боже, человеком — *еп. Николай Велимирович* 36

Проблема зла — *архим. Плакида Дессей* (Франция) .. 41

Оглашение и Крещение. Тексты служб в переводе на русский язык — *перевод Апри Волохоносского* 53

Философы и машина — *А. Койре* 83

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

■ К столетию Сергея Есенина

Анкета «Вестника» 121

Пояснения к фотографии —
А.Н. Богословский 131

Есенин и революция — *Никита Струве* 134

■ К столетию со дня рождения В.В. Вейдле

Из радиобесед о словах 139

Камни и звезды — *Ирина Бродская* (Берлин) 147

Идиллия на вулкане — *В.В. Розанов* 165

Еще об авторстве «Романа с кокаином» —
Никита Струве 169

СУДЬБЫ РОССИИ

Мятежное детство — *В.И. Соколов* 173

Некоторые проблемы современной русской православной церкви — ее внутренней жизни, культуры, образования —
Д.В. Поспеловский 198

■ Вопросы общественности

Библиография — *Н. Струве* 232

■ Из редакционной почты

О возвращении музейных икон Церкви и комментариев *Н.А. Струве* 234

ИМКА-ПРЕСС в Перми, Владимире и Ярославле — *Х* 244

в г. Калаче (Воронежской губ.) —
Л. Лазаренко 246

Интервью журналу «Нин» — *патриарх Сербский Павел* 249

Вера и слово — *Ю. Кублановский* 261

SOMMAIRE

A nos lecteurs. L'Antéchrist à Moscou? – *N. Struve* 3

THEOLOGIE – PHILOSOPHIE

Communion et altérité – *mêtr. Jean Zizioulas* 5

Le christianisme dans un monde pluraliste –
mêtr. Georges Khodr 23

L'amour fait de moi un Dieu, et fait de toi
Seigneur un homme – *Mgr. Nicolas Velimirovitch* 36

Le problème du mal – *archim. Placide Deseille* 41

Le sacrement du Baptême – *traduction en russe
moderne de A. Volokhonski* 53

Les philosophes et la machine – *A. Koyré* 83

LITTERATURE ET VIE

■ Pour le centenaire de Serge Essénine

Réponses au questionnaire du "Messenger" 121

Explications pour une photographie –
A. Bogoslovski 131

Essénine et la révolution – *N. Struve* 134

◆ ◆ ◆

Exégèse de quelques mots-clefs – *Vladimir
Weidlé(1895-1979)* 139

◆ ◆ ◆

Pierres et étoiles – *Irène Brodski* (Berlin) 147

Idylle sur un volcan – *V. Rozanov* 165

Qui est l'auteur de "Roman avec cocaïne"
(suite) – *N. Struve* 169

DESTINEES DE LA RUSSIE

Une enfance troublée – *V. Sokolov* (Moscou) 173
L'Eglise russe aujourd'hui – *D. Pospélovski* 198

◆ ◆ ◆

Bibliographie – *N. Struve* 232

■ Lettres à l'éditeur 234

«YMCA-Press» dans les villes de Perm, Vladimir,
Iaroslavl, Kalach 244

◆ ◆ ◆

Interview à la revue Nin – *patriarche Paul de Serbie* 249

Н О В И Н К И ! ! !

Л. П. КАРСАВИН — О началах

Впервые собран в одном томе основной метафизический труд Льва Платоновича Карсавина (1882-1952).

...«Я утверждаю, что неравноправны самоотдача и самоутверждение, но что есть, собственно говоря, только первая. Как Логос есть только самоотдача и жертва, страдание и смерть (даже в качестве смерти и жертвы) лишь силою Духа, так и в мире единственный путь — путь отдачи всего себя, который и есть настоящее утверждение всякого Богом».

Первый том вышел в 1925 г. в Берлине и с тех пор никогда не переиздавался. Текст второго-третьего тома публикуется впервые по рукописи, хранящейся в Литовской Национальной Библиотеке.

Подготовка текста и послесловие А.К. Клементьева.

(Париж-Петербург) **375 стр. Цена: 180.- фр.**

Н О В И Н К И ! ! !

**RAYMOND DE PONFILLY — Le "cher ami"
de Gogol. Alexandra Smirnova-Rosseti.**

Belle, intelligente, piquante, Alexandra Smirnova, née Rosseti (1804-1882), a été l'amie et l'inspiratrice des grands poètes russes de son temps: Pouchkine, Joukovski, Lermontov. Elle était à la fois attirante et déconcertante. Une profonde amitié la lia à Gogol qui pourtant craignait les femmes, n'étant pas loin de voir en elles une incarnation du diable ou tout au moins une cause de perdition.

L'histoire de la vie d'Alexandra permet à l'auteur d'évoquer la ville d'Odessa ravagée par la peste, la campagne ukrainienne, une institution de jeunes filles nobles, la cour de Nicolas Ier, les milieux littéraires de Saint-Petersbourg et de Moscou, un chef-lieu de province, les villégiatures des Russes à l'étranger.

La biographie d'Alexandra Smirnova avait rebuté jusqu'ici les historiens. Il fallait en effet retrouver la réalité, faussée par ses mémoires apocryphes publiées par sa fille et dissimulée dans ses carnets pleins d'erreurs et d'anachronismes, car écrits dans un état de sénilité précoce. Au terme d'un travail long et minutieux sur les documents de l'époque, l'auteur, au moyen de citations assemblées comme un patchwork de tissus anciens, réussit à faire revivre pour nous cette femme fascinante et sa tendre amitié pour Gogol.

Первая монография о замечательной, хотя и загадочной женщине, вдохновлявшей Жуковско-го, Пушкина, Лермонтова и состоявшей в тесной духовной дружбе с Гоголем.

413 стр. Цена: 160.- фр.

ДВА АЛЬБОМА

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Автор-составитель: Савелий Ямщиков

125 черно-белых фотографий (сепиа), текст
Ю.Г. Малкова, В. Курбатова, С. Ямщикова.

Автобиография наместника монастыря архим. Алипия,
надгробное слово игумена Агафангела.

«...вот уже более пяти веков живя самой активной
духовной — равно молитвенной и труднической —
жизнью, Псково-Печерский Успенский монастырь
воочию являет нам как бы один из образов древней,
но и поныне живущей в душе народа, Святой Руси»
(Ю. Малков).

Издание осуществлено при помощи Российского
фонда культуры.

110 стр. 120.- фр.

**АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ СОБОР
CATHEDRALE SAINT-ALEXANDRE-NEVSKI**

**Двуязычный альбом на русском и французском
языках.**

25 цветных фотографий.

**Вступительный текст, составление, фотографии
Н.А. Тюльпинова.**

Впервые парижскому православному собору на рю Дарю
посвящен альбом достойный его всемирной известности.

72 стр. 120.- фр.

Заказы направлять: **LES EDITEURS REUNIS -**
11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 Paris, France - Tél. : 43-54-74-46

ВНИМАНИЕ!

в России :

Представитель «ВЕСТНИКА»

Богословский А. Н.
Проспект Мира, д. 110/2, кв. 291
129626 Москва

Подписная плата на 1996 год: 10 000 рублей за 3 выпуска

В Москве, в частности, «Вестник» продается:

«Русский путь». Ул. Николоямская, 1 (в здании
Библиотеки Иностранной литературы), 109189 Москва
тел. 915.36.18

Крутицкое Патриаршее Подворье. Ул. Крутицкая, 13
109044 Москва

Представители «ВЕСТНИКА» на Западе

в Америке (West) :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701.

в Америке (East) :

Mrs T. Ertl, 6691 Lakeview drive, Boulder, Colorado 80303.

в Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal, P.Q.H2L 2R7

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

(Из Устава Р.С.Х.Д. 1959 г.)